В этом номере

Г. ВОЛКОВ
ЗАМЕТКИ О ВОСПИТАНИИ

Н. ЗОРИН
ЛЮДИ И ПРАЗДНИКИ СУМГАИТА

И. БАЛЛОД
ЖИЗНЬ И ФОРМУЛЫ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Т. МЕРИНГ
ЧТО ТАКОЕ ЭМОЦИИ?

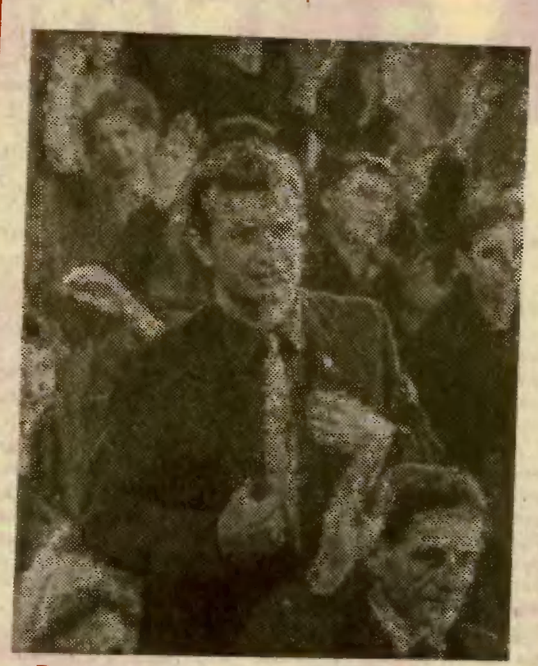
В. СТЕПАНОВ
В РОДНЫХ МЕСТАХ

12 • 1977

В статье 39 Конституции СССР записано: «Граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами. Социалистический строй обеспечивает расширение прав и свобод, непрерывное улучшение условий жизни граждан по мере выполнения программ социально-экономического и культурного развития».

О том, как на деле осуществляются многие права советских граждан, гарантированные Основным Законом нашего государства, рассказывают помещенные здесь и на 3-й странице обложки фотографии.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

№ 12 1977

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

Художественный редактор С. И. Мартемьянова.
Технический редактор С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.
Макет И. Я. Колодной.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются

ЗАВЕРШАЯ ГОД

Заканчивается 1977 год. Он войдет в историю нашей страны особой страницей — как год, отмеченный двумя поистине историческими событиями: 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции и принятием новой Конституции.

Оба эти события стали важной вехой в жизни советского народа и в развитии всего мирового исторического процесса. Победа революции обеспечила невиданные в истории темпы прогресса всех сторон общественной жизни в СССР, в результате чего в стране построено общество развитого социализма — общество могущественных производительных сил и зрелых социалистических общественных отношений, освобожденного труда и социального оптимизма, самой передовой науки и культуры, подлинной демократии и действительной свободы личности, реального гуманизма и господствующего научного материалистического мировоззрения.

Великий Октябрь дал могучий революционный импульс всему историческому процессу. В результате разгрома в ходе второй мировой войны фашизма и японского милитаризма, победы социалистических революций в ряде стран Европы и Азии революционный процесс достиг качественно нового рубежа: сформировалась мировая система социализма — крепнущее с каждым днем мировое содружество братских народов. Продолжает углубляться общий кризис капитализма, все больший размах приобретает борьба против эксплуатации, засилья монополий, за демократию и социализм. Под мощным напором национально-освободительного движения распалась колониальная система империализма. История неопровержимо свидетельствует о неодолимой мощи союза трех основных революционных сил современности: мирового социализма, международного пролетариата и национально-освободительного движения.

Новая Конституция, принятая Верховным Советом Союза ССР после всенародного обсуждения, в концентрированном виде отразила всемирно-исторические достижения победившего социализма за 60 лет и законодательно их закрепила. В Основном Законе общества развитого социализма заложен огромный творческий потенциал для дальнейшего развития экономической, социальной, политической и духовной сфер по пути строительства коммунизма.

Принятие новой Конституции СССР стало и событием огромного международного значения. Высокую оценку как документ большой международной значимости она получила со стороны руководителей и общественности братских социалистических стран, коммунистических и рабочих партий, многих политических деятелей буржуазных стран и всей мировой прогрессивной общественности. Воплощение в жизнь этого выдающегося документа будет оказывать глубокое и долговременное влияние на судьбы человечества.

Решения и материалы XXV съезда партии, постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», новая Конституция СССР, доклады Л. И. Брежнева на майском Пленуме ЦК КПСС «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик», на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР, материалы торжественного заседания, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, являются важнейшими документами современной эпохи. Они составляют основу всей идеологической работы партии и государства по коммунистическому воспитанию трудящихся, а пропаганда их определяет главное ее содержание.

На пропаганде этих документов и прежде всего на разностороннем освещении поднятых на XXV съезде партии проблем дальнейшего экономического, социального, политического и культурного развития нашего общества, на значении этих проблем для формирования научного — материалистического, атеистического мировоззрения сосредоточил в истекшем году основное свое внимание и наш журнал.

В работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин указывал, что «массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.». Эти ленинские слова — программа организации всей нашей атеистической работы. Главное состоит в том, чтобы показывать, что сама жизнь в условиях социализма, различные ее сферы и стороны атеистичны по своему существу, всем своим содержанием опровергают иллюзорное миропонимание и утверждают научное мировоззрение и атеистическую убежденность.

В этом плане нужно прежде всего подчеркнуть необходимость разностороннего и глубокого освещения вопросов, связанных с построением в нашей стране общества развитого социализма — такой стадии его зрелости, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на социалистических началах, когда в полной мере проявляются преимущества социализма во всех сферах общественной жизни. Все это органически связано с проблемами утверждения и развития атеизма и преодоления религии. Поэтому журнал постоянно стремится в разнообразных по характеру и жанрам материалах показывать, что в обществе развитого социализма, при советском социалистическом образе жизни люди не нуждаются в иллюзорном религиозном восполнении действительности.

Особое значение для читателей нашего журнала имеют публикации, в которых раскрываются такие яркие грани советского социалистического образа жизни, как коллективизм и товарищество, сплоченность и дружба всех наций и народов нашей страны, утверждение интернационализма и патриотизма в жизни советских людей, формирование новых традиций и обычаев. В таких материалах на основе анализа положительных фактов и событий показывается несостоятельность утверждений теологов и священнослужителей различных направлений о тождестве национального и религиозного, о религии как хранительнице национальных,

нравственных и иных духовных ценностей, раскрываются теоретические и практические аспекты процесса интернационализации жизни социалистического общества, положительное влияние этого процесса на преодоление религиозных пережитков и развитие атеизма.

Важность для атеистического воспитания трудящихся социально-экономических проблем, которые решает наше общество на современном этапе развития, хорошо видна на примере труда. Труд — коренная проблема социалистического общества. Она связана с атеистическим воспитанием и поэтому разносторонне освещается в журнале. Советское общество — это общество трудящихся, оно состоит только из трудящихся классов и социальных групп. Свободный труд в нашей стране — источник роста общественного богатства, благосостояния всего народа и каждого человека, и поэтому отношение к нему как к первой жизненной потребности должно стать одной из главных, определяющих черт советского человека. Труд — главная сфера приложения творческих сил личности и одновременно главный стимул их развития. Велика его роль в формировании активной жизненной позиции человека, его нравственном и духовном развитии, а следовательно, и в преодолении различных пережитков прошлого. Трудовое воспитание несет в себе большой атеистический потенциал.

В последние два года журнал опубликовал на своих страницах не один десяток материалов по этой теме. Можно вспомнить некоторые из них. В первом номере за 1976 год выступил бывший сектантский проповедник, ныне бригадир строителей в Красноярске В. И. Гарбузов. Он поднял ряд интересных вопросов — об отношении к труду религии в ее классической, библейской форме и в современных модернистских толкованиях, о вреде, который могут принести творческому труду верующего человека многие религиозные догмы и требования, о движущих стимулах труда, его нравственном содержании, о духовном обогащении человека в творческой, увлекательной работе и т. д. Это выступление вызвало много откликов, и освещение темы было продолжено — в очерках В. Франюка о делегате XXV съезда КПСС казахстанской трактористке Камшат Доненбаевой и Э. Долота — о зачинателе движения наставничества ленинградском мастере С. С. Витченко, в интервью с делегатом XXV съезда, Героем Социалистического Труда мастером Московского мясокомбината З. Ф. Назаровой, с Героем Социалистического Труда известным целинником М. Е. Довжиком, с Героем Социалистического Труда слесарем Московского завода «Красный пролетарий» В. В. Ермиловым. Эта тема стала одной из постоянных и главных в журнале.

Широко освещает журнал реализацию комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономические последствия для развития нашего общества — проблемы, которым было уделено большое внимание на XXV съезде партии. Эта программа включает в себя многие задачи, решение которых непосредственно связано с воспитанием человека, формированием научного мировоззрения и атеистической убежденности. Техническое перевооружение промышленности и сельского хозяйства, влияние его на ликвидацию существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, на рост культурно-технического уровня трудящихся; охрана окружающей среды и рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов; решение экологических проблем наукой и теологические спекуляции вокруг так называемого экологического кризиса — все это находит свое освещение в журнале. На его страницах выступают ученые, журналисты по актуальным вопросам развития естественных и технических наук, рассказывают о новейших достижениях этих наук, показывают их мировоззренческий, атеистический смысл, раскрывают логику и диалектику научного познания в противовес слепой религиозной вере и теологическим спекуляциям на нерешенных вопросах науки. В связи с 60-летием Великого Октября, например, в истекшем году были опубликованы материалы о развитии различных отраслей знания из академий наук Казахстана, Армении, Дагестанского филиала АН СССР, Дальневосточного научного центра. Журнал продолжит публикацию репортажей из других академий и научных центров страны.

В связи с принятием новой Конституции — Основного Закона развитого социалистического общества — одну социально-политическую проблему, имеющую большое значение для атеистической работы, хотелось бы выделить особо. Это проблема советской социалистической демократии. «...Главное направление того нового, что содержит проект,— говорил Л. И. Брежнев. — это расширение и углубление социалистической демократии». Развитие же советского социалистического демократизма — это важнейший фактор коммунистического воспитания трудящихся, одно из действенных средств борьбы с пережитками прошлого в сознании и поведении людей, с отжившими традициями и обычаями.

Особое значение дальнейшее развитие социалистической демократии имеет для преодоления такого специфического пережитка прошлого, как религия. Существо социалистической демократии состоит в осуществлении полного и подлинного народовластия. Она предоставляет народу свободу распоряжаться общенародными государственными делами, привлекает трудящихся ко все более широкому и активному участию в управлении делами общества, стимулирует социальную активность каждого труженика через систему различных общественных организаций, что является главным средством преодоления религиозных иллюзий идеологического, психологического и нравственного порядка, традиций и обычаев, связанных с религией. В связи с этим журнал планирует публикацию материалов, раскрывающих характер и дальнейшее развитие социалистической демократии в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни советского общества, в деятельности различных общественных и государственных организаций и роль этого процесса в формировании научного миропонимания и его неотъемлемой стороны—атеистической убежденности.

Важным вопросом в советской социалистической демократии является вопрос о свободе совести. Однако нужно заметить, что не все стороны этой сложной проблемы достаточно полно проанализированы и освещены в нашей атеистической литературе. Если специфическое содержание понятия свободы совести применительно к религии и атеизму, его юридическая сторона довольно полно рассматриваются в различных публикациях, то соотношение этого понятия с философским пониманием свободы и необходимости, с марксистским пониманием нравственной свободы и категории совести недостаточно затрагиваются в нашей научной и популярной атеистической литературе, что является весьма серьезным пробелом. С принятием Конституции развитого социализма необходимо дальнейшее исследование на новом теоретическом и методологическом уровне вопросов сущности, юридического характера свободы совести, ее места в системе конституционных прав и свобод советских людей, ее связи с обязанностями, возложенными Конституцией на советских граждан, с гражданской ответственностью, необходим анализ воплощения свободы совести в законодательных актах государства о рели-

гиозных культах, диалектики становления, развития и совершенствования этого законодательства.

Эти и многие другие вопросы, связанные со свободой совести как необходимой и органической стороной советской социалистической демократии на современном этапе ее развития, найдут освещение на страницах журнала. Мы планируем также продолжать систематическую публикацию материалов, дающих отпор тому идеологическому походу, который развернула против нашей страны империалистическая пропаганда в связи с принятием новой Конституции СССР. Особенно яростным нападкам, как известно, подвергаются положения о правах и свободах советских граждан, в частности о свободе совести. Долг журнала — убедительно разоблачать и опровергать фальсификацию буржуазными идеологами и теологами, ревизионистами и реформистами положения религии, церкви, верующих в СССР, советского законодательства о культах.

В свете решений и материалов XXV съезда КПСС, документов, связанных с 60-й годовщиной Октябрьской революции, новой Конституции СССР перед журналом на ближайшие годы стоят большие задачи по освещению и многих других важнейших социально-экономических и духовных проблем развития нашего общества и их роли в формировании гармонически развитого человека с глубокими идейными убеждениями, с твердым научно-материалистическим мировоззрением. Основные из этих проблем, по нашему мнению, — создание объективных и субъективных условий в развитом социалистическом обществе для утверждения научного миропонимания и преодоления религии, роль в этом процессе упрочения социальной однородности советского общества, господствующего в нем социального оптимизма, реального гуманизма, социальной активности, нравственных идеалов и ценностей, революционных, боевых и трудовых традиций, идейно-политической и социальной сплоченности советских людей, их безграничной преданности идеалам коммунизма, верности принципам марксизма-ленинизма, общности коренных интересов и марксистско-ленинской идеологии, дружбы и единства всех наций и народностей нашей страны, чувства коллективизма, товарищества, взаимопомощи, справедливых и добрых человеческих отношений, развития образования и духовной культуры в целом. Необходимо иметь в виду и вторую сторону — роль научного атеизма, атеистической убежденности в решении названных социальных и духовных проблем.

Назовем еще два важнейших направления в работе журнала. Первое из них — освещение теории и практики атеистического воспитания, исходя из общих задач идейно-воспитательной работы, которые ставит и решает партия в условиях развитого социализма и современной идеологической борьбы. Атеистическое воспитание, будучи органической составной частью коммунистического воспитания в целом, нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом новых условий зрелого социализма и комплексного подхода к воспитанию.

В теоретическом и методологическом плане наиболее актуальными проблемами, по нашему мнению, являются анализ специфики атеистического воспитания в развитом социалистическом обществе, особенностей и условий его функционирования, методики, научных, социально-психологических и педагогических основ его организации, связи с идейно-политическим, трудовым, нравственным, интернациональным, патриотическим, эстетическим, правовым и другими направлениями воспитания и, наоборот, выявление атеистического аспекта названных направлений воспитательной работы, анализ путей совершенствования различных форм и средств самой системы атеистического воспитания, повышения их эффективности и качества, формирования атеистического общественного мнения и закономерностей его функционирования.

В практическом же плане журнал и впредь будет публиковать различные по характеру и жанрам материалы о роли в атеистическом воспитании трудовых коллективов, которые являются первичными ячейками всего нашего не только хозяйственного, но и политического организма; об опыте атеистической работы, которую ведут на предприятиях, в учреждениях, по месту жительства с учетом особенностей различных групп населения партийные и под их руководством — комсомольские, профсоюзные организации, общество «Знание», культурно-просветительные и другие учреждения, средства массовой пропаганды и информации и т. д.; об опыте атеистической работы в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах; о подготовке кадров лекторов и пропагандистов, очерки о работе лучших из них и т. д.

Журнал освещает на своих страницах также положение религии и религиозных организаций в социалистических странах, осуществление в них свободы совести, опыт разработки актуальных проблем теории научного атеизма и организации атеистической работы.

Целый комплекс вопросов, которыми постоянно занимается журнал, связан с положением атеизма и религии в буржуазных странах. В документах XXV съезда партии, в материалах, связанных с празднованием 60-летия Октябрьской революции, большое место уделено анализу углубления общего кризиса капитализма, идейно-политическому кризису буржуазного общества, который поражает различные институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы, ведет к упадку духовной культуры и росту преступности. Составной частью этих процессов является и кризис религии в современном капиталистическом мире. Он развивается весьма противоречиво. С одной стороны, падает престиж религии, ослабевает ее влияние на духовную жизнь людей, растет религиозный индифферентизм среди верующих и усиливается их отход от религии, происходят эволюция массового религиозного сознания и социально-политическая дифференциация в среде священнослужителей и т. д. С другой же стороны — крайне правые представители духовенства в этих условиях пытаются укрепить позиции религии и церкви, блокируясь с самыми реакционными силами империализма, с международной реакцией и антикоммунизмом. Наблюдается рост и распространение в буржуазном мире мистики, спиритизма, колдовства, астрологии и т. д. Некоторые политические деятели империалистических стран, буржуазные идеологи и теологи, различные реакционные клерикальные организации широко используют религию в современной идеологической борьбе для прикрытия антикоммунизма, для того, чтобы воспрепятствовать единству верующих и неверующих в борьбе за дальнейшее углубление разрядки международной напряженности, за мир и международную безопасность.

Все эти и многие другие проблемы журнал стремится обстоятельно, с научных марксистских, классовых позиций анализировать и доходчиво доносить до своих читателей.

Как видим, перед коллективом редакции журнала, его редакционной коллегией и авторами стоят большие и сложные задачи. Для их решения потребуется много сил и умения. И здесь мы рассчитываем на помощь наших читателей, ждем от них взыскательной оценки сделанного, рекомендаций по тематике, конкретных советов по каждой из тех проблем, которые освещает журнал.

А. ИВАНОВ,
главный редактор журнала

МАСТЕРСТВО

В. А. Сухомлинский.

ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Г. ВОЛКОВ, доктор педагогических наук

Несколько лет прошло со времени смерти Василия Александровича Сухомлинского. Однако интерес к тому, что он делал, к тому, что он писал, не убывает, а возрастает. Видимо, это объясняется в первую очередь тем, что творчество педагога-коммуниста было обращено к важнейшей проблеме современности — к нравственному воспитанию подрастающего поколения.*

Не так давно довелось мне побывать в Павлышской школе, где работал этот педагог. После этой поездки начал я перечитывать то, что он успел написать. Из личных наблюдений, из раздумий над трудами замечательного учителя и возникли настоящие заметки.

Обращаясь к своим воспитанникам, Василий Александрович говорил: «В мире есть отцы и дети. Твой отец и твоя мать — дети своих отцов и матерей — твоих дедушек и бабушек... Впереди тебя два поколения — поколение, для которого солнце в зените, и поколение, чье солнце уже склонилось к закату. Человек смертен, но бессмертен народ. Его бессмертие — в преемственности поколений» («Как воспитать настоящего человека». Киев, 1975, стр. 52).

* В. А. Сухомлинский несколько раз выступал на страницах журнала «Наука и религия»; «Воспитание чувств» (1964, № 9, 10), «Добро и зло» (1971, № 1); в № 2 за 1970 г. была помещена рецензия на его книгу «Сердце отдаю детям».

В. Сухомлинский стремился дать своим воспитанникам возможность реально ощутить, в чем состоит истинное, а не иллюзорное бессмертие человека. Основной смысл и цель нравственного воспитания он видел в утверждении в сознании подрастающего поколения веры в человеческое бессмертие. Ощущение себя не только отдельной личностью, но и сыном или дочерью своего народа, частью рода человеческого обогащает духовный мир детей, подростков, юношей.

Если в самом общем виде отвечать на вопрос о том, что определяет подход В. Сухомлинского к процессу нравственного воспитания, можно сказать: для него процесс этот складывался из очень простых вещей — умное и доброе слово, полезное общее дело, доброжелательность в общении, положительный пример. Здесь, казалось бы, нет ничего нового. Однако секрет успеха этого педагога заключается как раз в том, что он сумел на давно известное взглянуть по-новому. И не только сам, но увлек за собой учителей, которые с ним работали, читателей своих книг.

Директор Павлышской школы верил в могучую силу слова. Он считал совершенной нелепостью утверждение о том, что словесное воспитание плохо само по себе. Порочно иное: его примитивность, неумение некоторых учителей пользоваться словом в воспитательных целях. Сам Сухомлинский владел словом так, что оно доходило до сердец тех, к кому было обращено.

Одни только названия его книг могут немало сказать о направленности его творчества: «Верьте в человека», «Дума о человеке», «Сердце отдаю детям», «Как воспитать настоящего человека», «Воспитание личности в советской школе». А вот главы этих книг: «Отношение к людям и долг перед ними», «Забота о человеке и ответственность за него укрепляют у ребенка чувство собственного достоинства», «Счастье — в человеке», «Воспитание сердца», «Без труда нет человечности», «Нельзя жить и дня без тревоги о человеке»... Доверие к человеку, вера в человечность —идея, которая проходит через все творчество педагога, становится стержнем его размышлений о воспитании.

Вот как заканчивается книга «Воспитание личности в советской школе»: «Человек коммунистического общества будет не только идейно целеустремленным, знающим, трудолюбивым, но и добрым. Воспитание большого, доброго сердца — это, образно говоря, забота о той ветке, на которой зеленеет пышная поросль человечности, гуманности».

Автор этих слов не только проповедует необходимость воспитания доброты, он показывает, как, каким путем осуществляется процесс нравственного воспитания. В Павлышской школе дело было поставлено таким образом,— и тут, разумеется, особая заслуга принадлежит директору,— что классные руководители составляли специальные планы нравственного воспитания, рассчитанные на длительное время. Раз в неделю учителя проводили этические беседы, Сухомлинский планировал их темы, обосновывал основные их идеи.

Процесс нравственного воспитания имеет в своей основе чувство. Слово перестает воспитывать, если оно освобождено от искреннего чувства, накала человеческих страстей, если оно не несет в себе духа борьбы. Слова, не наполненные трепетом личных чувств, накалом переживаний педагога,— холостой выстрел. Холодные и стандартные, они оставляют детей равнодушными, не трогают их сознания, их сердец.

В вестибюле Павлышской школы стоит стенд. Это стенд матери — несколько заповедей, которым ей надо следовать: «Рассказывай своим детям родные сказки, прививай любовь к родному языку». «Пусть твой ребенок любит красоту — красота делает человека благородным». Простейшая иллюстрация к этой заповеди — девочка поливает цветы около дома.

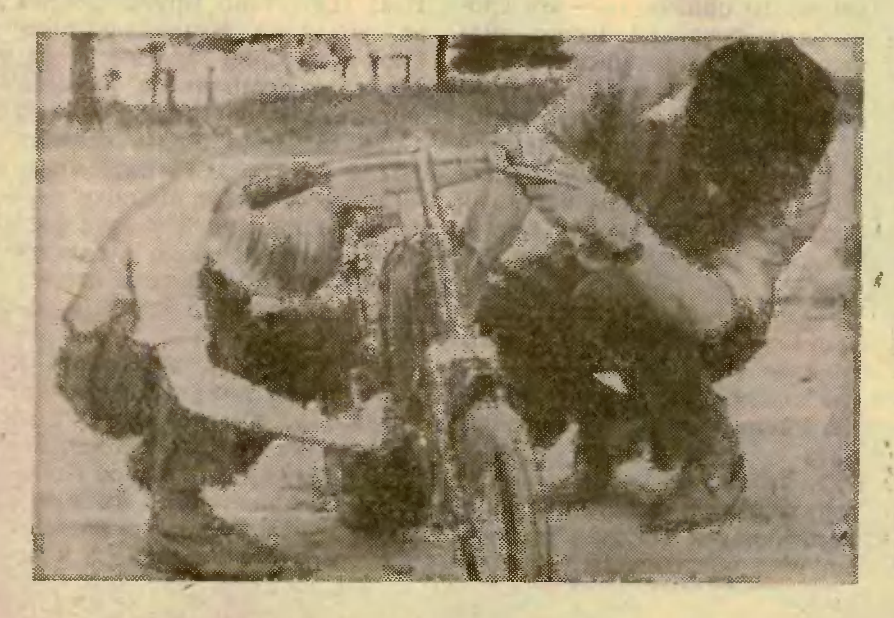
Красота открывает человеку глаза на мир; все плохое и уродливое, что может быть незаметно, при свете красоты сразу себя обнаруживает, вызывает к себе резко отрицательное отношение — в этом В. Сухомлинский был глубоко убежден. Он твердо верил: красота неизменно теснит зло и уродство. Поставьте на стол в классной комнате красивую веточку цветущей вербы — и ученики начнут замечать паутину в углу; посадите у входа в школу вечнозеленую ель — и школьники, проходя мимо, невольно испытают смутное желание сделать что-то хорошее. Именно под влиянием красоты мира неясная, неосознанная потребность человека в добре становится голосом совести.

«Пусть ребенок любит все живое и красивое. Не допускай, мать, чтобы ребенок был злым и бессердечным»,— не уставал напоминать В. Сухомлинский родителям своих учеников.

Еще два стенда в вестибюле Павлышской школы. Первый— «Величайшая в мире ценность — человек». Слова Сухомлинского: «Молодой человек, вступающий в жизнь! Помни, что ты — Человек. Уважай в себе все человеческое, дорожи человеческим прежде всего в самом себе. Знай, что вокруг тебя живут и трудятся люди.

Уважать себя можно только уважая людей». На втором — вопрошающий призыв: «Подумай: для чего человек живет на свете?»

Выяснить истину помогают лучшие люди мира, в своих рассуждениях они обращаются к мировой истории, к опыту, который накопило человечество. Стенды подводят к выводу: высшее проявление доброты и человечности — дела и подвиги коммунистов. Дети видят и размышляют над словами, которые здесь написаны, обсуждают эти проблемы на уроках, на классных часах проверяют подлинность слов своими делами, поступками друзей.

Многогранная совместная деятельность воспитанников и воспитателей — вот что характерно для Павлышской школы, вот что, в частности, активно способствует эффективности нравственного воспитания. В процессе трудовой деятельности возникают взаимопонимание, духовная общность воспитанников и воспитателей, достигается подлинная близость их друг к другу. Вместе с учителями дети здесь помогают старикам, заботятся о маленьких, выращивают цветы, ухаживают за садом, лесом, лечат больных и раненых птиц. В центре сада голубятня — среди деревьев возвышается искусно сделанный домик, украшенный резьбой. В каждом деле воспитатели тут стараются находить и показывать нравственный смысл, убедительно раскрыть его перед детьми.

Василий Александрович ясно видел, что воспитание здоровой нравственности тесно связано с воспитанием у человека любви к труду. «Труд,— говорил он,— мать всего благородного, человечного. Приучайте малых детей к труду,

В Павлышской школе:
Работа в саду.
На уборке сена.
В производственных мастерских.

чтобы у них не проходило ни одного дня без дела».

Говоря о воспитании у школьников активной жизненной позиции, надо отметить, что в Павлышской школе воспитание личности зиждется на трех китах: полнота духовной жизни личности, личное счастье человека; духовное единство личности и коллектива; глубокая вера в творческие силы, разум, волю и настойчивость человека.

Последнее в значительной степени определяет подход Сухомлинского к атеистическому воспитанию. Чем яснее осознает человек, вступающий в жизнь, что его воля и ум являются творческой силой, тем ярче проявляется его критическое отношение к религиозным догмам, обрекающим его на пассивное повиновение и смирение. «Ощущение своего могущества — это, образно говоря, крылья свободомыслия человека»,— пишет Василий Александрович. Такое ощущение, разумеется, не приходит само собой, оно возникает, если у человека вырабатывается активная жизненная позиция.

В Павлыше вся система обучения и воспитания организована таким образом, чтобы каждый ученик в годы отрочества и ранней юности пережил ощущение гордости за результаты своего труда, ощущение своей силы. Вырастить два тучных колоса там, где природа позволяла выращивать лишь один тощий колосок, возродить к жизни засыхающее дерево, получить плоды раньше, чем обычно,— таким образом закладываются в человеческом характере атеистические принципы.

Выработать активную жизненную позицию было особенно важно тем робким, нерешительным, боязливым детям, которые воспитываются в религиозных семьях, слыша дома одно, а в школе другое. Опыт павлышских учителей, развивающих идеи Сухомлинского, убеждает, что благодаря созидательному, преобразующему труду вера в творческие силы человека, стремление к активным действиям неизменно побеждают равнодушие.

«Настоящий человек немыслим без добрых чувств»,— пишет Сухомлинский. Он глубоко убежден: у разных людей могут быть разные способности и склонности, различны их физические возможности, но у всех безграничны возможности нравственного совершенствования — каждый может быть добрым, честным, благородным, чутким, сердечным.

Он рассказывает об одном из своих учеников, который дома рос в очень трудных условиях, его окружали грубость и черствость. Внимание, доброта и чуткость педагога совершили переворот в сознании и поведении мальчика. Сухомлинский говорил позже, что случившееся произвело на него очень сильное впечатление: «Я пришел к убеждению: нашей могучей силой является доброта» (из материалов Музея В. А. Сухомлинского).

«Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения» — эти слова Сент-Экзюпери много значили для Сухомлинского. Общение человека с другими людьми в большой степени определяет его нравственный мир. Каким станет человек, зависит от того, с кем и как он общался, какие мысли и чувства вызывает у него это общение.

Человеческое общение — чрезвычайно широкое, многогранное удовлетворение потребности человека в человеке. По мнению Сухомлинского, задача воспитателя — сделать так, чтобы это общение облагораживало личность, чтобы от него человек ощущал радость, ощущал потребность быть вместе с людьми. Общение облагораживает, если дети объединяются для добрых дел, для творения красоты.

В Павлыше созданы для этого максимально благоприятные условия. Школьный участок — царство зелени. Многочисленные дорожки и тропинки обсажены кустами роз и других цветов. В саду множество укромных уголков, где можно поговорить по душам с другом, где можно остаться наедине с самим собой, помечтать. Здесь все располагает к откровенности и доверительности.

Довольно часто В. А. Сухомлинский обращался к примеру как средству воздействия на сознание и поведение учащихся. Именно пример помогал педагогу подводить своих воспитанников к выводу о том, что наука при столкновении с религиозными догмами неизменно выходит победительницей. Стоит только вспомнить, как много людей духовного звания сделали выдающиеся научные открытия: Николай Коперник доказал несостоятельность геоцентрической системы Птолемея и создал новую картину Вселенной; Секки стал отцом астрофизики; Ян Амос Коменский был выдающимся педагогом; Джордано Бруно сожгли за создание материалистической концепции строения мира; Томмазо Кампанелла написал поразительную книгу «Город Солнца»; Жан Мелье оставил после смерти знаменитое «Завещание»; Томас Мюнцер поднял крестьян на борьбу с феодальными князьями и епископами; Грегор Мендель своими опытами положил начало генетике...

Сухомлинский стремился к тому, чтобы его ученики почувствовали, представили себе, что значит для живого человека самому одеть на себя одежду смертника. Тогда им будет легче понять, на какие подвиги поднимает человека вера в ис-

тину и в человека и на какие поступки толкает его вера в бога, ограниченность фанатизма. Борцы за истину примером своей жизни убеждают детей в том, что религия не приносит счастье человеку, а наука, гуманистичная в сущности своей, служит его благу и утверждает человечность.

Настоящий человек, по мнению Сухомлинского,— добрый и счастливый человек. А сущность человеческого счастья в том, чтобы делать счастливыми других. Личное счастье человека в решающей степени зависит от того, как понимает он подлинную свободу, насколько ясно ему, что подлинная свобода — в гармонии личного счастья и счастья общества в целом.

Сухомлинский был глубоко убежден: смысл жизни человека заключен в том, чтобы оставить себя в другом человеке. Именно в Павлыше услышал я историю о том, как 94-летняя бабушка, чувствуя близость смерти, сказала внуку-семикласснику: «Человек могущественнее бога. Бог не мог продлить мне жизнь, а вот ты, мальчишка, смог. Своей любовью, добротой, заботой... Люби мать, береги ее здоровье, храни ее красоту. Помни, Митя: великая это мудрость — уметь оставить себя в человеке. Вот ты до смерти не забудешь меня и внукам своим обо мне расскажешь — значит, я бессмертна. Не боюсь я смерти».

Сухомлинский показывал, что вера в человека неизменно приходит в конфликт с верой в бога. На центральном стенде Павлышской школы сверху написано: «Мы строим коммунистическое общество. Высшая цель коммунизма — счастье человека».

Осмысливая ход развития многотрудной человеческой истории, павлышские школьники чувствуют гордость за человека. Они понимают, что религия — неизбежный этап социальной и духовной жизни людей. Но точно так же, как в общественной жизни человек неминуемо стал на путь освобождения от эксплуатации, так и в духовной жизни он непременно освобождается от веры в несуществующего бога. В отрицании бога — подлинное возвышение и духовная свобода.

Основное требование программы добра и доброжелательности, разработанной Сухомлинским: «Ты живешь среди людей! Ты живешь ради людей!» Он призывал: «Делай все так, чтобы людям, окружающим тебя, было хорошо». В числе первых решающих положений программы воспитания элементарной моральной культуры стоял пункт: «Думай, как твои поступки отражаются на душевных переживаниях другого человека» (из материалов Музея В. А. Сухомлинского).

Поездка в Павлыш для меня была поездкой в доброе будущее. Находясь там, я как-то наглядно представил себе значение слов, какими в Отчетном докладе XXV съезду партии охарактеризованы основные черты советского человека: идейная убежденность, огромная жизненная энергия, исключительное трудолюбие, мужество, несгибаемость, выносливость, душевная щедрость, одаренность, ум, отзывчивость, подлинный коллективизм, товарищество, нравственное здоровье... И я еще раз подумал о том, что в воспитании молодого поколения, в дальнейшем утверждении в умах и сердцах великих идеалов коммунизма, несущих людям добро и гуманность, может оказать помощь опыт Павлышской школы, идеи и практика ее директора Василия Александровича Сухомлинского.

Читайте в следующем номере:

60 ЛЕТ ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

Г. ЕРШОВ

ПАМЯТНИКИ ПРОШЛОГО: охранять и использовать в воспитательной работе

Р. ФИШ, Р. ХАШИМ

НА РАССВЕТЕ

К 100-летию со дня рождения таджикского писателя Садриддина Айни

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

СКАЗОЧНИК АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

В. БОГУСЛАВСКИЙ

БЕЗБОЖНИК ЛАМЕТРИ

И. ГРИГУЛЕВИЧ

«НЕПОГРЕШИМЫЙ»

Политический портрет папы Пия IX, стоявшего у колыбели современного Ватикана

«НЕ НАУЧИВ ЛЮБИТЬ, МЫ НИЧЕМУ НЕ НАУЧИМ...»

■. КОНСТАНТИНОВ, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

...Любое воздействие на личность теряет свою силу, если нет сотни других воздействий, любая закономерность превращается в звук пустой, если не реализуются сотни других закономерностей.

В. А. Сухомлинский

Дети приходят в школу с элементарными, но более или менее сложившимися представлениями о жизни, об окружающем мире, о хорошем и плохом. Школа лишь развивает все хорошие качества, делает их естественными чертами характера. И хотя в воспитательном плане задача, стоящая перед педагогами, кажется, на первый взгляд, и не слишком сложной, однако тот, кто хотя бы однажды на практике стал-

кивался с проблемой воспитания, прекрасно представляет тот объем работы, который скрыт за этой, в общем-то банальной фразой. Но задача усложняется многократно, когда речь идет о воспитании воспитателя. Тем более, что природа не всех щедро наделяет талантом находиться одновременно как бы в двух измерениях — взрослом и детском.

Из разговора с директором Шарьинского педагогического училища, заслуженным учителем школы РСФСР Тамарой Васильевной Кировой:

К нам поступают много ребят, практически со всего Севера европейской части страны. Меньше всего, как это ни парадоксально, из самой Шарьи и окрестных сел — примерно пятая часть. А всего учатся — около 500 человек. Едут несмотря на то, что у нас высокий конкурс: два-три человека на место, и следовательно, поступить в училище может далеко не каждый. К тому же нет общежития, ребята и девушки вынуждены жить на частных квартирах... Но тем не менее, едут.

Выпускники Шарьинского училища, как правило, работают не в школе. Главным образом, они становятся воспитателями в детских садах. Но тем тяжелее груз ответственности: ведь раннее детство — важнейший период в жизни человека, и от того, кто вел ребенка за руку в эти годы, что получили его разум и сердце, в огромной степени зависит, каким станет завтрашний взрослый человек. Иными словами, его воспитатель должен в совершенстве владеть не только всеми слагаемыми учебно-воспитательного процесса — как наукой, как мастерством, как искусством, наконец,— но и глубоко проникать в детскую душу, чувствовать ее. И прежде всего самому быть настоящим человеком — кого дети могут уважать и кому будут стараться подражать. И все это, заметьте, ложится на плечи тех, кто, по нынешним меркам, сам едва вышел из отроческого возраста.

Из стенной газеты 13-й группы отделения дошкольного воспитания:

Мечта стать воспитателем пришла ко мне, когда я еще училась в школе. После окончания восьмого класса я два года проработала в детском саду. Там я и поняла, что значит быть воспитателем. Но в первый год я не прошла по конкурсу. Только на второй сумела поступить в училище. Я постараюсь оправдать доверие своих учителей и родителей, постараюсь делом подтвердить свою любовь к будущей профессии. Думаю, что учиться будет нелегко, но ведь все в жизни дается не просто.

Воспитывать детей — профессия нелегкая и в то же время — почетная: ведь нам, будущим воспитателям, предстоит воспитывать маленьких граждан, которых нужно учить, любить и беречь. И я думаю, что каждый учащийся понимает это.

Римма Спасова

Я, естественно, далек от утверждения, что одно лишь стремление стать педагогом автоматически приводит к вершинам педагогического мастерства. Однако как самая длинная дорога всегда начинается с первого шага, так и овладение тайнами профессии начинается именно с желания стать педагогом. И когда мы слышим, как старый учитель говорит: «Я на каждый урок иду с удовольствием...» — то за этой фразой обязательно стоит тот первый порыв, заставивший его однажды сделать свой выбор.

Следующая ступенька, конечно, сложнее, если не самая трудная,— овладение педагогическим искусством. И здесь многое зависит от тех, кто учит мастерству. Шарьинскому училищу в этом отношении, безусловно, повезло. Впрочем, «повезло» — не то слово.

Поначалу я думал, что лишь случай свел работающих здесь людей — бывают такие совпадения. Но потом понял, что ошибся. И Нина Георгиевна Акимкина, секретарь партийной организации училища, и завуч Алевтина Семеновна Сизова, и историк Екатерина Михайловна Базанкова, и преподаватель музыки Алевтина Алексеевна Храбрецова, и, конечно же, сама директор, Тамара Васильевна Кирова,— все они не только знающие, но и горячо любящие свою работу люди, не прощающие неуважительного отношения к ней. И, безусловно, не каждый может работать в таком коллективе, поскольку не всякому дано до самоотречения отдавать себя делу, которому служишь.

Из письма бывшего преподавателя училища:

Здравствуйте, Тамара Васильевна! Пусть Вас не вводят в недоумение эти строчки, пусть они будут лишь словами дружеского привета и поздравлением с годовщиной Октября. Нарушает Ваше «спокойствие» неугомонный Станислав Иванович, который до сих пор не в силах выбросить из памяти название Шарья, а вместе с ним и Вас, и педучилище.

Тамара Васильевна! Не удивляйтесь, что после столь длительного молчания я вспомнил о Вас и об училище. Хотя слово «вспомнил» является неверным, ибо я никогда не забывал то время, что я работал в училище. Да, Тамара Васильевна. Странно иногда бывает. Работал человек в Шарье. И стремился ее покинуть. А когда это случилось, — затосковал. Не знаю, в чем дело, но какая-то часть души осталась в вашем скромном городке...

Вот уже пошел второй год, как я уехал из Шарьи, однако я ни на минуту не забывал училище. Я иногда ругался с Вами, обвинял Вас во всех смертных грехах. Как же я был не прав! Ведь в Вас, Тамара Васильевна, человечности и благородства столько, что их вполне хватит на сотни людей. Нет, это не просто красивые слова. Здесь я вижу столько бездушия, что и говорить не хочется. А я еще «шумел»... Одним словом — в семье не без урода. И я был одним из них. В общем, поторопился я тогда с отъездом...

Что касается моей жизни, то ничего в ней особенного нет. Работаю в школе, веду старшие классы. В пединституте веду несколько часов. На будущий год приглашают работать в энергоинститут...

Еще раз примите, Тамара Васильевна, мои самые добрые пожелания. Передайте привет и всем тем, кто остался из «старой гвардии».

Станислав Иванович.

Это письмо давнее. Но и сегодня оно характеризует ту обстановку, на фоне которой протекает учебно-воспитательный

процесс: на удивление спокойную и добрую, я сказал бы даже, домашнюю. Какая-то крепкая сплоченность, единство устремлений, ответственность каждого за других и всех вместе за одного, как это бывает в больших дружных семьях. Естественно, такая обстановка не ограничена лишь стенами учительской. Преподаватели несут ее и студентам: во время классных и внеклассных занятий, на переменах — в общем, каждый раз, когда они встречаются друг с другом и со своими воспитанниками, пусть даже мимоходом.

А все начинается с того, что преподаватели в Шарьинском педагогическом училище с первых же шагов обычно становятся для ребят единственными и неповторимыми «Тамарой Васильевной» или «Ниной Георгиевной». И не из-за каких-то методических находок или сверхискусного проведения в жизнь новейших педагогических теорий, а своими знаниями, обаянием, душевной щедростью. Это рождает у учащихся чувство огромного уважения не только лично к ним, но и к профессии учителя, желание овладеть всеми секретами ее мастерства.

Но учителя здесь понимают, что мало передать своим воспитанникам только знания и опыт. Необходимо сформировать в них еще и чувство ответственности за выбранную специальность. Вот, к примеру, год назад коллектив училища переехал в новое здание — светлое, просторное. Переехали, и оказалось, что рамы и двери косые, течет крыша, часто засоряются трубы... Т. В. Кирова до сих пор не может понять, какими критериями руководствовалась комиссия, принимавшая здание к эксплуатации. В то же время на примере работы строителей она не забывает показать учащимся, что брак, хотя он бывает и освящен печатями, все равно остается браком. И при этом напоминает: если дыру в крыше еще можно залатать, то в воспитательной работе брак, как правило, оборачивается трагедиями.

Уже с первых дней учащиеся тут твердо знают: они не приготовишки. От них сразу же требуют действий, активной жизненной позиции. С чего это начинается? Неподалеку от училища находится детский дом. И надо видеть, с каким удовольствием ребята мастерят сами игрушки или рисуют картинки для детей, с каким желанием готовят для них концерты, как стремятся сделать их жизнь интересной, радостной. А потом собираются вместе и начинают обсуждать: «Твой читать умеет!.. А мой — нет... Я так беспокоюсь!» Вот оно, великое таинство — зарождение любви к человеку. И отныне знания, приобретенные на занятиях психологии, основах этики, эстетики или научного атеизма, помогают учащемуся не столько прикладывать к ребенку те или иные педагогические приемы, сколько сердцем находить лучшие из них.

Больше того, эта любовь заставляет учащегося неустанно впитывать в себя «живую воду» знания, стремиться к нему не ради отметки в классном журнале или стипендии, а по «побуждению души».

Там, в училище, я услышал однажды: «Не научив любить, мы ничему не научим». Тогда эта фраза, честно говоря, прошла мимо меня. Но по мере того, как я размышлял над тем, что увидел и что записал в блокнот, она все настойчивее выходила на первый план.

Конечно же, в основе воспитания лежит любовь. Любовь активная, действенная, жизнеутверждающая. Любовь к человеку и делу. Она — обязательное условие, стимулирующее творческую активность личности, важнейший фактор ее развития и саморазвития. Разве можно, например, не любя ребенка, понять его представления о красоте, о времени, когда день кажется годом, а год — вечностью, его представления о мире как об удивительном сказочном дворце, в котором случайно сваленный

Секретарь партийной организации Н. Г. Акимкина, завуч А. С. Сизова и директор педагогического училища Т. В. Кирова обсуждают текущие дела.

В комитете комсомола педагогического училища.

Фото В. Борисова.

на пол плюшевый медвежонок страдает от боли так же, как и человек?

В коридорах училища я видел рисунки, сделанные его воспитанниками для своих подшефных: орнаменты, сказочные мотивы, безыскусные бытовые сценки. Непритязательность сюжетов — лишь язык, на котором будущие воспитатели разговаривают с малышами. Рассказывают же эти рисунки о красоте мира природы и мира человеческих отношений, которую открыли будущие воспитатели для себя, поняв, например, на уроках эстетики, что ветка сирени Ван Гога и ветка сирени Кончаловского — не только разные краски, но и разные мировоззрения, а фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» — не картина на библейскую тему, а отражение клубка человеческих страстей, борьбы добра и зла, верности и предательства.

На каждом занятии здесь учат и искусству разговора с детьми. Казалось бы, что стоит ответить на вопросы: почему идет дождь? Почему гремит гром? Почему сверкает молния? Но попробуйте объяснить все это трехлетнему ребенку. И внимая на уроках физики рассказу Ольги Александровны Черепениной о том, что свое — безусловно, материалистическое — представление об атомах Демокрит вывел, обратив внимание на то, что золотые статуи богов в храмах стерлись как раз в тех местах, куда их целовали верующие,— ее слушатели учатся находить образы, рождающие мысль, рождающие взгляд на мир.

Часто о ком-нибудь говорят: «Выучили хорошо, да воспитали плохо...» Но можно ли учить, не воспитывая? Каким бы содержательным ни был учебный процесс, его задача — не только вручение аттестата об окончании учебного заведения. Школа обязана помочь входящему в мир человеку стать гражданином своей страны. И в первую очередь добиться того, чтобы он не отделял свою радость от счастья Родины, свое горе — от общей беды, чтобы его жизнь была на пользу и на радость людям.

Из рассказа учащейся 11-й группы Любы Разумовой:

В нашей группе прошел очень интересный диспут на тему: «Что такое счастье?» Вероятно, нет человека, который не задумывался, не искал на этот вопрос ответа... Одни говорили: «Счастье — это когда сбываются самые заветные мечты». Другие: «Счастье — это когда ждешь встречи с любимым человеком»... Каждый, вроде бы, понимает счастье по-своему. Но все видят счастье в беззаветном служении своему народу, Родине, тому делу, которое отвечает способностям и призванию человека, а также в общении с близкими людьми, в товариществе, дружбе, любви...

Как воспитать настоящего человека? И какой вообще он — настоящий человек? Очень хорошо, мне кажется, ответил на этот вопрос Павел Васильевич Колпаков, один из персонажей фильма «Звонят, откройте дверь». Вспоминая о пионере-трубаче, который погиб на войне, он говорил: «Он как-то удивительно умел сочетать в себе гражданское и личное. В том смысле, что он мог думать не только о себе, но и обо всем вокруг».

Из стенной газеты училища:

Наша 34-я группа работала в колхозе «Большевик» Ивановского района на уборке льна. Жили мы в деревне Тютниха. Поселили нас там в три дома по девять человек.

Лен в нынешнем году уродился отменный, а в нашей области лен — одна из основных сельскохозяйственных культур. Вот мы и решили: «Будем работать на совесть!»

Конечно, не все сразу получалось. Набрать сноп, выровнять его, связать — все это оказалось делом трудным и долгим. В первый день устали здорово. С непривычки ныла спина, болели исцарапанные руки. Но уже на третий день мы дали норму — по 300 снопов на человека. А через некоторое время стали вязать и по 400 снопов.

Вечером тоже не скучали. Как только приехали, жители попросили

выступить перед ними с концертом. Придем с работы усталые, кажется — не до песен, а как запоем — и про усталость забудем... Выступали мы и в деревне Подалиха...

Когда говорят о трудовом воспитании, то нередко сводят его к приобретению трудовых навыков. Но научить забивать гвозди или подметать пол — еще не означает сформировать потребность к труду. Труд становится Трудом лишь тогда, когда в нем заключен высший смысл, когда и исправление огрехов строителей, и предпраздничная генеральная уборка здания, и высаженные перед входом в училище цветы, и расчищенные от снега дорожки, и сделанные своими руками игрушки для детей — становятся своим, кровным делом.

«Будем работать на совесть!»... Через десятки капиллярных воздействий: через урок, Ленинские зачеты, собственный опыт — приходят в училище ребята к пониманию этого самого главного. В их девизе — и чувство высокой ответственности за свой труд, и гордость за свою землю, и любовь к живущим на ней людям—в общем, все, чему здесь учат. Это уже убеждение, а не просто заученная истина, которую можно произнести при случае, уже идея, материализованная в ста снопах сверх нормы, в уставшей до боли спине и исцарапанных руках, наконец, в отношении к людям, жителям Тютнихи и соседней Подалихи, которые просили организовать для них концерт. Это и письмо победителей в соревновании, их гордость от сознания того, что они сделали все возможное, чтобы людям жилось и работалось легче.

Именно такие факты и привели к тому, что к концу командировки я уже стал по-настоящему понимать, почему запросы на выпускников этого училища идут из всех районов страны: из Крыма и Казахстана, Ленинграда и Кирова, Мурманска и Иркутска...

Процесс становления человека схож с трудом землепашца. С одной стороны, как бы долгие зимы подготовки, с другой — постоянные весны и осени, когда каждый день бесконечно загружен. Это время ежедневного дела и время размышлений над глобальными вопросами. Время оформления личности, время первого соприкосновения того, что мы называем «внутренний мир человека», с огромным внешним миром, его проблемами, в том числе мировоззренческими.

Известный советский режиссер Михаил Ромм однажды сказал, имея в виду, конечно, киноискусство: «...Оно — как скульптура на площади — должно вокруг себя держать пространство. С какой стороны ни зайди, должна быть и мысль ясна, и радость доступна». Нечто подобное можно сказать и о воспитании. Когда поставленная задача значительна,— необходимы десятки, сотни путей для ее решения. Но едва задача мельчает — сводится лишь к одному учебному процессу,— то никакой энтузиазм одиночек не восполнит пробелы в воспитательной работе.

В таких случаях мне всегда вспоминается притча о слоне и четырех слепцах, которые пытались на ощупь определить, что стоит перед ними. Один взялся за хобот и сказал, что это змея, другой — за ногу и не усомнился, что это столб, третий прикоснулся к брюху и счел, что это жбан, четвертый, пощупав хвост, заявил, что это корабельный канат. Этой древней притчей я хочу проиллюстрировать простую мысль: нельзя воспитывать человека частями, так сказать атомистически. В учебно-воспитательный процесс должны быть введены все возможные аргументы, все штрихи, все тона и полутона. И как подсказывает опыт Шарьинского педагогического училища, только таким образом формируется гармонично развитая личность.

Этому во многом способствует, в частности, и то, что воспитанники училища знакомятся также и с курсом «Основы научного атеизма», а во внеурочное время проводят атеистические вечера, викторины, устные журналы, диспуты и т. д. Я, правда, не сказал бы, что в воспитательной работе атеистический аспект занимает здесь какое-то особое место. Он естествен, являясь органической частью системы ценностей, которыми живут учащиеся. Религиозный идеал с его ярко выраженным идивидуализмом, верой в нерукотворные чудеса уже сам по себе в корне противоречит тому, что дает молодым училище. Они, если можно так выразиться, активно глухи к религиозному воздействию. И это еще раз подтверждает слова Н. К. Крупской: «Чем лучше, глубже будет развиваться и учебная и воспитательная работа, чем больше она будет пропитываться коммунистическим духом, тем более и более будет она способствовать тому, что для подрастающего поколения станет совершенно ненужной антирелигиозная пропаганда: некого будет пропагандировать».

Вновь и вновь перечитываю написанное: сумел ли на примере Шарьинского педагогического училища показать, какими, на мой взгляд, путями идет становление личности? И прихожу к выводу, что ответ— одновременно и прост, и сложен. Прост потому, что к нему есть ключ: «Не научив любить, мы ничему не научим...» Но кто возьмется ответить на вопрос: а можно ли вообще научить любить? И простое вдруг оказывается самым сложным...

Обыкновенная лекция

В. ШЕВЕЛЕВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

НА ДОСКЕ ОБЪЯВЛЕНИЙ в вестибюле института каких только сообщений нет: на свои занятия приглашает секция спелеологов, кто-то слезно просит вернуть утерянные очки и третий том Блока, фольклорная экспедиция в Заонежье будет в этом году в июле. Смотрю расписание, нахожу нужную комнату. Теперь надо отыскать свободное место.

Прозвенел звонок, и лекция началась.

Николай Степанович Яковлев совсем не тратил время на вступление — быстро вошел, быстро и сухо поздоровался и начал, не дожидаясь, пока стихнет шорох от раскрываемых тетрадей...

Здесь мне следует прервать рассказ и сделать небольшое отступление. Человека, о котором я хочу рассказать, зовут не так, как тут написано. Когда я показал этому человеку первый вариант своего очерка, он сказал мне, что печатать его не надо: таких лекторов, как он, немало, стать героем подобного описания казалось ему нескромным. Между тем рассказать о хорошей лекции и хорошем лекторе представлялось мне очень важным. Я решил изменить его фамилию и имя, опустить название города, где происходило дело, кроме того, мне показалось целесообразным внести в очерк некоторые мысли, услышанные у других лекторов...

Николай Степанович — хороший лектор — это было видно сразу. Просто и свободно излагает сложные проблемы, мысль развивается четко и последовательно, и следить за ней интересно. В лекции нет и тени холодной абстрактности, речь идет о живых людях, реальных ситуациях.

Логика рассуждений лектора убеждает: важнейшим принципом атеистического воспитания является его гуманизм; атеистическое воспитание у нас немыслимо без сердечного внимания к человеку, без глубокой заинтересованности в том, чтобы жизнь его стала лучше, умнее и счастливее.

— ...Мы говорим привычно: наша жизнь обладает огромной воспитательной силой, действительность является мощным фактором атеистического воспитания. Однако научиться в каждом конкретном случае выявлять атеистический смысл реальных фактов совсем не просто. Но именно здесь — путь к успеху. Вот и вам сейчас расскажу про одного человека. Работает он слесарем ремонтного цеха на одном из заводов нашего края, зовут его — Савелий Прокопьевич Ткачук.

Николай Степанович замолкает на минуту.

— Вы подождите записывать — тут писать пока что нечего. Давайте лучше вместе подумаем... Итак, Ткачук. Прежде всего надо заметить, что работник он первоклассный. Что-то на заводе сломалось — все бегут к нему: и починит хорошо, и отговариваться не станет: мол, смена моя кончилась или еще что-нибудь в этом роде.

Только в субботу Савелий Ткачук работать никогда не соглашался и не скрывал почему. Был он адвентистом седьмого дня, и по субботам собирались у него единоверцы. Если же затевали с ним разговоры на атеистические темы, — он вежливо слушал, улыбался приветливо и отвечал:

— Вера моя работе не мешает, а если я в субботу славлю господа, это мое дело.

Все это, разумеется, сильно беспокоило заводских атеистов. И вот пришла кому-то в голову любопытная идея: давайте выдвинем Ткачука в местный комитет.

Я слушаю и про себя усмехаюсь. Это ведь сам Николай Степанович, который на том заводе часто читал лекции, выдвинул такую идею. И вовсе не все его тогда поддержали — некоторые возражали, а даже очень резко:

— Вы что, с ума сошли: убежденного верующего и на руководящую профсоюзную работу?

Однако у Николая Степановича хватило и аргументов, и настойчивости — в результате Савелия Ткачука действительно выбрали в местный комитет и поручили ему — это, кстати, тоже была идея Яковлева — заботиться об охране труда. Сам Ткачук удивился больше всех — и когда его выдвинули, и когда выбрали.

— ...А дальше получилось совсем интересно. С одной стороны, Савелий Прокопьевич был убежден в том, что все в мире, и человеческая судьба в том числе, — в руках божьих, суетиться по поводу улучшения земного существования верующему человеку не пристало. Но, с другой стороны, люди, которые вместе с тобой работают, с доверием и надеждой поручили тебе заботиться о своем благе. И тут уж никак нельзя полагаться на одну только милость божью — надо добиваться, чтобы возле всех станков поставили заградительные сетки, чтобы старые и неисправные вентиляторы заменили новыми. А чтобы добиться успеха, нужно хлопотать, доказывать, преодолевать равнодушие.

Разумеется, наивно было бы думать, что Савелий Прокопьевич, даже попав в такую ситуацию, сразу изменит свои взгляды. Однако неверно было бы сказать, что все осталось по-прежнему. Новые условия, в которых он оказался, помимо его воли, в чем-то заставляли его сомневаться, над чем-то серьезно размышлять, в чем-то незаметно меняться. Люди, которые принимали участие в судьбе С. Ткачука, помогли ему и его единоверцам увидеть слабость их позиции. Религия предлагает человеку сугубо личное спасение: чем дальше от людей, говорит она, тем ближе к богу. А вот атеизм, оказывается, заставляет взглянуть на вещи шире — предлагает заботиться человеку не только о себе и своем спасении, но и о своем коллективе, о своей стране, о всем человечестве — и о верующих, и о неверующих.

Вот это, пожалуй, стоит записать.

И не дождавшись, пока студенты допишут начатую фразу, Николай Степанович продолжает:

— Мы говорим также: огромной воспитательной силой обладает коллектив. Понимают это вроде бы все. Но, оказывается, есть понимание действенное, и есть чисто умозрительное. Хочу вам в этой связи рассказать еще одну историю.

Дело произошло в медицинском техникуме города, расположенного неподалеку отсюда. Училась там Валя Новикова. Училась она вполне успешно, и ни у кого к ней не было никаких претензий, но только вдруг стало известно, хотя, кстати, сама Валя никаких секретов из этого не делала, что семья у Новиковой религиозная, а сама она даже поет в церковном хоре. Приступили к ней с вопросами. «В церковь ходишь?» — «Хожу». — «В хоре поешь?» — «Пою». — «Значит, и в бога веришь?» Здесь Валя ответила не сразу: «Глубокой веры у меня нет, многое меня в этих вопросах смущает, но я очень люблю своих папу и маму, а они огорчатся, если я перестану ходить в церковь. К тому же мне нравится петь...»

В техникуме начался переполох. Как вы, вероятно, заметили по этому разговору, который я вам передал дословно, не такая уж она была убежденная верующая, но до этих тонкостей никому дела не было.

Директор — человек решительный — потребовал: «Исключить!» У девчонки была какая-то пустяшная задолженность — издали приказ об отчислении. Валя приехала в слезах в обком партии, и тут меня попросили поехать в город, где помещался техникум.

Надо вам сказать, что ситуацию не следует упрощать. Директор не был ни глупым, ни жестоким человеком. В его рассуждениях была своя последовательность.

«Посудите сами, — говорил он, — через два года выдадим мы Новиковой диплом, пойдет она работать в больницу со своими убеждениями — хорошо ли? Медицинская сестра или фельдшер общается с людьми как раз тогда, когда люди эти страдают, когда они погружены в свои переживания. Представляете, какая благодатная почва для религиозного слова?»

Тут я не спорил — все, что он говорил, было чистейшей правдой. Я спрашивал его: «А почему вы думаете, что Валя выйдет из техникума верующим человеком?» — «Но она сама призналась, что верит». — «А вы не заметили, что у нее есть сомнения на сей счет?» — «Ну, какое значение имеют все эти детали?» — «Очень большое. Но я хочу спросить другое: у вас в техникуме хорошие преподаватели?» — «Очень хорошие!» — «А студенческий коллектив?» — «Прекрасный». — «Почему же вы не верите ни коллективу, ни преподавателям? У них впереди больше двух лет — а вы сомневаетесь, что за это время им не удастся научить верно смотреть на вещи умную, хорошую девушку, которая в церковь ходит, чтобы не огорчать родителей! Я просто отказываюсь верить, что это говорит заслуженный и опытный педагог. Вот если вы исключите Новикову, — вы, конечно, подтолкнете ее к вере».

Такой был у нас разговор, и все закончилось благополучно: Валя вернулась к своим товарищам и скоро поедет на работу. Мы с ней переписываемся, и думаю, что мои прогнозы оправдаются.

Сравнительно недавно спросили мое мнение об одном человеке — выпускнике атеистического университета. Я задумался, а подумав немного, ответил: «Знающий человек, но если бы ему предстояло читать лекции о достижениях науки и техники, — все, вероятно, было бы прекрасно. А вот атеистическим воспитанием лучше бы ему не заниматься». Я глубоко убежден, что это та область человеческой деятельности, которая особенно требует сердечности, душевной щедрости, глубокого внимания к людям.

В одном из совхозов области 12-летний мальчик остался сиро-

той — отец и мать погибли во время пожара. Мальчика взяла к себе сестра его матери — сильно и болезненно верующая женщина. Мальчик попал в экзальтированную религиозную среду. Ему стали внушать, что отец и мать погибли не случайно, а из-за пренебрежения к богу и церкви. Вскоре мальчик стал петь в церковном хоре — у него был удивительно чистый и звонкий голос. Трудно сказать, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы о мальчике не проявили заботу местные атеисты. Они обратились в отдел народного образования, стали хлопотать и, хотя это было совсем не просто, добились, чтобы мальчик получил направление в специальную школу-интернат для музыкально одаренных детей. Он поступил туда и успешно учится.

Я убежден, что пропагандист атеизма, если он серьезно относится к своим обязанностям, всегда должен быть готов прийти на помощь людям. И это проявляется и в большом, и в малом.

Н. Яковлев задумчиво смотрит перед собой:

— Я вам сейчас еще один эпизод расскажу. Пришлось мне как-то провожать своего приятеля — в Ленинград он улетал. Приехали мы на аэродром, только вошли в зал — что-то щелкнуло, и совершенно бесстрастный голос, как будто бы он не человеку принадлежал, а роботу, отчеканил, что ленинградский рейс задерживается на три часа.

Стало мне не по себе, и я отправился к начальнику аэропорта. Представился и говорю: как вы думаете, как отнесется пассажир к такому вот объявлению? Прежде всего его начнут мучить вопросы: отчего задержка — неисправен самолет или погода плохая? Ведь ему надо знать: действительно ли на три часа задержка или больше? Значит, почти все, сколько есть пассажиров, выстроятся в очередь к дежурной, будут, волнуясь, ждать и спрашивать одно и то же. Дальше. Куда-нибудь эти три часа надо девать. Значит, начнут пассажиры узнавать, как ходят автобусы до города, работает ли буфет. И последнее. Пассажир не видит ни летчиков, ни диспетчеров, никого, кто отвечает за его полет. Он слышит только бесстрастный голос диктора и думает: к каким черствым, бездушным людям попал я в руки.

Вы знаете, речь моя произвела впечатление. Минут через пятнадцать снова что-то щелкнуло в репродукторе, и тот же диктор повторил сообщение о задержке ленинградского рейса.

Но все сейчас звучало иначе. Во-первых, изменился голос, ушли из него металл и резкость. Нормальным человеческим голосом диктор сказала о малоприятном для пассажиров факте, и тоном, и словами высказав свое сочувствие людям, которым предстояло сидеть в ожидании. Сообщение содержало добавочную информацию, которой явно не хватало в первый раз: рейс откладывается в связи с плохой погодой, ресторан в аэропорту уже открыт и будет работать без перерыва, автобус до города отправляется каждые десять минут, а в ближайшем кинотеатре идет фильм «Калина красная».

Пассажиры, которые нервно толпились у окошка дежурной, спокойно разошлись по своим местам, кто-то пошел завтракать, кто-то отправился в кино.

Яковлев отпивает глоток воды из стоящего на столе стакана, смотрит на часы.

— Нам уже приходилось говорить о том, что совершенно неверно сводить атеизм к одному только богоборчеству. Я нередко слышу от некоторых учителей такое: «Зачем мне заниматься атеистическим воспитанием — у меня в классе сплошные безбожники». Но атеизм, прежде всего, — не отрицание неверных взглядов, а утверждение верных. Если у человека с детских лет не воспитан правильный взгляд на вещи, ему будет очень трудно жить на свете. Я вам расскажу еще об одной человеческой судьбе.

И снова раздвинулись стены аудитории, и мы увидели Сашу Захарова, моториста на самоходной барже, которая возит груз с одного берега Онежского озера на другой. Был этот Саша Захаров совсем недавно веселым и легким молодым человеком и вот буквально за пять-шесть последних лет вдруг состарился. Сгорбился, голос хриплый, выпивать стал...

Николай Степанович рассказывает, как человек дошел до такой жизни. Разумеется, было бы глупо все дело сводить к просчетам школьного воспитания. А все-таки здесь одна из важных причин Сашиной беды. Так уж у него сложилось, что учителя учили его различным предметам, а вот правильному взгляду на мир и на место человека в этом мире, видимо, не научили. Да и дома ни о каких «высоких» материях речи не было, все больше — о хлебе насущном.

— ...В 20 лет — как весенняя гроза с громом и ливнем — пришла к нему любовь. Влюбился без памяти, знал, конечно, что невеста сильно верующая, но об этом даже думать не хотелось — такое сильное было чувство. Поначалу смеялся: «Любовь сильнее предрассудков, мы с Наташкой договоримся — и ее перевоспитаю».

Получилось, однако, совсем иначе: не он перевоспитал Наташу, а она — его. Оказалось, что молодая женщина верует в бога истово и убежденно. Ну, а что мог ей возразить Саша? У него не было ни аргументов, ни умения убеждать, ни большого желания стоять на своем. К тому же он горячо любил свою жену, ему хотелось сделать ей приятное — все складывалось таким образом, что не прошло и года после свадьбы, как он сам стал ходить в церковь.

Правда, довольно скоро сама обстановка, приниженность человеческой личности, ханжество оттолкнули его от церковной общины. А вот увести за собой жену он оказался не в силах. Семья его распалась, хотя остались любовь к Наташе, тоска по двум детям, досада на себя, что все так нелепо получилось, непроходящая горечь, от которой раньше времени стареют люди...

В аудитории педагогического института, в которой читал свою лекцию Николай Степанович Яковлев, не было мертвой тишины — тишина была рабочая: шелестели страницы — кто-то смотрел в начало тетради, кто-то прямо по ходу дела уточнял что-то у лектора. Видно было, что студенты работали.

Не думаю, что читатели поймут меня так, что лекция состояла из одних только приведенных примеров. Нет, в ней лектор интересно анализировал принципиальные теоретические положения научного атеизма, приводил и другие яркие примеры. Единственно, что мне хотелось показать, как Николай Степанович на этих примерах раскрывал важнейшую суть марксистского атеизма — его гуманизм, неразрывную связь с жизнью — и от приведенных примеров умело шел к обобщениям и выводам.

Это была отличная лекция. Она была рождена живой жизнью и в свою очередь сама учила сидящих в этой аудитории умению отвечать на требовательные ее вопросы. Легко было заметить: эту лекцию читал умный и добрый человек, горячо любящий людей, умеющий сам отлично делать то, чему он учит других.

Г. КОСОВА,
учительница истории 27-й московской школы,
кандидат педагогических наук

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО?

Рисунок Э. Широва.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ — строка из известного стихотворения В. Маяковского, в котором поэт дает вполне определенный ответ «юноше, обдумывающему житье»: Делай жизнь с товарища Дзержинского. Вопрос этот — о примере для подражания, о нравственном идеале — был и остается для подрастающего поколения Советской страны одним из самых животрепещущих. Мы, учителя, ясно видим, как велик у школьников интерес к выдающимся, героическим личностям — людям высокого нравственного долга, самоотверженного служения высокой цели.

Веками Россия искала свои нравственные идеалы в житиях святых. Примечательно, что даже в тех случаях, когда речь шла о реальных исторических деятелях, причисленных к лику святых, на первый план здесь выдвигались отказ от земных радостей, от полнокровной, активной, деятельной жизни, стремление к умерщвлению плоти, религиозная экзальтация и аскетизм.

Герой нашего времени — это человек, который борется за лучшее будущее всех людей и в этой борьбе обретает смысл и счастье собственной жизни. Выработке и утверждению в сознании подрастающего поколения именно такого идеала активно способствует изучение истории в школе.

Школьный курс дает возможность учащимся проследить всю историю человечества — от момента его возникновения до торжества развитого социализма, знакомит школьников с наиболее яркими событиями и личностями, раскрывает основные закономерности развития общества. Этим, однако, значение нашего предмета не исчерпывается. История накапливает, конденсирует опыт человечества, в том числе опыт нравственный. На уроках мы показываем, что каждая эпоха порождает только ей присущий духовный мир, дает свою шкалу ценностных ориентаций, свое понятие добра и зла. Но от ступени к ступени проходят проверку временем, человеческим разумом и чувством нетленные, гуманистические принципы и идеалы — такие, как любовь к Родине, жажда свободы, чувство ответственности, стремление к осмысленной, полезной людям жизни, сюда же относится чувство любви к родителям, к детям, любовь к людям вообще.

Советский образ жизни, окружающая нас действительность, пионерские сборы и школьные праздники, уроки истории и обществоведения показывают учащимся, что советские люди по праву являются наследниками всего лучшего, что создано человечеством. Мы уже сейчас созидаем новое, коммунистическое общество, в котором, по словам К. Маркса, люди будут творить по законам красоты. Это также относится и к человеческим отношениям, которые складываются на наших глазах.

Задача преподавателя истории состоит в том, чтобы строго научно, логично и доказательно подвести учащихся к пониманию основных закономерностей развития общества. И это очень важный аспект научно-материалистического, атеистического воспитания молодежи. Мы стремимся показать школьникам земную, социальную природу нравственности, доказать, что ее общечеловеческие, гуманистические нормы являются важнейшим условием существования подлинно человеческих отношений, счастья и благополучия людей. При этом преподаватели последовательно стремятся выработать у учащихся соответствующие нашим идеалам представления о добре и зле, чести и бесчестии, достоинстве человека.

Нормы морали, как известно, возникли еще на раиних ступенях существования человечества, в

первобытном обществе, когда строгое соблюдение определенных правил поведения было обязательным для всех, ибо являлось условием существования каждого и коллектива в целом. Человек, нарушивший эти установления, изгонялся, что зачастую обрекало его на смерть.

Суровость таких правил в дальнейшем подкреплялась и освящалась ссылкой на угодность их сверхъестественным силам, нормы морали закреплялись в религиозных системах. В классовых обществах религии освящали отношения эксплуатации и неравенства, подчинения и угнетения. Кстати, в значительной степени этому служили и жития святых. Религия монополизировала, регламентировала духовную жизнь человека, объявляла себя единственным источником духовности людей. Однако реальный опыт человечества, развитие науки сделали излишним освящение и объяснение норм и принципов поведения религиозными установлениями.

Напомним, что К. Маркс отмечал: «На низшей ступени варварства начали развиваться высшие свойства человека. **Личное достоинство, красноречие, религиозное чувство, прямота, мужество, храбрость стали теперь общими чертами характера, но вместе с ними появились жестокость, предательство и фанатизм... Воображение,** этот великий дар, так много содействовавший развитию человечества, начало **теперь создавать неписанную литературу мифов, легенд и преданий,** оказывая уже могущественное влияние на человеческий род»*.

В рассказе учителя-историка — идет ли речь о восстаниях рабов, революциях, об исторических деятелях, героях и мучениках науки, выдающихся революционерах — всегда присутствует четко выраженная, глубоко продуманная и прочувствованная оценка. Преподаватель использует на уроках художественную литературу, живопись, фотографии, знакомит детей с подлинными документами. Все это — в сочетании с эмоциональным рассказом — позволяет создать в классе особое настроение, вызвать «эффект присутствия», чувство сопричастности событию. Такие уроки становятся школой нравственного воспитания юного гражданина Страны Советов.

Естественно, что работу по нравственному воспитанию учитель истории начинает не на пустом месте. Первые свои представления о жизни ребенок выносит из семьи, воспринимая ее моральный климат, ее ценностные ориентации, нормы взаимоотношения членов семьи друг с другом и с окружающими. Свою лепту в становление личности вносит детский сад. Затем начальная школа, октябрятская звездочка, пионерский отряд с их последовательной работой, цель которой — привить ребенку навыки коллективизма, умение подчинять личное общественному, жить интересами своего коллектива, школы, страны.

Но вот он приступил в 5-м классе к изучению истории древнего мира. Из года в год я наблюдаю огромный интерес, который вызывает у пятиклассников греческая мифология, греческое искусство. Удивительно непосредственно воспринимают их дети, хорошо усваивают, просто живут в мире мифов, герои которых будут отныне сопровождать их всю жизнь, в дальнейшем облегчат понимание и восприятие богатств культуры последующих эпох. Ну а пока что эти человекоподобные боги и титаны передают пятиклассникам жизненный опыт человечества, раскрывают красоту героизма и подвига во имя людей, безобразие предательства, трусости, низости. Любимым героем детей становится восставший против тирании Зевса титан Прометей; они всем сердцем приемлют его подвиг — похищение огня восхищает их, как и гордый отказ смириться и повиниться перед верховным божеством.

Далекий V век до нашей эры; греко-персидские войны. И дети настораживаются, внутренне сжимаются, когда я показываю по карте, как растет, крепнет Персидская держава, как вся ее мощная армия обрушивается на Элладу. Выстоит ли вольнолюбивый народ? Знаменитая Марафонская битва — и (дети ликуют) победа греков!

Удивительно интересно наблюдать за пятиклассниками, ушедшими в события двух с половиной тысячелетней давности: сидят, раскрыв глаза, вздыхают, качают головами в зависимости от хода военных действий, а иным мальчикам становится так жарко в горячем бою, в котором они мысленно участвуют, что на носу выступили капельки пота, они расстегивают курточки, а то и снимают их.

— В каком сражении греко-персидских войн вы хотели бы принять участие, на чьей стороне и почему? — спросила я пятиклассников.

Почти все стали на сторону греков в их справедливой борьбе за свободу родины: «Я сражался (или сражалась) бы на стороне греков, потому что их борьба была справедлива». Многие мальчики даже предлагали свои варианты сражения при Фермопилах, которые, по их мнению, должны были обеспечить победу грекам.

— Кто твой любимый герой? — спросила я детей в конце учебного года.

Для большинства им стал Спартак, вождь восставших италийских рабов и крестьян. И опять многие хотели бы участвовать в его походах. «Я сражался бы в войске Спартака, как и он, погиб бы в борьбе за свободу», — этот ответ одного из мальчиков характерен. В Спартаке детей привлекает убежденность, самоотверженность, умение поступиться личным во имя обездоленных — ведь этот человек мог получить свободу за свои победы на арене римского амфитеатра, однако презрел личное благополучие во имя того, чтобы дать свободу тем людям, которые поверили ему и пошли за ним. И смерть его пятиклассники переживают глубоко, эмоционально — во время рассказа о гибели героя тяжело вздыхают, мрачнеют.

Для шестиклассников, изучающих историю средних веков, любимой героиней становится Жанна д'Арк. Учителю важно раскрыть подлинный характер Орлеанской Девы, рассказать историю ее самоотверженного, героического, благородного, активного служения родине. И историю низкого предательства, жертвой которого она стала, а также историю того, как столетие спустя церковь «реабилитировала» обвиненную в связях с «нечистой силой» девушку и приобщила ее к лику святых, лишив одновременно жизненной силы.

Сильные, героические личности глубоко симпатичны детям и подросткам. Однако чем старше они становятся, тем большую роль начинают для них играть мотивы подвига: во имя чего он совершен? Именно с этой стороны они все более пристально и требовательно всматриваются в портреты исторических деятелей. Петр I — решительный, полнокровный, деятельный, Пушкин — живой, яркий, искрометный, гражданственный, Суворов, Степан Разин, Емельян Пугачев, Марат, Робеспьер, Наполе-

---

* К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX. М., 1941, стр. 45.

он... Как оценивать жизнь этих людей, [redacted] относиться к сложным [redacted] противоречивым их характерам? Что [redacted] них нравится [redacted] что не нравится, чему учит человека сегодняшнего дня та или иная историческая личность? Что было для них нравственным идеалом, и как [redacted] этому идеалу относимся мы сегодня? Эти и многие другие животрепещущие вопросы неизбежно возникают у школьников, изучающих историю, и совершенно необходимо, чтобы вопросы эти получили серьезные и основательные ответы.

[redacted] частности, школьный курс истории дает возможность показать ребятам, что многие прогрессивные деятели прошлого, борцы за народное счастье выступали и против церкви, видели [redacted] ней враждебную народу силу, защитницу и пособницу угнетателей трудящихся. Это становится особенно наглядным, когда [redacted] обращаемся [redacted] истории революционного движения [redacted] России, к деятельности революционных демократов: В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского — убежденных атеистов, сознательных борцов против религии [redacted] церкви.

Ярким образцом, высоким идеалом для учащихся становятся вожди международного пролетариата Маркс и Энгельс. Их высокие нравственные качест[redacted] раскрываются [redacted] революционной борьбе, и в трогательной и великой дружбе, возвышенной и светлой любви Маркса к жене, дочерям. И разумеется, гигантский нравственный заряд получают школьники [redacted] время изучения жизни и деятельности Ленина, который был «самый человечный изо всех прошедших по земле людей», как сказал о нем поэт.

В восьмом классе, когда мы знакомились с жизнью и деятельностью Маркса [redacted] Энгельса, [redacted] предложила ученикам написать, с кого они хотели бы делать жизнь. Некоторые из подростков обратились [redacted] раннему сочинению К. Маркса «Размышления юноши при выборе профессии», которое [redacted] рассматривали в классе. «Если человек трудится только для себя, — писал Маркс, — он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным [redacted] великим человеком». Эти слова не только помогли нашим ученикам правильно раскрыть тему, но и дали им ключ [redacted] пониманию жизни других выдающихся личностей, [redacted] частности таких деятелей мирового коммунистического движения, как Димитров, Тельман, Грамши, Торез [redacted] многих других.

И конечно, наибольшее впечатление на школьни[redacted] производят такие события в истории нашего государства [redacted] народа, как Октябрьская революция, гражданская война, Великая Отечественная война.

В изучении истории важным источником знаний служат литературные произведения. На уроках, рассказывая о Советской стране накануне суровых испытаний, [redacted] обычно читаю стихи Н. Майорова, М. Кульчицкого, Г. Суворова, П. Когана — молодых поэтов предвоенной поры, которые [redacted] вернулись [redacted] полей сражений, подтвердив своей жизнью истинность высоких мыслей [redacted] чувств, выраженных [redacted] их произведениях.

Как исповедь, как кредо всего предвоенного поколения звучат, например, стихи Николая Майорова:

Но только пусть под [redacted]
Потомок различит [redacted] архивном [redacted]
Кусок горячей, верной [redacted] земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, [redacted] знамя, пронесли.

[redacted] сегодняшние десятиклассники, почти одногодки тех молодых людей, остро ощущают высокую [redacted] жертвенность, самоотверженность, самоотдачу. «Они были [redacted] молоды! — пишут старшеклассники 70-х годов. — Их ждали счастье, любовь, жизнь! Они приняли на себя ответственность [redacted] судьбы Родины, [redacted] судьбы мира! Они были готовы [redacted] этой высокой ответственности. И потому [redacted] смерть звучит утверждением жизни, жизни на земле, прекрасного, светлого будущего. Это смерть во имя жизни!»

Произведения советской литературы военных лет стали документами — свидетельствами мыслей, чувств, переживаний, которые владели нашим народом в годы тяжких испытаний. С каким вниманием слушают старшеклассники песню поэта В. Лебедева-Кумача и композитора А. Александрова «Священная война»:

Вставай, страна огромная,
Вставай [redacted] смертный бой...

Или стихи А. Твардовского «Я убит подо Ржевом...»:

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы [redacted] Родину пали,
Но [redacted] спасена...

Эти и многие другие произведения, посвященные войне, остротой постановки вопроса, глубиной переживаний, четкостью размышлений о цене жизни и смерти волнуют старшеклассников. Они имеют возможность ясно увидеть всеобъемлющее, всепроникающее единство слова и дела советских людей, единство, которое стало у нас нормой бытия, повседневного поведения.

Для нынешних наших школьников примеры героизма во время Великой Отечественной войны святы. Однако следует иметь в виду, что речь идет [redacted] теперь уже довольно далеком для них времени, к тому же герои войны отдалены от нас исключительностью обстоятельств. Ну [redacted] в повседневной, обыденной, такой привычной и будничной жизни — на каких примерах можно эффективно осуществлять важнейшую задачу нравственного воспитания, воспитания гражданственности, воспитания коммунистической морали? Как рассуждают о себе, [redacted] своем месте [redacted] жизни готовящиеся вступить [redacted] эту жизнь молодые люди? Умеют ли они видеть [redacted] окружающей их среде людей, [redacted] которых хотели бы брать пример?

Послушаем [redacted] самих. Восьмиклассница пишет:

Когда [redacted] начинаю думать о своей будущей жизни, о профессии, которую [redacted] выберу, то мне приходят [redacted] голову мысли [redacted] том, какие качества [redacted] должна [redacted] себе выработать, чтобы стать отзывчивым, добрым, [redacted] также всесторонне развитым человеком, чтобы работа, которую [redacted] изберу, никогда бы не надоедала, [redacted] только обогащала меня духовно, чтобы от своей работы [redacted] получала удовлетворение [redacted] радость сознания того, что [redacted] делаю прият[redacted] [redacted] полезное людям.

Нас окружает множество интересных людей, [redacted] которых можно [redacted] нужно брать пример. Кроме того, мы встречаем удивительные образы [redacted] книгах, которые заставляют о многом задуматься. Такие характеры вызывают уважение [redacted] себе, хочется быть похожей [redacted] них. Но ведь каждый человек имеет [redacted] свои недостатки! И поэтому нам необходимо увидеть лучшие качества этих людей [redacted] попытаться выработать их [redacted] себе. При этом надо быть не просто подражателем, [redacted] быть индивидуальностью, воспитывать себя, следуя примеру настоящих людей.

Мне трудно сказать определенно, [redacted] хотела бы брать пример, чья [redacted] особенно инте-

ресует и привлекает. Из исторических героев я очень люблю и уважаю Жанну д'Арк. Многими из ее качеств я хотела бы обладать. Очень бы хотелось чуть-чуть быть похожей на великую русскую и советскую актрису Ермолову. Много прекрасных, талантливых, умных, мужественных людей на свете было, есть и будет. Они и должны служить нам примером.

Однако, отдав дань уважения историческим деятелям, многие дети стремятся увидеть нравственный идеал в сегодняшней окружающей их жизни. Другая девочка утверждает:

А вообще я хочу жить так, как живут мои родители: с полной самоотдачей, увлеченно и бодро. Я беру с них во всем пример, стараюсь жить, как живут они. Отец, работая, выкладывается полностью, вкладывает в свой труд всю душу, умение, знания. И ему легче жить от того, что он приносит пусть скромную, но пользу обществу. И конечно, основной пример для меня — моя мама. Я ее считаю просто самоотверженной женщиной! Нельзя переоценить то, что она делает для семьи... Я хочу всю жизнь быть такой мягкой, доброй, любящей и справедливой, как моя мама.

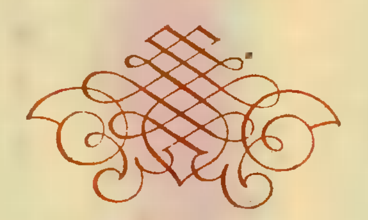
Хочет взять пример с дяди и так же беззаветно, самоотверженно заниматься наукой другой восьмиклассник. Его одноклассник восхищается бабушкой: в годы войны, совсем юная, она стала к станку, а затем в трудные послевоенные годы поднимала детей и сохранила добрый, отзывчивый, веселый характер.

Школьников привлекают в первую очередь такие черты взрослых, как честность, самоотверженность, увлеченность в работе, стремление служить благу общества, скромность, мягкость, справедливость, действенная и активная доброта. Герои — вокруг нас, нужно только уметь смотреть и видеть, видеть и плохое и хорошее, уметь отличать хорошее от плохого. Нам, воспитателям, следует вооружить школьников верными критериями. Роль школьного курса истории в этом важном деле — неоценима.

А взрослые должны в этом помочь детям и подросткам, благожелательно и одновременно трезво всматриваясь в жизнь, находя и ненавязчиво указывая примеры, достойные изучения, подражания, воспитывая на том хорошем, что ежедневно и ежечасно приносит нам жизнь.

В наши дни, у нас на глазах идет становление человека нового, коммунистического общества, в лучших людях наших дней проявляются и утверждают себя сегодня черты и качества коммунистической личности. Именно поэтому стремящиеся к совершенству молодые люди нашей страны, решая жизненно важный для них вопрос: «Делать жизнь с кого?»,— ориентируются сегодня не только на великих борцов и героев прошлого, но и на тех, кто живет рядом с ними,— на людей, которые стали носителями лучших человеческих качеств. Их пример убедительно показывает, что такими могут быть и должны быть все.

Всего сто лет,

уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в декабре 1877 года

Известно, что союз представителей безусловного консерватизма с клерикалами, внесение клерикальных основ в теорию государственного права и заимствование у клерикалов же двух главных средств противодействия естественному прогрессу — именно давление на печать и школу явились после революционных событий конца прошлого и начала нынешнего столетия. Но средства эти не оказались действенными. Дело в том, что никакими искусственными средствами нельзя изменить самой природы человеческого общества.

«Вестник Европы»

Закон не есть дело рук человеческих, а потому он неизменяем; он вечен; законность, следовательно, есть неподвижность, и всякое стремление вперед, всякая оппозиция теократии есть беззаконие! Мысль об улучшении участи человечества вообще, одно предположение о возможности преуспеяния или прогресса — все это внушается врагом человеческого рода! Исходя совершенно логично из таких представлений, католическая иерархия никогда не допускала обсуждения своего закона, даже стесняла чтение книг, на которых он опирается. В рассуждении, в критике теократия всегда видела зло и приписывала так называемое «развращение нравов», то есть постепенное возмужание человечества действию искусственных средств этого зла. Вот почему теократия издревле сжигала осужденные ею книги и казнила их авторов; вот почему никто более иезуитов не занимался школами и никто не умел до такой степени всецело подчинить школу определенному преднамеренному направлению и надзору.

«Вестник Европы»

Сложного культа религии, выражающегося в построении мечетей и других каких-либо священных мест, у киргиза не видно, он вообще равнодушен ко всякого рода обрядности и лениво разговаривает о предметах религии. После первого нашего знакомства с ними русские вздумали было строить для них мечети, поставлять мулл и прочее, но все эти нововведения кончились, как и следовало ожидать, ничем. Душная мечеть не могла показаться привлекательною кочевому народу, привыкшему с малолетства видеть над своей головой открытый небесный свод, а вдали, прямо перед глазами, необъятное пространство степей, волшебно манящее к свободному непривязанному кочевью... Большинство киргизов официально считаются магометанами, но мусульманские обряды им известны мало.

Положение женщины у киргизов не так плачевно, как у других мусульман: они не ходят закрытыми и не изъяты из общества гаремным затворничеством.

«Миссионер»

И. ТИНЯКОВА,
кандидат философских наук

ГОРЯНКА НА РАБОТЕ И ДОМА

В ХУНЗАХЕ — одном из районных центров Дагестана — регулярно проводятся женские конференции. Мне довелось побывать на последней, на которой 168 жительниц 53 селений района обсуждали свои насущные проблемы. Впечатляющую картину, ярко показывающую роль женщин в жизни района, нарисовала в своем докладе секретарь Хунзахского райкома партии Патимат Каримова. За годы Советской власти горянка обрела полное равноправие с мужчиной, получила экономическую самостоятельность, доступ к образованию и руководящим должностям. Все это самым решительным образом повлияло на ее духовный облик.

Сегодня горянки — колхозницы, бригадиры, врачи, учителя, партийные и общественные деятели, научные работники.

Предоставленные женщине в нашей стране возможности занимать достойное место в общественной жизни, в труде, в быту и семье успешно реализуются в Хунзахском, как и во всех других горных и труднодоступных районах Дагестана.

Участницы конференции активно обсуждали доклад. Выступления были содержательными, деловыми и конкретными. Все отмечали, что с каждым годом женщины района становятся инициативнее, самостоятельнее. Учительница Османова из селения Гоцатли сообщила, например, что у них в совхозе все трудоспособные женщины участвуют в общественном производстве.

Другие рассказывали, что в их селах все девушки оканчивают как минимум восемь классов, а многие учатся и дальше — поступают в техникумы, училища, вузы. Горянки не только трудятся, но и принимают активное участие в культурной жизни села, участвуют в художественной самодеятельности, посещают дома культуры и клубы. С каждым годом растет число читательниц сельских библиотек.

Многое обсуждалось на этой конференции, но, пожалуй, не было ни одной выступавшей, которая обошла бы вопрос о том, как обстоят у них в селе дела с пережитками прошлого, в том числе и с религиозными. Эта проблема еще не утратила своей актуальности. Везде отжившие старые обычаи и традиции вытесняются, заменяются прогрессивными, новыми, но процесс этот сложный, пережитки живучи, особенно в быту, и это порой отрицательно сказывается на положении женщины. Конечно, сегодня уже не выдают замуж несовершеннолетних девушек, мулла освящает брак в самых редких случаях, покончено с затворничеством. Но все же кое-что из прошлого сохранилось. Есть случаи калыма — платы за невесту в виде дорогих подарков родителям; в некоторых семьях неодобрительно относятся к тому, что девушка хочет продолжить образование; бывает, что женщина в известной степени ущемлена в своих правах. При этом нередко именно сама женщина выступает хранительницей старых обычаев в семье, соблюдает религиозные обряды, оказывая тем самым влияние на детей. Не случайно ответственный секретарь Дагестанского общества «Знание» Патимат Абдурахманова, принимавшая участие в работе конференции, в своем выступлении обратила внимание на то, что преодоление пережитков старого быта и религии — одна из самых насущных задач самих женщин.

Надо сказать, что в Хунзахском районе атеистическая работа поставлена хорошо. Ее состояние регулярно обсуждается на заседаниях бюро райкома партии, на партийных собраниях. В течение ряда лет при райкоме действует семинар для лекторов, агитаторов и политинформаторов по атеистической проблематике. К этой работе привлечены не только партийные и комсомольские организации, но и культурно-просветительные учреждения, школы, сельская интеллигенция. Активно участвует в ней районная организация общества «Знание».

«Актуальные задачи атеистического воспитания», «Роль родителей в атеистическом воспитании детей», «От каких обрядов и традиций мы должны отказаться», «Религия и женщина» — вот некоторые темы лекций, которые читаются тут населению. За год по атеистической тематике в среднем читается 250—300 лекций.

Популярны в районе вечера вопросов и ответов на темы религии и атеизма. В селениях Хунзах, Обода, Ората, Амуши, Синух, Гоцатль, Уздал-Россо они проходят по крайней мере три-четыре раза в год. Если заглянуть в зал, где проводится такой вечер, то увидишь много женщин, а ведь еще лет 10—15 назад они редко посещали подобные мероприятия.

Кое-где в селах стали устраивать и устные антирелигиозные журналы. Широко практикуются тематические вечера. Особенно удался вечер «Новые обряды — в жизнь!», проведенный райкомом партии совместно с редакцией газеты «Сельский труженик» и районным Домом культуры. Специально пригласили пожилых людей из числа тех, кто не только придерживался старых обычаев, но и требовал их соблюдения от молодых. Выступавшие сумели так ста-

вить вопросы, что вызывали интерес всех присутствующих. Очень многие пожелали вслух высказать свое мнение о том, соответствуют ли нормам современной жизни старые обычаи и обряды. Принимали участие в этом обсуждении и женщины. Особо говорилось, кстати, о том, что нередко именно мать в семье сохраняет устаревшие обычаи, воспитывая в детях приверженность к патриархальному.

Районная газета «Сельский труженик» подробно освещает все массовые атеистические мероприятия, которые проводятся здесь. Большую роль сыграло, например, опубликованное в ней обращение уважаемых людей Хунзаха, которые призывали отказываться от религиозных обрядов.

Формы и методы атеистической работы в районе рассчитаны на широкие массы населения, но здесь ведется и специальная работа среди женщин, целенаправленная и систематическая. Изучение ее опыта показывает, что это необходимо и приносит большую пользу. Весьма своевременным оказалось возрождение женотделов при обкоме КПСС Дагестана и райкомах партии. Как известно, в первые годы Советской власти такие отделы по работе среди женщин в бывших восточных окраинах России сыграли большую роль в преодолении отсталости женщин, вовлечении их в активное социалистическое строительство, в освобождении их сознания от религии.

Без полного раскрепощения женщины, без решения женского вопроса невозможно было строительство новой жизни — это сегодня всем известная истина. И особенно она касается районов распространения ислама. На Востоке женщина многие века была на положении рабыни. Мусульманская религия здесь освятила, узаконила в шариате социальное неравенство женщины, ее полное бесправие в семье и обществе, провозгласила ее неполноценность и греховность по сравнению с мужчиной. Веками в странах, где царил ислам, женщина жила в изоляции от общества, неграмотная, беспрекословно покорная своей судьбе. Ее сознанию была чужда даже мысль о протесте, рабская покорность всему становилась характерной чертой ее психологии. Девочка с малых лет знала, что она — нежеланный ребенок, ее рождение воспринималось в лучшем случае как неизбежное зло и могло даже послужить поводом для развода или прихода в дом еще одной жены.

Буквально с рождения воспитывалась женщина-мусульманка в строгом соответствии с канонами ислама и под влиянием всех этих условий и традиций превращалась в рабу по убеждению. Сознание полного бесправия, ущербности, рабская покорность мужу, старшим, безусловное выполнение религиозных предписаний, нередко выдаваемых духовенством за национальные традиции и обычаи, все это глубоко вошло в плоть и кровь мусульманки и сделало ее саму прочной опорой религии в быту и семье.

Именно поэтому одной из важнейших задач в первые же годы Советской власти было освобождение сознания женщин от религии, перестройка их психологии. Политические и социально-экономические мероприятия, проводившиеся Коммунистической партией и Советским государством в национальных республиках, учитывали местную специфику всех областей жизни, в том числе и особенности положения мусульманки.

Сегодня жизнь женщины в тех районах, где прежде господствовал ислам, — яркое свидетельство реального осуществления принципов социалистической демократии, согласно которой в управлении государством, в общественной и производственной жизни должны активно участвовать все трудящиеся, особенно те, кто, по словам В. И. Ленина, был больше всего угнетен капитализмом. К таким районам относится и Дагестан. Тут в целом ряде сфер женщинам теперь принадлежит ведущее место: больше, чем мужчин, занято их в здравоохранении, в просвещении, более трети специалистов с высшим образованием, работающих в промышленности, — женщины. Немало горянок в республике — на руководящих постах в органах государственного и хозяйственного управления.

Та картина жизни горянки, которая раскрылась на конференции в Хунзахе, — типична. Успехи велики, достижения — налицо, но решены еще не все проблемы. Особенности прошлой жизни женщины Востока оставили, как уже отмечалось, еще немало пережитков в ее сознании, в быту, в ее отношении к религии, в отношении к ней самой. Все это требует постоянного внимания к воспитательной работе среди женщин, внимания к их жизни в семье и к условиям труда.

Многие формы работы среди женщин, применявшиеся в годы утверждения Советской власти, не только полностью оправдали себя в прошлом, но и действуют с успехом в настоящее время. Взять хотя бы женские клубы, которые в 20-е годы были и культурно-просветительными учреждениями, и школами общественной жизни и трудовых навыков. Они помогали женщинам найти свое место в новой жизни, учили их пользоваться правами, которые предоставляло им социалистическое государство. Руководимые женотделами партийных органов, эти клубы стали всеобщей формой работы среди женщин коренного населения на Северном Кавказе, в Азербайджане, в республиках Средней Азии.

Сегодня возрождается эта форма работы. И хотя конкретные задачи женских клубов теперь иные, смысл их работы тот же — делать жизнь женщины содержательнее, осмысленнее, интереснее. В Гергебильском районе, например, уже несколько лет работает женский клуб «Ласточка», клубы для старшеклассниц «Гвоздика», «Фиалка». Члены клуба «Ласточка» собираются каждый месяц, а бывает и чаще. Женщины обсуждают проблемы воспитания детей, слушают рассказы специалистов медицины, делятся своими соображениями о лучшей организации быта, говорят о моде, о кинофильмах. В круг занимающих их проблем входят и те, которые касаются религиозных традиций и обычаев. Местные учреждения, среди них и школа, и столовая, и даже ателье, выступают в роли шефов этого клуба, по очереди готовят занятия.

В Гергебиле работает также школа бытовой культуры для женщин. В ее программе есть и тема «Религия и женщина». В Хунзахском районе несколько лет успешно действует женский университет «За культурный быт», где также уделяется внимание атеистическому воспитанию. А в селе Усиша Акушинского района есть «Клуб девушек», им руководит Герой Социалистического Труда Хамиса Казиева. Его регулярно посещают более 480 горянок.

Все формы атеистической работы среди широких масс населения, а также специальные ее формы, применяемые в женской среде, способствуют тому, что религиозные пережитки оказывают все меньше влияния на жизнь горянки, ее сознание освобождается от них. Наблюдения показывают, что уменьшается число паломниц к святым местам, жених и невеста

и молодожены вместе появляются на улицах села, вместе ходят в кино, на концерты, в гости, хотя старые обычаи строго-настрого запрещают это. Школьницы не носят постоянно платков, как это было в селах еще несколько лет назад.

Огромную роль в атеистическом воспитании играет противодействие религиозному общественному мнению. В беседах с женщинами выяснилось, что многие из них соблюдают религиозные предписания, боясь ослушаться старших или обидеть их, боясь, что осудят соседи, и т. п.

Развитие специальных форм работы среди женщин необходимо для преодоления их религиозности, широкого вовлечения их в производство, в общественную жизнь. Многое сделал в этом направлении женотдел Дагестанского обкома КПСС. Он возобновил свою деятельность в 1965 году и планомерно осуществляет политико-массовую работу среди женщин республики, а также направляет работу райкомовских женотделов. Женотделы трудятся в тесном контакте с организациями общества «Знание».

В связи с Международным годом женщины при правлении республиканского общества «Знание» была создана на общественных началах специальная комиссия по пропаганде политических и научных знаний среди женщин. В нее вошли высококвалифицированные лекторы Общества: ученые, педагоги, медицинские работники, журналисты, пропагандисты атеизма. В обширной программе, которую выполнила комиссия, значительное место занимала атеистическая проблематика. В женских аудиториях во всей республике — в городах и самых отдаленных горных селениях — были прочитаны лекции «Атеистическое воспитание в семье», «Преодоление пережитков прошлого в отношении к женщине — важнейшее условие формирования коммунистической морали». Комиссия оказала большую помощь местным организациям Общества в улучшении атеистического воспитания женщины.

Работа среди женщин — значительная часть программы научно-методического совета по пропаганде атеистических знаний при республиканской организации общества «Знание». Среди лекций есть специально подготовленные для горянок: «Происхождение и социальная сущность шариата», «О вреде калыма», «Ислам и семья». В помощь лекторам выпущены методические пособия: «XX век и тенденция к изменению положения женщин», «Образ женщины-горянки в произведениях дагестанских авторов», «Особенности организации работы среди женского населения по преодолению пережитков ислама», «Религия и женщина», «Происхождение и социальная сущность калыма».

Совет уделяет особое внимание подготовке кадров пропагандистов именно для работы в женской аудитории. Так, здесь создана двухгодичная школа лектора-атеиста, в которой обучаются преимущественно женщины — учителя, медики, инженеры, агрономы, работники партийных, комсомольских и советских органов.

Роль женщин-горянок сегодня велика, они — активно действующая сила в коммунистическом строительстве, всей своей деятельностью, всем своим опытом подтверждают слова В. И. Ленина о том, что без участия женщины невозможно решение задач социализма. Жизнь Дагестана, как и всех северокавказских республик, убедительно говорит о том, что горянка и на работе, и дома может играть и играет огромную созидательную роль.

МОЛОДЫМ — НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

А. ЧЕРНИЙ,
руководитель лекторской группы ЦК ЛКСМ Украины

НАША ПАРТИЯ придает большое значение коммунистическому воспитанию молодежи, составной частью которого является воспитание атеистическое. Естественно, велика здесь и роль комсомола. В большинстве комсомольских организаций оно ведется на основе перспективных планов с учетом характера деятельности различных организаций и учреждений, и участием соответствующих отделений культуры, образования, загса. Это дает возможность комплексно решать проблемы атеистического воспитания подрастающего поколения.

У нас в республике этот важный участок идейно-воспитательной работы направляют и координируют созданные при ЦК ЛКСМ Украины и при всех обкомах комсомола научно-методические советы по атеистическому воспитанию молодежи. В них входят ведущие ученые, опытные преподаватели, пропагандисты, лекторы. Важная роль в формировании глубоких научно-материалистических убеждений принадлежит также системе комсомольской политической учебы, которой охвачено почти полтора миллиона юношей и девушек.

Следует сказать, что комсомольцы вообще проявляют большой интерес к мировоззренческим проблемам. Об этом говорит, в частности, рост числа кружков по изучению основ научного атеизма. Если в 1971/72 учебном году их было в республике около 1200, то сегодня — около двух с половиной тысяч. Почти 50 тысяч юношей и девушек изучают ленинское атеистическое наследие, соответствующие документы Коммунистической партии и Советского государства, актуальные проблемы научного атеизма, готовятся самостоятельно вести атеистическую пропаганду, индивидуальную работу с молодыми людьми, подпавшими под религиозное влияние.

Занятия в кружках проводятся на основе программы, разработанной в соответствии с учебным пособием «Молодежи об атеизме», выпущенным издательством ЦК ЛКСМУ «Молодь» в 1972 году и переизданным в 1974 году. Программа рассчитана в основном на молодых людей, имеющих среднее образование.

Кроме того, значительно увеличился объем атеистической пропаганды среди молодежи республики, более разнообразными стали ее формы и методы. Только в прошлом году лекторскими группами комитетов комсомола прочитано 40 тысяч лекций по актуальным проблемам атеизма. В распространении атеистических знаний среди молодежи активно участвуют соответствующие отделения вечерних университетов марксизма-ленинизма, факультеты народных университетов.

Комитеты комсомола широко используют новые формы массовой пропаганды атеизма. Во многих областях республики, в первую очередь в Черниговской, Черкасской и Кировоградской, популярны, например, выездные молодежные клубы «Атеист». В их составе —

опытные комсомольские работники и пропагандисты, которые могут не только выступить с лекциями, но и оказывают методическую помощь на местах. Разнообразна и содержательна деятельность выездных клубов «Прометей» в Одесской области, «Світоч» — в Ивано-Франковской, общественно-политических клубов имени Ярослава Галана во Львовской области и других аналогичных форм работы с молодежью.

Первостепенное значение придается атеистическому воспитанию рабочей молодежи. На многих промышленных предприятиях, в рабочих общежитиях действуют тематические лектории, кинолектории. Совместно с работниками библиотек комитеты комсомола непосредственно на предприятиях организуют обсуждение книг, статей из журналов «Наука и религия», «Людина і світ», делают обзоры новой атеистической литературы. И конечно же, — экскурсии в музеи, диспуты, устные журналы, то есть все, что широко используется в атеистическом воспитании.

Особое внимание комитеты комсомола уделяют работе на мелких предприятиях, а также в местах, где преобладает сезонный характер работы. Не упускается из поля зрения и село. Кстати, именно здесь успешно работает основная масса кружков «Основы научного атеизма».

Большое внимание комитеты комсомола уделяют учащейся молодежи, особенно школьной, где комсомольские организации освоили к настоящему времени солидный арсенал форм и методов атеистической работы. В школах Кривого Рога, например, широкую популярность приобрели научные общества, общественно-политические клубы «Глобус», «Ориентир», научно-практические и литературные конференции, вечера вопросов и ответов, тематические вечера и т. п. Ежегодно в школах города проводятся месячники пропаганды атеистических знаний.

Комитеты комсомола обобщают и распространяют опыт лучших комсомольских организаций. Во многих областях выпускаются соответствующие информационные бюллетени, плакаты. В прошлом году в издательстве ЦК ЛКСМУ «Молодь» вышел сборник «Новые праздники, обряды». Посвящение в рабочие и колхозники, торжественные проводы в Советскую Армию, прием в пионеры и комсомол, празднование дней молодежи, свадьбы и торжественное наречение имени ребенку — все это успешно противопоставляется ныне церковной обрядности. Безусловно, здесь предстоит еще очень многое сделать. Ведь сегодня мы делаем только первые практические шаги по созданию эмоциональной, высокохудожественной советской обрядности.

Много внимания уделяет комсомол подготовке пропагандистов атеизма, умеющих вести идейно-воспитательную работу. Для того чтобы помочь им повысить уровень теоретических знаний, приобрести навыки практической работы, в республике создан постоянно действующий семинар организаторов атеистической работы. Два раза в год мы собираем на учебу соответствующих работников обкомов комсомола. На занятиях обсуждаются такие вопросы, как «Принципы планирования научно-атеистической работы», «Основные направления работы методических советов по атеистическому воспитанию молодежи и задачи дальнейшего совершенствования их деятельности», «Организация атеистической работы в первичной комсомольской организации. Эффективность ее форм и методов», «Особенности научно-атеистической работы среди различных категорий молодежи» и другие.

В большинстве областей республики работают постоянно действующие семинары по вопросам атеистического воспитания молодежи, на которые приезжают пропагандисты, лекторы из районов. Перед началом учебного года в системе комсомольской политучебы проводятся инструктивные семинары-совещания для пропагандистов. Однако знания, полученные на подобных семинарах, не могут, конечно, удовлетворить потребности начинающих лекторов. Проводить же постоянные семинары в масштабе района, как правило, нецелесообразно. Поэтому в практике пропагандистской работы родилось ценное начинание — открытые занятия в кружках «Основы научного атеизма», на которых присутствуют другие пропагандисты.

В республике сейчас более тысячи школ молодого лектора при вузах и техникумах, где ведется подготовка и лекторов-атеистов. Безусловно, здесь есть ряд нерешенных проблем, связанных и с качеством подготовки лекторов, и их использованием в практической работе. Так что нам предстоит еще многое сделать, чтобы наша работа отвечала требованиям сегодняшнего дня, определенным в решениях XXV съезда КПСС.

г. Киев

ИНФОРМАЦИЯ, ХРОНИКА

В августе в столице Бурятии городе Улан-Удэ был проведен зональный семинар, на котором рассматривались актуальные вопросы атеистического воспитания в свете решений XXV съезда КПСС. Вместе с правлением общества «Знание» РСФСР его организаторами были Бурятский обком партии, Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и Бурятская организация общества «Знание». В работе семинара приняли участие партийные работники, ученые, преподаватели вузов, лекторы и пропагандисты Бурятской, Тувинской и Якутской АССР, Иркутской и Читинской областей.

С докладом «XXV съезд КПСС о комплексном подходе в коммунистическом воспитании и задачи атеистической работы» выступил заместитель председателя научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР доктор философских наук, профессор А. Н. Кочетов. Участники семинара с большим вниманием прослушали доклады кандидата исторических наук А. И. Барменкова «Актуальные вопросы политики КПСС и Советского государства в отношении религии и церкви», старшего научного сотрудника Института научного атеизма кандидата философских наук А. Н. Ипатова «Идеологическая борьба и религия в условиях разрядки международной напряженности» и другие.

Особое место на семинаре занял разговор о месте и роли музеев, памятников культуры и архитектуры в коммунистическом воспитании, а также о новых советских праздниках и обрядах. Этим вопросам были посвящены выступления заведующей отделом Востока Музея истории религии и атеизма в Ленинграде кандидата исторических наук Т. А. Стецкевич, заведующего кафедрой философии Ставропольского пединститута доктора философских наук, профессора А. В. Авксентьева, заведующей отделом загс исполкома Моссовета С. И. Кулаевой.

Участники также прослушали выступления заведующей сектором буддологии Бурятского института общественных наук кандидата философских наук К. М. Герасимовой — «Изменение бытовой обрядности на-

маизма и атеистическая пропаганда», а также ученых из Института востоковедения АН СССР: кандидата философских наук В. И. Корнева и кандидата исторических наук В. А. Кожевникова «Социально-политическая роль буддизма в развивающихся странах Азии».

«Пережитки традиционных верований у народностей Южной Сибири» и «Причины сохранения пережитков ламаизма и особенности их проявлений» — такими были темы докладов старшего научного сотрудника Бурятского института общественных наук кандидата исторических наук Г. М. Михайлова и старшего научного сотрудника Калмыцкого научно-исследовательского института языка и литературы кандидата исторических наук В. П. Дарбаковой.

Главный редактор журнала «Наука и религия» А. С. Иванов рассказал, как освещаются на страницах журнала теория и практика атеистического воспитания.

Опытом атеистической работы на семинаре поделились учитель Баргханской средней школы Бурятской АССР Г. Э. Данбаев, директор окружного краеведческого музея Агинского национального округа Читинской области заслуженный деятель культуры РСФСР Ж. Д. Доржиев.

В работе семинара принял участие секретарь Бурятского обкома КПСС А. А. Бадиев.

■

Общество «Знание» РСФСР и Архангельский обком КПСС провели зональную конференцию по актуальным вопросам атеистического воспитания в свете решений XXV съезда КПСС. В работе конференции приняли участие преподаватели и научные работники вузов, партийные и комсомольские работники, пропагандисты из Карельской и Коми АССР, Архангельской, Вологодской, Калининградской, Кировской, Костромской, Мурманской областей, приглашены лекторы Украины, Белоруссии, республик Прибалтики.

Конференцию открыл первый заместитель председателя правления общества «Знание» РСФСР кандидат исторических наук В. П. Кудыкин. На пленарных заседаниях были прослушаны доклады секретаря Архангельского обкома КПСС Ю. Н. Сапожникова «Работа областной партийной организации по формированию коммунистического мировоззрения трудящихся», председателя научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР доктора философских наук, профессора С. И. Никишова «Комплексный подход в коммунистическом воспитании и задачи атеистической пропаганды», кандидата философских наук А. В. Нуруллаева «Актуальные вопросы политики КПСС и Советского государства в отношении религии и церкви», заведующего кафедрой научного атеизма, этики и эстетики Ленинградского пединститута имени Герцена доктора философских наук, профессора Н. С. Гордиенко «Идеологическая борьба и религия в условиях разрядки международной напряженности», доктора философских наук В. Н. Шердакова «Нравственное содержание атеизма и его роль в коммунистическом воспитании», доцента Архангельского лесотехнического института В. А. Зайцева «Особенности проявления религиозных пережитков на Севере и практика их преодоления» и другие.

На конференции работали три секции: «Вопросы повышения идейно-теоретического уровня атеистического воспитания», «Формы и методы повышения эффективности пропаганды научного атеизма» и «Особенности атеистической работы с различными группами населения».

На заседаниях первой секции об опыте Вологодской областной организации общества «Знание» по пропаганде научного атеизма рассказал председатель ее научно-методического совета по атеизму кандидат философских наук Б. В. Ковригин. Доктор медицинских наук, профессор Архангельского медицинского института Е. В. Censor Сороценкова рассказала о лекциях по атеистическому значению теории Дарвина, об использовании в них последних научных достижений и наглядных пособий, а кандидат физико-математических наук старший преподаватель Архангельского педагогического института В. В. Видякин свое выступление посвятил необходимости использования научных достижений астрономии для формирования атеистических убеждений и разоблачения теологических спекуляций на нерешенных наукой вопросах астрономии и космологии. Кандидат философских наук, доцент Киевского университета И. И. Бражник говорил о необходимости комплексного подхода в атеистическом воспитании, об актуальности пропаганды правовых знаний по проблемам свободы совести. Опытом партийного руководства атеистическим воспитанием поделился инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КП Белоруссии В. И. Пепеляев.

На заседаниях второй секции с интересом был выслушан доклад об использовании в атеистической работе данных социологических исследований по религии и атеизму, с которым выступил заведующий кафедрой философии и научного коммунизма Архангельского лесотехнического института кандидат философских наук, доцент И. А. Чудинов. О внедрении новых гражданских обрядов и праздников в быт советских людей говорила на секции заведующая отделом пропаганды и агитации Северодвинского горкома партии К. К. Козенкова. Опытом атеистической пропаганды, которую ведет в Белоруссии общество «Знание», поделился председатель научно-методического совета по атеизму при правлении республиканской организации кандидат философских наук, доцент М. Я. Ленсу. Важной теме подготовки кадров пропагандистов атеизма в обществе «Знание» Украины посвятил свое выступление на секции председатель научно-методического совета при правлении республиканской организации доктор философских наук, профессор В. К. Танчер, опытом подготовки пропагандистов атеизма в вечернем университете марксизма-ленинизма при Каунасском горкоме партии — заведующий кафедрой научного коммунизма Каунасского политехнического института П. Ю. Аксамитас. О том, как используются в атеистической работе памятники Соловецкого историко-архитектурного музея-заповедника, рассказала заместитель директора Т. М. Кольцова.

На третьей секции были заслушаны выступления заведующего отделом пропаганды и агитации Котласского горкома партии В. М. Сергиевского — о формах и методах атеистической работы среди населения; инструктора отдела пропаганды и агитации Череповецкого горкома партии В. И. Ильинского — о дифференцированной атеистической работе среди различных групп населения, инструктора отдела пропаганды и агитации Ненецкого окружного комитета партии Л. Ф. Бобриковой — о специфике атеистической работы среди населения округа.

На заключительном заседании с докладом об актуальных вопросах атеистической работы выступил инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС кандидат философских наук Э. И. Лисавцев. Были подведены итоги работы секций, приняты рекомендации по усилению и совершенствованию атеистической работы организаций общества «Знание».

Во время пребывания в Архангельске участники конференции ознакомились с достопримечательностями города, с областным краеведческим музеем, музеем изобразительных искусств и деревянного зодчества, с Соловецким музеем.

РОЖДЕННЫЙ ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Фото А. Хатева.

Самые яркие праздники сумгаитцев проходят теперь [redacted] стадионе, [redacted] сооружении которого деятельное участие принимали молодые рабочие.

Н. ЗОРИН

КРАСИВАЯ ЛЕГЕНДА дошла до наших дней [redacted] юноше Суме, который, подобно горьковскому Данко, пожертвовал жизнью, спасая людей [redacted] верной гибели в иссушенной зноем степи. И последним зовом его невесты было «Сум, гаит!» — «Сум, вернись!». Поэтому и назвали так прекрасный город, созданный в той степи потомками легендарного Сума.

И хотя Сумгаит молод — ему нет и тридцати — [redacted] его истории отобразилось и прошлое [redacted] настоящее азербайджанской земли. Именно в этом городе, который называют еще Комсомольском-на-Каспии, возникли новые традиции и обряды, широко известные сегодня далеко за пределами республики.

ТВОЯ УЛИЦА, [redacted] ПРАЗДНИК

Пионеры подошли [redacted] большому белому зданию. Один из них вслух прочитал строки, высеченные на мраморной табличке: «В этом доме живет почетный гражданин Сумгаита Герой Социалистического Труда Аслан Османов». Дверь ребятам открыл сам Османов, прославленный строитель. Тот же бойкий мальчуган отрапортовал:

— По поручению Совета пионерской дружины школы № 2 приглашаем вас на праздник улицы имени Владимира Ильича Ленина!..

...Аслан Османов вместе с первыми энтузиастами приехал сюда, когда на этом месте не только ни одной улицы, но и ни одного дома еще не было. Далекий 1944-й, безжизненная, опаленная солнцем степь. Время для страны трудное, техники мало. Камень [redacted] раствор подносили вручную, лопатами рыли котлованы. А в часы отдыха зажигались повсюду костры, и тогда стройка напоминала место солдатского привала. Да, здесь проходил передний край трудового фронта, [redacted] строители совершали подвиг.

Как-то бригадир повел своих каменщиков в сторону будущего центра города.

— Запомните, ребята, этот день, — просто сказал он, но прозвуча-

Сейчас [redacted] Сумганте трудятся пред-[redacted] [redacted] национальностей страны. Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Сумгаита Замина Гасанова — старшая оцинковщица Азербайджанского трубопрокатного завода имени [redacted] И. Ленина. Она — наставник молодежи. Ее ученица — Валентина Огирова приехала [redacted] Чува-[redacted] Сумгаит стал для [redacted] родным городом.

но это торжественно. — Сегодня мы начинаем строить главную улицу Сумгаита — улицу имени Ленина. Большая честь для нас...

Потом они вбивали на отведенном участке колышки, размечали очертания фундамента будущего дома, первого на этой улице.

Давно это было. А теперь вот, 22 апреля, в день рождения Владимира Ильича, Аслан Османов в новом костюме, при всех регалиях не спеша идет по знакомой улице. Дома украшены кумачовыми полотнищами, транспарантами. Огромные фотомонтажи рассказывают о славных делах жителей молодого города — металлургов, химиков, строителей, стекловаров. Улица тенистая, красивая, большие деревья растут ровными рядами, а ведь тогда мало кто верил, что крохотные саженцы приживутся на этой бесплодной земле. Османов помнит эти саженцы, многие посадили они здесь своими руками.

Праздник улицы Ленина открылся торжественным шествием почетных граждан города, ветеранов труда и Великой Отечественной войны. А вот и гости — из Рустави, Кировакана, Черкасс — с этими городами соревнуется Сумгаит. Сегодня переходящие знамена, учрежденные их городскими комитетами партии и горсоветами, будут торжественно вручены передовым коллективам промышленных предприятий Сумгаита.

Гремит музыка. Из дверей школы № 2 выходят пионеры. Они несут рисунки, макеты, схемы. На них — история главной улицы города. Каждый экспонат своей выставки ребята сопровождают стихами. Есть среди них и обращение к первым строителям города, к Аслану Османову и его товарищам, которые мечтали «до самого синего неба воздвигнуть дома...».

Когда окончилась торжественная часть праздника, Аслану захотелось повидаться с первым домом, построенным им и его товарищами на этой улице. Двухэтажный с лоджиями и балконами дом стоял здесь когда-то одинокий, открытый всем ветрам. Аслан погладил рукой шершавую штукатурку. Потом почему-то попробовал ее прочность носком ботинка.

— Смотри, Нина, Солмазкин папа по дому, как по колесу стукает, — послышался сверху детский голос. Девочка с бантом показалась в открытом окне:

— Дядя, вы кто? Шофер?

— Нет, каменщик, — по привычке ответил Аслан, хотя давно уже был старшим прорабом. — На стройке работаю.

Герой Социалистического Труда, почетный гражданин города Аслан Османов вручает трудовые книжки молодым строителям. Эта церемония проводится в Сумгаите ежегодно.

— А вот и неправда! На стройке никаких каменщиков не бывает. Мы ходили туда всем классом.

«И правда», — подумал Аслан и ответил:

— Монтажник я, доченька, монтажник. — Он снова погладил стенку рукой — ничего, хорош дом, еще долго будет стоять.

Широкой лентой к площади Ленина спускалась улица, шли по ней нарядные, веселые люди, и был среди них Аслан Османов, гордый и счастливый от того, что добрая половина домов на этом прекрасном проспекте выстроена руками его товарищей и учеников, его руками.

НАЧАЛО ТРУДОВОЙ БИОГРАФИИ

«Дорогой друг! Сегодня ты получаешь путевку в свою рабочую жизнь. Люби свою профессию, шагай по жизни смело, будь верным нашей Родине, нашей партии... Сохрани этот памятный документ. Когда-нибудь ты взглянешь на него и вспомнишь сегодняшний день...»

Торжественно звучат в актовом зале производственного объединения «Сумгаитхимпром» слова «Наказа молодым рабочим». 250 юношей и девушек — выпускников профессионально-технического училища получают Трудовой паспорт.

— Знаете ли вы, молодые друзья, — говорит председатель совета наставников завода хлорорганических продуктов С. Л. Лысов, — сколько трудится на предприятиях объединения рабочих вашего возраста? Шесть тысяч человек — огромная сила, которой доверено многое в нашем производстве. Вы, молодые аппаратчики, электросварщики, лаборанты, слесари, вносите серьезный вклад в общее дело. Пусть же приносит вам много радости сознательный труд на благо общества!

Под одобрительные аплодисменты лучшему выпускнику училища Исламу Гашумову вместе с трудовым паспортом мастер вручил подарок — комплект инструментов.

— Огромное вам спасибо, наши любимые мастера и воспитатели, — говорит Ислам, — мы постараемся через всю жизнь пронести с честью гордое звание — рабочий!

На Сумгаитском суперфосфатном заводе первый день выпускников училища по традиции начался с посещения Музея истории и трудовой славы предприятия. Ведет ребят по музею кадровый рабочий Феликс Григорьевич Шерпилов. Он рассказывает об истории завода и о новых цехах, о том, что завод производит в год около миллиона тонн суперфосфата и других «витаминов плодородия», за которые благодарят сумгаитцев труженики полей Закавказья, Средней Азии, Северного Кавказа. Внимательно рассматривают молодые

рабочие дневники социалистического соревнования, альбомы с описаниями передового опыта новаторов, образцы выпускаемой продукции.

Есть в музее экспозиция, посвященная рабочим династиям. Вот на фотографии семья Аджара Гаджизаде. Самого Аджара уже нет в живых, но его жена Адыля и два их сына так же, как и отец, аппаратчики, с первых дней своей трудовой биографии работают здесь. А вот семья слесарей Заикиных — отец, мать, сыновья.

— Надеемся, многие из вас тоже станут родоначальниками новых рабочих династий, — говорит ребятам Феликс Григорьевич.

Завтра выпускники училища впервые пройдут через заводскую проходную, и начнется их трудовая биография...

ПОПУЛЯРНЫЙ «ГЛОБУС»

Было это в первые годы Советской власти в Азербайджане. Молоденькая учительница Замина Гасанова, окончив учение в Баку, вернулась работать домой, в селение Джорат на Апшероне. Трудно приходилось ей. Родители не пускали детей в школу, особенно девочек. С утра до вечера бегала Замина из одного конца селения в другой — уговаривала, просила, объясняла. Конечно, ей помогли партийные активисты, комсомольцы. Постепенно школа заполнилась учениками.

Вскоре Гасанова решила обучать грамоте и женщин. Украдкой, задворками пробирались они вечерами в женский клуб, где проходили занятия. При свете коптилки по складам читали первые слова в букварях, неумело и старательно выводили на шершавой бумаге первые буквы.

— Не боишься ты Аллаха, Замина, — грозили ей старухи, — лишит он тебя за это счастья.

Но вопреки их пророчествам жизнь Замины Гасановой складывалась счастливо. Особенно запомнился ей тот день, когда неподалеку от Джората появились строители. Они начали возводить теплоэлектроцентраль — первый промышленный объект будущего Сумгаита. Замина решила пойти на стройку, и многие сельчанки последовали ее примеру. Их отговаривали:

— Не женское это дело, трудное, людей много незнакомых.

Кто-то, конечно, испугался, поддался уговорам, но большинство — нет. В женском клубе остальные рассказывали о будущем городе, какие здесь будут заводы, фабрики, дома. Тогда этот клуб был единственным, а сейчас в Сумгаите много разных клубов. Это свидетельство того, что духовная жизнь города содержательна и разнообразна. Есть клубы интернациональной дружбы, будущего воина, любителей поэзии, музыки, искусства и другие.

Традиционным в Сумгаите стал Праздник труда. Шествие возглавляют ветераны.

Но, пожалуй, самый популярный — комсомольский клуб «Глобус». Он — активный пропагандист марксистско-ленинского мировоззрения, достижений науки и техники. Когда-то, вначале, клуб назывался «Знание — сила», потом решили, что «Глобус» интереснее — ребята как бы шагают по планете, заглядывают во все уголки земли, познают ее тайны. Бывшая учительница, а ныне металлург Герой Социалистического Труда Замина Гасанова — активный член «Глобуса».

— Я не пропускаю ни одной возможности провести вечер с ребятами, — говорит она. — Слушаешь их, и просто не верится, что еще недавно не было Сумгаита, а сейчас здесь — большой современный город, связанный множеством нитей со всем миром.

На заседание клуба попасть не так-то просто. Свободных мест в зале не бывает. Поэтому его активисты выезжают в рабочие общежития, в другие школы. В клубе есть и атеистическая секция. Молодежь занимается в ней с увлечением. Для них религия — не более чем сказка. Но старшие товарищи разъясняют им, что пережитки прошлого, в том числе и религиозные, очень живучи, есть они и даже в таком современном городе, как Сумгаит. Вот почему так важно воспитать у молодых твердые атеистические убеждения.

Члены атеистической секции при участии руководителя клуба — преподавателя истории М. И. Ковалева—написали «Новые приключения Фауста» и поставили интересный спектакль, в котором сами играли все роли — Фауста, Мефистофеля, Иисуса Христа, Мухаммеда. Работали с увлечением, открывая для себя многие истины, чтобы потом донести их до других. Спектакль пользуется большим успехом у сумгаитцев всех национальностей.

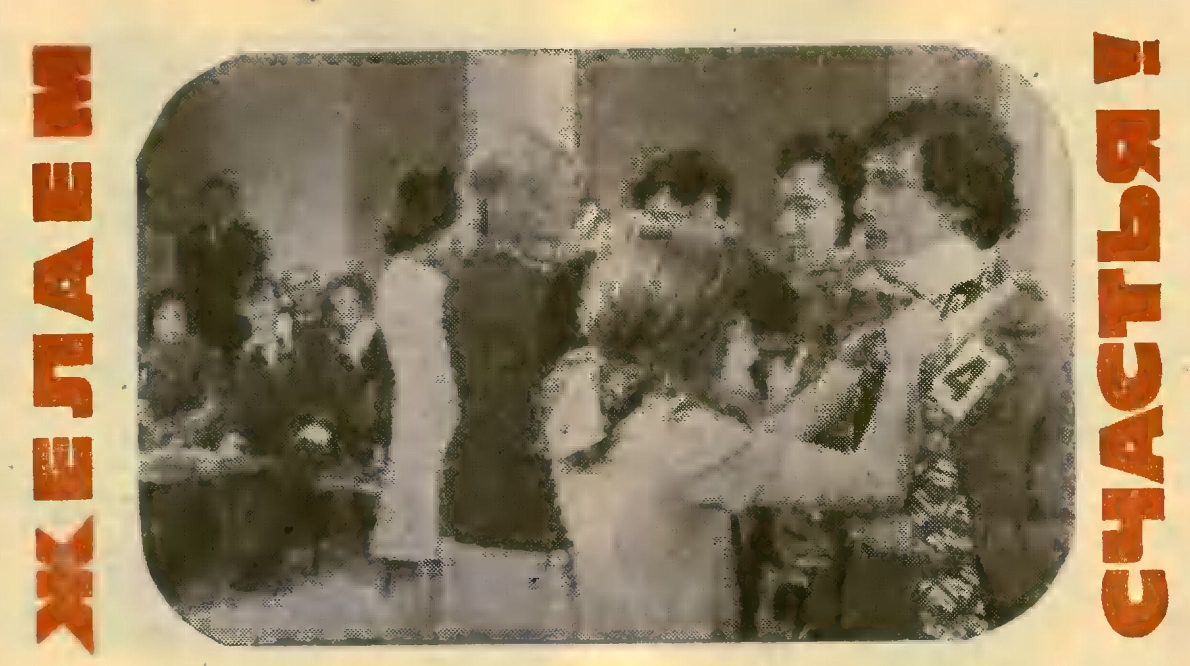
Как-то один из зарубежных гостей Сумгаита, узнав об этом, сказал Замине Гасановой, когда познакомился с ней:

— Не понимаю, ведь у многих живущих здесь народов — свой бог, как же они находят между собой общий язык?

— Все боги говорили людям лишь о том, что происходило в их обители — на небесах, — отвечала она, — но никогда ни одна религия не хотела просвещать их относительно того, как жить здесь, на земле. А мы нашли этот верный путь. Познакомьтесь с жизнью сумгаитцев внимательно и поймете, что в ней нет места богу, что нас объединяет общий труд во имя счастья и мира на земле!

г. Баку

Желаем счастья!

В. ДОЛГОВА,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

В ТОТ МАЙСКИЙ ВЕЧЕР Центральное телевидение предлагало шестую серию французского фильма «Блеск и нищета куртизанок». Острая фабула бальзаковской «Человеческой комедии» держала множество людей у голубого экрана. Кто же это пропустит шестую, заключительную серию?

Организаторы объявленного заранее торжества во Дворце культуры Московского автозавода имени Лихачева волновались. Придут ли приглашенные пары, их родные, друзья, товарищи по работе? Не останутся ли дома досматривать многосерийный французский фильм? Но сильный конкурент — телевидение в тот вечер удержало не всех зрителей. Те, кого ждали, пришли. Помолвка состоялась...

В журнале «Наука и религия», в заметке С. Бен-[illegible] «Сохраним красивое» (1976, № 2), говорилось о возрождении народиого обряда помолвки в Воронеже. Автор призвал читателей журнала высказаться: нужно ли переносить в сегодняшний день элементы этого старинного обряда? И потекли в редакцию отклики читателей. Обзор писем о новых обрядах, в том числе и о помолвке, был опубликован в № 12 нашего журнала за 1976 год.

Мнения были разные. Одни считали, что помолвка — лишь дополнительные расходы к свадьбе и свадебному застолью. Действительно, превратившиеся за последние годы в непомерно пышные пиры, многолюдные свадьбы зачастую тяжелым бременем ложатся на молодую семью и их близких. А тут еще расходы на помолвку... Инженер Сидоров из Костромы, письмо которого было приведено в обзоре, так и считал, что помолвка — только повод для выпивки, а значит — для увеличения трат.

Другие читатели высказались за возрождение старинного народного обряда, мотивируя это глубоко нравственными соображениями. Вот что написала А. В. Яловик из Киргизии в защиту помолвки: «И страстно влюбленным необходимо время, чтобы серьезно обдумать свое решение, познакомиться с будущей родней, узнать вкусы и стремления друг друга. Разводов было бы гораздо меньше». Ей вторил Т. Ф. Руднев из села Терновка Саратовской области: «Пусть молодые люди получают звание жениха и невесты перед лицом общественности. Это заставит их серьезно прочувствовать значение совершаемого шага. Я не могу равнодушно слышать о разводах».

Итак два мнения... Не будем обсуждать их, а давайте вместе с приглашенными парами и гостями войдем этим майским вечером в уютный театральный зал Дворца культуры ЗИЛа. Здесь уже два года проводится обряд помолвки. Обряд прижился, сложились характерные его черты.

Сегодня цех домашних холодильников отмечает помолвку трех пар, напутствует на счастливую семейную жизнь передовиков производства: инженера отдела главного контроля Сергея Колесникова и техника отдела технического контроля Татьяну Евсееву; токаря, студента второго курса ВТУЗа Анатолия Бову и фрезеровщицу, ударницу коммунистического труда Ольгу Сидоркину; наладчика механосборочного корпуса № 3 Юрия Нестерова и крановщицу главного кузнечного цеха Лидию Мещерякову.

Нарядно убран зал, празднично оформлена сцена: повсюду цветы, гирлянды их образуют переплетенные обручальные кольца. Все создает ощущение праздника, значительного события. В самом деле, вступление в брак едва ли не самое важное событие в жизни человека. Поэтому и новый обряд помолвки, предшествующий бракосочетанию, наполнен глубоким смыслом. Но, конечно, в том случае, если обряд этот выразителен, ярок, оставляет эмоциональный след, соответствует душевному настрою молодых людей, пожелавших соединить свои судьбы.

Организаторы нового обряда стремятся сделать так, чтобы помолвка произвела впечатление не только на самих виновников торжества. Новый обряд

должен стать, по их замыслу, нравственным примером для многих. И прежде всего для молодежи, собравшейся в зале. Они считают также, что это событие имеет, кроме того, и общественное значение. Ведь государство наше, руководствуясь высокими побуждениями, заинтересовано в том, чтобы новая семья была счастлива, крепка, имела запас моральных сил для воспитания детей — достойных продолжателей борьбы за воплощение лучших идеалов человечества.

А атеистическое значение этого обряда? Вспомним, что русская православная церковь особенно впечатляюще обставляла венчание. Присвоила она и такой чисто народный обряд, как сговор, помолвка, — оглашение четы, вступающей в брак, происходило в церкви.

Обрядов, предваряющих свадьбу, было три: сговор, или сватовство, рукобитье — помолвка и, наконец, обручение с благословением жениха и невесты. Три обряда и, как их еще называли, три пропоя *, и, по существу, таковыми они и были.

В старой, патриархальной крестьянской семье приход молодой женщины, невестки, в дом — событие, тесно связанное с экономикой: в хозяйстве, кроме принесенного приданого, прибавлялась пара молодых рабочих рук. Поэтому впечатляющие символические обрядовые действия сопровождали заключение брачного союза. Свадьбы играли по нескольку дней. А перед свадьбой отмечали сговор, помолвку, обручение. Пропой при каждом обряде был узаконен неписаным установлением: «так заведено». Невесту пропивали несколько раз, потом начинался пропой жениха...

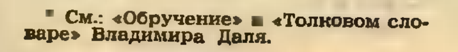
Жизнь наша не похожа на ту, какой жили наши деды и прадеды. Очистившись от корыстных расчетов, брак стал союзом двух любящих свободных людей, не отягощенным имущественными или другими экономическими соображениями.

Естественно, что новые условия — социалистический образ жизни — потребовали и новой обрядности, иных символически выразительных черт. Вот эти символические черты и пытаются устроители придать помолвке во Дворце культуры ЗИЛа. Их опыт говорит о тщательном, умелом, творческом отборе элементов народного обряда, из которого взято лишь то, что соответствует нашему современному образу жизни, где ценятся высшие моральные качества людей-тружеников.

Веселый новый обряд на ЗИЛе насыщен музыкой, песнями, выдумками. Торжественная часть заканчивается «Величальной» в исполнении хора русской народной песни. Поет хор и заздравную «Чарочку», а в это время помолвленным парам подносят по бокалу шампанского. Полные бокалы символизируют счастье будущей семьи, их полную достатка жизнь.

Надо видеть, как тепло отзывается зал на этот символический обрядовый элемент. Как единый выдох проносится: «Горько!», когда ведущий, предлагая искрящиеся бокалы, объявляет пару женихом и невестой. Помолвка совершена. Все в зале хорошо знают объявленных жениха и невесту, они — члены большого трудового коллектива, и вполне естественно, что собравшиеся радуются, глядя на них.

Связь с большой производственной семьей — одна из главных черт обряда. Труд — нравственная основа нашей жизни, он сплачивает людей, влияет

* См.: «Обручение» в «Толковом словаре» Владимира Даля.

Оказывается, быть папой совсем не просто.

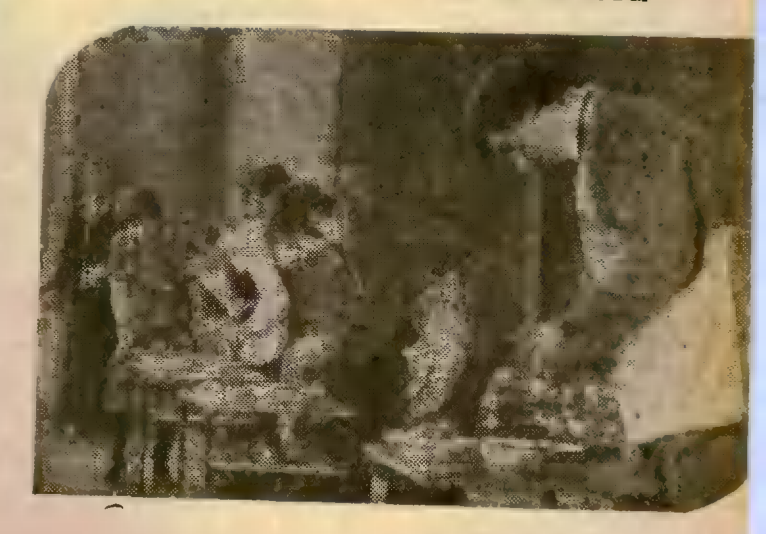
на их судьбу, знакомства, личные симпатии, на формирование жизненных установок. И теперь, участвуя в обряде, одаривая своим вниманием будущую семью, коллектив как бы берет обязательство морально поддерживать, крепить эту семейную ячейку. Ведь всем стало известно, кто чья невеста и кто чей жених. А без этого обряда все происходит келейно: подали молодые люди заявление в загс — знают об этом только родные и друзья.

Да и для самих женихов и невест обряд помолвки, в котором участвуют немало людей, повышает чувство ответственности, заставляет еще и еще раз проверить свое решение, спросить у своего сердца. Был же как-то на помолвке случай...

Пригласили четыре пары, но участвовали в обряде только три. Девушка четвертой пары долго ждала своего друга, но так и не дождалась. Опечалилась, конечно, а к концу вечера сказала органи-

Чья картошка быстрей поспеет?

Фото В. Ситникова.

заторам торжества: «Я теперь еще очень подумаю, годится ли он в женихи. Если сейчас не пришел, может, и после нельзя будет надеяться на него».

В письмах читателей журнала «Наука и религия», которые мы приводили, выражена тревога по поводу разводов. Не подсказывают ли слова этой девушки, в чем частично корень зла? Оказывается, и в самом деле промежуточный досвадебный обряд заставит молодых людей еще раз продумать свой шаг.

Но вернемся в зал. Вот под звуки полонеза Шопена вызывают на сцену первую пару. Ведущий представляет юношу и девушку. Близкие, родные, отец и мать, впервые, возможно, узнают, какого доброго мнения коллектив об их сыне или дочери. Бывает, что родители жениха или невесты живут далеко и приехать на помолвку не могут. В этом случае их заменяет посажёный отец, уважаемый на заводе человек. Он и в дальнейшем помогает молодоженам и советом и делом.

За первой парой поднимаются на сцену вторая, третья... За ними — молодые супруги, помолвка которых состоялась год назад. Минул первый, по общему мнению самый сложный, год супружества, во время которого пара прошла испытание жизнью, бытом. Каков он был, этот год, для молодоженов? Как шло становление семьи? И все с удовольствием услышали, что для молодых супругов год прошел хорошо, семья окрепла.

На вечер приглашены серебряные юбиляры. Жаль, что не было в этот раз золотой пары. Когда золотые юбиляры приходят, рассказывают о своей семейной жизни, призывают молодых крепить семью, — это производит особое впечатление. Запомнился и рассказ о свадьбе военных лет.

— Храните любовь, как мы все эти годы храним, — говорила молодежи жена фронтовика, сама фронтовичка. — Мы познакомились в госпитале. Мой будущий муж лежал после ранения на одном этаже, я — на другом. И на лестнице судьба нас свела. Хорошо мы жили, и сегодня живем дружно. Хотя смолоду, в военную тяжкую пору, приходилось терпеть лишения. Да и после войны сразу тоже нелегко было. Вы живете по-другому. Вот какой у вас сегодня праздник: цветы, музыка, хор. Цените все это!..

А праздник продолжается. К молодым парам со словами приветствия и напутствия обращаются писатель, юрист, социолог. Женихов и невест поздравляют артисты Москонцерта, выступают мастера искусств. Будущих молодоженов одаривают сувенирами, недорогими, но тщательно продуманными. Керамика, вещицы, украшающие квартиру, подобраны со вкусом.

Короткой была торжественная часть праздника, и я подумала, что и в этом проявились такт и умение устроителей. Зачем превращать обряд в длинное заседание, он должен быть коротким, запоминающимся.

— Мы долго размышляли о том, как проводить помолвку, — рассказывает заведующая методическим отделом Дворца культуры Любовь Павловна Давыдова. — Ведь обряд — сложное социально-психологическое явление, не терпящее длиннот, поверхностности, слабого художественного исполнения. Мы решили выделить здесь главное — объявление пары женихом и невестой и объяснение их нравственных обязательств друг перед другом, перед коллективом, обществом. Затем показ связи молодой пары со своим трудовым коллективом, с общественностью, представители которой приходят на этот вечер. Помолвленные должны почувствовать себя членами большого трудового коллектива.

— И мы считаем, что эти основные задачи обряд помолвки выполняет, — добавляет инструктор методического отдела Любовь Степановна Кондрашова. — Но это не значит, что в нем все совершенно. Продолжаем искать выразительные черты, способные передать идею обряда помолвки.

Часто ли его проводим? Нет, не часто, Нельзя, чтобы обряд приедался, он тогда потеряет свою привлекательность, красоту. Проводили в январе этого года, а теперь вот — в мае. Намечаем следующую помолвку на август. Это ведь не зрелище, это обряд, в нем участвуют все присутствующие, а не только будущие молодожены. Поэтому требуется тщательная подготовка. Поспешность — не помощник в таком деле...

С ритуалом помолвки во Дворце культуры ЗИЛа знакомились работники загсов Москвы. Обряд требует большой подготовки, он не всем по плечу. Зиловцы с их прекрасным Дворцом культуры располагают и средствами, и творческими работниками. Но, думается, скромная помолвка, включающая несколько основных элементов и художественную самодеятельность, может быть проведена в любом клубе...

Только ищущие, творческие люди могли придумать столь интересные элементы этого праздника. Веселый шуточный конкурс помолвленных начался вслед за торжественной частью. В игровой форме он имел целью выяснить подготовленность молодых людей к бытовым проблемам. Будущая жена должна уметь погладить рубашку, пришить пуговицу, завязать галстук... А будущий муж — разве и он не должен уметь делать все по дому? И вот женихи, а потом невесты при сочувственном внимании зала приступают к испытаниям. Жюри внимательно фиксирует все промахи. Вот под добродушный смех зала женихи чистят картошку тупыми ножами. «Моя теща за это время уже начистила бы два ведра», — говорит кто-то из публики.

Веселые реплики, подсказки несутся из зала в помощь тем, кто не знает, как взяться за куклу-голыша, как ее правильно запеленать. Зал нередко взрывается добродушным смехом, и под этот дружный, сближающий смех помолвленные, «выпутываясь из беды», помогают друг другу и сами смеются.

Шум утихает, когда на сцену выходят артисты Москонцерта — читают стихи Есенина, Щипачева, Капутикян, разумеется, стихи о любви... А потом начинается новое испытание: помолвленные должны ответить на вопросы о вкусах своего жениха или невесты и их родителей.

После всех испытаний жюри объявляет решение, какую пару считать первой, какую — второй, третьей. Подход снисходительный, но справедливый. Победителей награждают призами-сувенирами на память о помолвке. А в заключение открылись двери в колонный зал Дворца культуры и начался большой танцевальный вечер. Здесь же можно было получить консультацию у мастера-парикмахера, врача-косметолога и даже после посмотреть кинофильм «Желаем вам счастья!». Эти слова слышались часто в тот вечер. Вместе с собравшимися сердечно поздравим помолвленных и мы:

— Желаем вам счастья!

О ВЕЩИХ СНАХ И ВСЕЗНАЮЩЕМ БЛЮДЕЧКЕ

Пишу [redacted] по очень важному для [redacted] вопросу. Мама рассказывала, что когда [redacted] была молодой, то с подружками гадала [redacted] фарфоровом блюдце. Они, едва касаясь, [redacted] пальцы [redacted] край его донышка, вызывали дух какого-нибудь умершего [redacted] задавали вопросы. Он [redacted] словами, которые указывало блюдце, двигаясь по кругу с буквами, написанными в алфавитном порядке. У нужной буквы блюдце останавливалось. Я [redacted] верю ни [redacted] каких духов, [redacted] как [redacted] не верить маме? Пожалуйста, ответьте, возможно, блюдце двигалось [redacted] той [redacted] причине, [redacted] и стол в повести В. Ланге, напечатанной в прошлом году [redacted] журнале?

Ольга СОИНА,
ученица 9-го [redacted]

г. Палласовка
Волгоградской области

Я учусь [redacted] 7-м классе, [redacted] с [redacted] журналом познакомилась [redacted] недавно, и у меня [redacted] никло [redacted] вопросов. Первый — о «вещих» [redacted]. Однажды [redacted] увидела [redacted] сне, будто мой [redacted] руку и повел из дому. Сон этот я рассказала бабушке [redacted] маме, [redacted] обе испугались: «Это покойный отец [redacted] забрать тебя к себе!» Верно [redacted] это? Я теперь [redacted] боюсь. А еще хочу спросить [redacted] колдунах. Прошлым [redacted] сестры Зоя [redacted] Надя, вернувшись поздно вечером домой, сказали, что вокруг нашего дома бегает чужой поросенок. А [redacted] и говорю нарочно: «Это, наверное, колдунья превратилась в поросенка». Мама с Надей вышли, поймали его и посадили [redacted] сарай к нашему, чтобы выпустить утром — пусть [redacted] бежит [redacted] хозяевам, [redacted] утром смотрим — [redacted] нет, наш [redacted] месте, [redacted] чужого нет. Куда [redacted] делся?

Света [redacted]

с. Бибиково
Тамбовской области

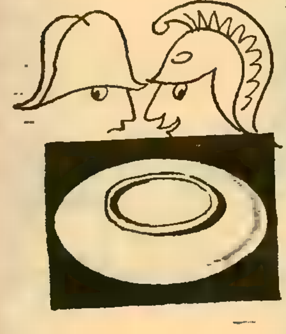
Вот такие два письма получили мы от двух старшеклассниц и решили объединить ответ: заданные вопросы относятся [redacted] одной категории предрассудков — к суевериям. Само старое русское слово «суеверие» означает «вера всуе», то есть «вера зря», напрасная вера. «Суе-» часть слова «суета», [redacted] под ним мы подразумеваем нечто бесполезное, лишенное серьезного значения. Право же, невозможно избежать соблазна вспомнить строки из пушкинского «Евгения Онегина»:

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, [redacted] карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно [redacted] предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на [redacted] сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце [redacted]
То несомненный [redacted] ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий [redacted] луны
На небе [redacted] левой стороны,
Она дрожала [redacted] бледнела.
Когда [redacted] падучая звезда
По небу темному летела
И рассыпалася, — тогда
[redacted] Таня торопилась,
Пока звезда еще катилась,
Желанье сердца [redacted] шепнуть.
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить черного монаха,
Иль быстрый заяц [redacted] полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать [redacted] страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала [redacted] уж она.
Что ж? Тайну прелесть находила
[redacted] ужасе она:
Так [redacted] природа сотворила,
К противуречию склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадает ветреная младость,
Которой ничего [redacted] жаль,
Перед которой [redacted]
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость [redacted] очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И [redacted] равно: надежда [redacted]
Лжет детским лепетом своим.

Вот именно — лжет! Гениальные пушкинские строки эти можно назвать классическим определением суеверия.

Рисунки Р. Авотина.

Они часто приводятся в литературе, в разговорной речи, приводим их и мы, тем более что отвечаем двум взрослым школьницам. Оля уже проходила роман «Евгений Онегин» в школе; наверное, читала его и Света.

Подобных писем с просьбой разъяснить тот или иной загадочный случай мы получаем много. Суеверные люди верят в судьбу, в предсказания будущего, в колдовство, ворожбу, знахарство, в различные приметы. Но попробуйте такого человека назвать религиозным, он обидится, скажет: «Ничего подобного, я суеверный, сознаюсь, а в бога я не верю, значит я неверующий».

Однако же любое суеверие есть не что иное, как пережиток древних религиозных верований, когда человек был беспомощен перед силами природы, не умел объяснить их. Этим пережитком — слепой верой в сверхъестественную силу, способную предсказать будущее,— пользуются испокон веков различные «предсказатели судьбы», гадалки и гадальщики, а точнее обманщицы и обманщики. Кто из наших читателей не слыхал о них! А возможно даже и сам попадался к ним на удочку?

Преодолевать суеверие, разъяснять всем школьникам его вред призваны не только учителя и вожатые, но и комсомольцы, пионеры, прежде всего активисты кружков юных атеистов. Просвещенный человек не может быть суеверным — образование не позволит ему верить во всякую чертовщину и ворожбу.

А теперь поговорим о письмах девочек. Начнем с Олиного — с блюдца, с помощью которого «беседуют с духами».

О гадании на блюдечке рассказывало письмо нашего читателя В. Сударикова «Добрый «святой дух» (1977, № 2). Автор письма чистосердечно признался, что из самых лучших побуждений совершал в детстве обман — подталкивал блюдечко к необходимым буквам. Но те наши читатели, которым приходилось самим гадать таким образом, могут возразить, что они деськать не подталкивали, а блюдечко двигалось само. Какая же сила его толкает? Оля совершенно права, предполагая, что причина та же самая, по которой стукали ножки стола в повести В. Ланге «Загадки танцующих столов» (1976, № 8 и 9). Напомним, как один из участников спиритического сеанса, показанного в этой повести, объясняет «загадки» стола:

> «...Известно, что при дыхании грудь и плечи то вздымаются, то опускаются. Если прижать руки к чему-нибудь твердому, они тоже начнут двигаться в такт дыханию... Рано или поздно у двух-трех сидящих рядом людей ритм дыхания неизбежно должен был совпасть. Давление на стол увеличилось, и он качнулся...» (№ 9, стр. 69).

То же происходит и с блюдцем. Как бы невесомо ни касались его краешка пальцы, они передают горячее нетерпение, с каким гадающие ждут следующую букву. Заметьте, что все «духи» — и Наполеона и Александра Македонского — «разговаривают» на том языке, на каком их спрашивают, то есть по-русски, и «отвечают» только на те вопросы, «произносят» только те слова, какие известны самим гадающим. Если, например, ни один из них не знает, как звали жену Сократа, то вызови они даже дух Платона, он им не «напишет» ее имени.

Все «разговоры с духами» — посредством ли танцующих столов, или бегающего от буквы к букве блюдечка, или медиумов — относятся к спиритизму. Спиритизм (от «спиритус» — на латыни «дух») — мистическая вера в загробную жизнь духов умерших и в возможность общения с ними. Спиритизмом с середины прошлого века особенно увлекались в буржуазных кругах. Спиритические сеансы (так назывались эти гадания) нередко устраивали различные шарлатаны. Предполагалось, что духи не только отвечают на вопросы, но их можно даже сфотографировать. Но не всякому человеку дано общаться с духом, а только одаренному якобы сверхъестественной силой — медиуму. Медиум, впадая в транс, то есть в полубессознательное состояние, служит как бы «переводчиком». Увлечение «духовидением» в России высмеял Лев Толстой в комедии «Плоды просвещения». Энгельс охарактеризовал спиритизм как «самое дикое из всех суеверий» и показал причины, в силу которых стало возможно проникновение спиритизма в среду буржуазных ученых.

В нашем журнале в подборке «Зем-

ные корни сверхъестественного» (1973, № 5) в статье М. Рожновой и В. Рожнова «Почему вертятся столы?» приведен вывод специально созданной в 1876 году при Петербургском университете комиссии, руководителем которой был Д. И. Менделеев:

«Спиритические явления происходят от бессознательных движений и сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие».

Обратимся к Светиному письму. Девочкой владеет дурное предчувствие после того, как она увидела во сне своего умершего отца. Света, может быть, и не придала бы значения сновидению, но бабушка и мама сказали, что сон этот «вещий», то есть предвещающий близкое несчастье. Вера в предсказательную силу снов — глубоко укоренившееся суеверие, имеющее под собой ту же почву, что и другие,— невежество.

Содержание сновидений связано с запасом впечатлений и представлений, которые хранятся памятью. Кора больших полушарий зафиксировала раздражения, полученные ранее, и хранит их в течение жизни человека. Многим участникам Великой Отечественной войны до сих пор снятся бои, атаки, бомбежки. А людям, пережившим во время войны голод, он снится и теперь: они во сне видят пищу, хотят есть, едят и не могут насытиться, хотя спать ложатся отнюдь не голодными.

Присниться может многое, невероятные сюжеты могут быть соединены самым причудливым образом, однако все образы эти человек непременно видел наяву либо фантазия его уже выработала определенное о них представление, их «вид». Мальчишкам, мечтающим о полетах к другим планетам, снятся эти другие планеты. Парнишка, одержимый космическими идеями, встречается во сне и разговаривает с марсианами. Представления об инопланетянах сложились у наших школьников уже настолько прочно, что они могут и присниться. Сюжеты сновидений отражают действительную жизнь. Вряд ли теперь людям молодым и средних лет снятся ангелы, серафимы, херувимы, а в прошлом верующим снились довольно часто.

Советуем всем, кто интересуется сновидениями, обратить внимание на статью в нашем журнале (1976, № 10) «Таинственный мир сна», которую написали доктор медицинских наук Л. Латаш и журналистка В. Астахова, выступающая часто на наших страницах по вопросам науки.

А Светлане Клиновской мы посоветуем, кроме того, не бояться больше «вещих» снов, так как всякий сон отражает уже прошедшее впечатление и мысли и не может никоим образом предсказать будущее. Вполне естественно, что девочке снится ее покойный папа, она ведь часто думает о нем и еще очень долго, наверное всю жизнь, будет вспоминать отца. Что же удивительного или страшного в том, что она видит его во сне?

Поговорим теперь о колдунах. Света в своем письме спрашивает и о них, имея в виду оборотней. Поросенок, который прибежал к дому Клиновских, был, по мнению Светы, не простой, а заколдованный. Она в шутку сказала сестре, что, может быть, это бегает обернувшаяся поросенком колдунья, а утром сама же поверила своей шутке, когда приблудного поросенка не оказалось на месте.

Что же так напугало девочку? Что привело ее к такой «несовременной» мысли — о колдунье? Прежде всего, конечно, необычное поведение поросенка. Поросятам положено в это время (поздно ночью) спать у себя дома, то есть в своем закутке в хозяйском сарае. Все домашние животные в полночь заперты в хлевах и сараях. Лишь лошади летом пасутся, их выгоняют на луг в ночное. Поэтому у любой хозяйки вызвал бы недоумение бегающий среди ночи незнакомый поросенок. А он, несчастный, сбитый с толку обонянием, просто-напросто заблудился и никак не мог чутьем отыскать свой дом, свой катух, в котором вполне возможно беспокоилась о нем его свинья-мама. Но беспокоилась, разумеется, и хозяйка, не найдя на месте свою скотину, а утром, выйдя на поиски пропавшего порося, женщина услыхала жалобный его визг в чужом сарае и открыла дверь. Разве нельзя так предположить? Можно. Но может быть, поросенка выпустила Светина сестра Надя, решив ответить шуткой на шутку сестры. В конце концов поросенок мог сам убежать. Чуть рас-

свело, он нашел в сарае щель и благополучно выскочил.

Видите, какие обыкновенные реальные объяснения напрашиваются сами собой по этому незначительному поводу. О чем же вести разговор? Зачем же делать из мухи слона, а из поросенка ведьму? Мы уверены, что Света и сама прекрасно все понимает, но ей хочется поверить в существование чего-то сверхъестественного, потому что оно — необычно, интересно, загадочно. Сверхъестественное наполняет мир таинственностью, дает простор фантазии. Словом, как маленькие дети верят сказкам, точно так же Свете захотелось поверить в оборотня.

Но нынешние малыши верят сказкам только понарошку. Они, дошколята, отлично знают, что нет никакой злой бабы-яги, способной изжарить и съесть непослушного ребенка, знают, что невозможно выстругать из обыкновенного полена живого мальчишку Буратино, однако его приключения захватывают слушателей этой веселой сказки и зрителей веселого кинофильма про Буратино. Они убегают вместе с ним от злого Карабаса-Барабаса, выручают друзей, попавших к нему в плен, и совершают еще много сказочных подвигов.

Вот что немаловажно — сказка учит подвигу, храбрости и доброте. Будешь добрым к зверям, деревьям, рекам — ко всему тому, что встречается на твоем пути,— и они, каждый из них, придут к тебе на помощь в трудную минуту.

Вера в оборотней — в колдунов и колдуний, которые могут обернуться, то есть принять образ любого животного,— очень древнее и очень распространенное суеверие. «Ах, все это бабушкины сказки!» — часто говорят несуеверные люди. Верно, это самые настоящие народные сказки. Русская литература, как и вся мировая, содержит множество чудесных, богатейших примеров переработанного народного творчества. Сказки питали воображение и водили пером великих писателей и поэтов. Напомним нашим читателям только одну дивную сказочную повесть «Майская ночь, или Утопленница», сочиненную великим русским писателем Николаем Васильевичем Гоголем. В ней есть и ведьма — мачеха, обернувшаяся кошкой.

Оборотни, ведьмы, колдуны давным-давно удалились в мир сказки, там им и законное место, там пусть они и остаются еще сотни, а возможно, и тысячи лет, волнуют воображение.

Е. СЕРГИЕНКО

Как же не вспомнить

Квартира со всеми удобствами, с горячей водой и газом стала настолько обычным явлением в наши дни, что уже никто не удивляется, даже когда какой-либо семье дают по комнате на человека. Дают! Так уж привыкли люди говорить: «Нам на двоих дали двухкомнатную». Как же тут не вспомнить отчий дом, в котором прошло детство?

Родился я в 1899 году в сельце Машино. Семья у отца нашего была большая — [illegible] человек, и домишко совсем махонький — [illegible] на [illegible] аршин. Треть помещения занимала, как и в каждой избе, печь, четверть дома — ткацкий станок, на котором вырабатывали шелковые ткани на фабриканта, дававшего всей деревне работу. Стол и лавки — вот и вся мебель. Оставалось небольшое пространство для прохода — днем, а ночью на этом месте на полу расстилали солому и ложились на ней спать.

Книг у нас не было, за исключением молитвенника, Евангелия и еще какой-то книжки духовного содержания. В ней нас, ребятишек, пугала картинка, изображавшая всемирный потоп, так как воспитывались мы в страхе божьем. Нам внушали, что к каждому человеку приставлен ангел, который записывает все его хорошие и плохие дела. Наши ангелы записывали, не ленимся ли мы молиться, не деремся ли между собой (нас было 4 брата). Мы, конечно, всему верили и в церковь ходили вместе со взрослыми, но только летом, а зимой сидели дома, потому что не было у нас ни теплой одежды, ни валенок. А ангелы наши, видимо, прощали пропуски церковных служб.

Окружающий мир был, по нашим понятиям, заполнен лешими, домовыми, ведьмами, чертями. В них мы верили, как и в ангелов, и спасались молитвами от нечистой силы, часто крестились. Выйдешь, например, в темное время во двор. Страшно — и непременно перекрестишься: «Господи, спаси!»

Отец наш самоучкой выучился читать, а мать была неграмотная, как и все тетки наши и дядья. Мы, трое младших, ходили в школу, а старший брат остался неграмотным. Школа наша была земская с трехгодичным обучением, но знаний она давала мало — треть учебного времени уходило на закон божий. Для нас, учеников, ничего не слышавших о мире, кроме того, что он сотворен богом, все, что говорил законоучитель, было неоспоримо, так же как и то, что в пост нельзя есть мясо и пить молоко. Мы вообще мяса почти не ели — оно было дорого, а молоко у нас было свое — дер-

жали корову. Была у нас в хозяйстве и лошадь. По тем временам нас нельзя было назвать голью перекатной. Боясь адских мук, мы в пост ели лишь хлеб, картошку да постные щи.

Природу мы в школе тоже не изучали, хотя были к ней ближе, чем горожане. Никогда нам учитель не объяснял, отчего происходит смена времен года, как образовались планеты, как зарождается жизнь, как живет и питается какой-либо листок или колосок.

Весной и летом в деревню приносили иконы — Спасителя из пу́стыни, преподобного Сергия — из Троице-Сергиевой лавры и много других икон, животворящий крест из Дмитрова. Мы видели, как хорошо кормили монахов, когда они обходили дома. Тут и рыба, и белый хлеб, который мы ели лишь четыре раза в год на великие праздники. Вот и мечтал я с братьями: как вырасту, то уйду в монахи. Но в 13 лет, закончив земскую школу, пошел работать на ближайшую фабрику, где мальчишки и девчонки считались малолетними лишь до 15 лет и их рабочий день был 8-часовой, а с 15 лет работали наравне со взрослыми — по 10 часов в день.

С детством расстался я рано, а с верой в бога — когда поступил учиться в Сергиевский педагогический техникум в рабоче-крестьянскую группу. Было мне тогда 22 года. Вера моя в бога быстро улетучилась, как только я узнал правду о происхождении мира. Не стать атеистом невозможно, если ты получаешь образование. Поэтому удивляет меня, что в нынешнее время встречаются молодые люди, которые ищут некие сверхъестественные силы в мире.

М. САВВИН

г. Загорск
Московской области.

Добрые дела Марка Исламова

ЖИЗНЕННЫЙ путь Марка Исламова во многом схож с биографиями старшего поколения жителей Сурхандарьи. Ребенком он ощущал трудности, нужду, постоянно сопровождавшие жизнь их отцов. Исламов мечтал стать преподавателем, учить детей своего кишлака грамоте, помогать родному колхозу. Только окончил школу — началась война. С мая 1942 года — на фронте. Командовал отделением, взводом, был трижды ранен.

Демобилизовавшись, Исламов поступил в Каршинское педучилище; окончив его, подал документы на заочное отделение Самаркандского университета имени Навои. Здесь особенно понравились ему лекции доцента Д. Н. Лева по истории древнего мира. Ученый подробно объяснял происхождение религиозных верований у народов Востока, роль ислама в разрушительных войнах в Средней Азии. Из этих лекций, углубленных потом самообразованием, дошел Марка Исламов до понимания истоков многих обычаев и традиций, издавна существовавших в окрестностях Денау. И с первых дней работы в школе он начал готовить лекции и беседы на атеистические темы.

В начале своей атеистической деятельности Исламов столкнулся с фанатично верующими стариками. Они называли его кафиром, вероотступником, всячески пытались ему мешать.

Свою первую лекцию Исламов прочитал на тему «Обряд жертвоприношения — курбанлик». Во многих участках колхоза «Галаба» Денауского района Сурхандарьинской области слушали эту лекцию. Интерес был большой, задавали много вопросов. А после того, как аудитория расходилась, оставались старики-аксакалы. С ними приходилось говорить отдельно. Марка-ака хорошо понимал, что их признание имеет для него очень важное значение.

Вскоре его избрали членом комиссии по новым обрядам при сельском Совете. Потом доверили пост председателя первичной организации общества «Знание» колхоза «Галаба». Теперь под руководством Исламова читают лекции более 60 лекторов. Из них — 18 пропагандисты атеизма. Очень хороших успехов добились Х. Самадов, Б. Кайнаров, которые, как и Исламов, любят выступать в полевых станах, у животноводов, посещать собрания пенсионеров. Часто к ним приходят колхозники за советами.

Марка-ака и его ученики много сделали для разъяснения происхождения «святого» места — гробницы султана Санжара, находящейся на территории колхоза. По распространенному среди верующих мнению, Санжар будто бы происходил из рода пророка Мухаммеда и паломничество на его могилу излечивало от многих болезней. Паломники, посещавшие могилу султана Санжара, должны были оставлять одежду и ценности у ограды. Считалось, что если больной заберет свои вещи, то возвратится и нему и болезнь. Верующие чабаны во время перегона скота на зимние пастбища обязательно обходили с отарой вокруг могилы. Считалось, что после посещения мазара в отаре не останется больных овец и стада будут гарантированы от бедствий. При этом пастухи всегда оставляли пожертвования хранителям могилы.

Атеисты вместе с учеными Термезского пединститута изучили историю возникновения «святого» места. Выяснилось, что султан Санжар был крупным феодалом, фанатичным проповедником ислама, жестоким и честолюбивым. Убедительное объяснение происхождения мазара, широкая атеистическая пропаганда и индивидуальная работа с верующими сняли ореол святости с могилы феодала. Теперь никто не посещает это место.

И еще одна форма работы есть в арсенале Марка-аки. Он постоянно привлекает к атеистической пропаганде медицинских работников колхоза. Недавно заболела корью дочка соседа Исламова школьница Санабар Полванова. По старой традиции, родители обратились к знахарю. Потом больной девочкой заинтересовался и мулла. А Санабар было уже очень плохо. Узнав об этом, Марка-ака немедленно вызвал врача. Девочку отвезли в больницу. Вскоре она выздоровела. После нескольких бесед сосед Исламова понял, что, связавшись со знахарями, рисковал жизнью девочки.

Много помогают Исламову преподаватели и студенты областного педучилища, которое находится на территории колхоза «Галаба». Особенность атеистической работы в Средней Азии такова, что основное внимание приходится уделять пропаганде научно-материалистического мировоззрения среди женщин. И большую часть времени Марка-ака уделяет студенткам училища, которые проводят воспитательную работу среди колхозниц.

Сурхандарьинская областная организация общества «Знание» наградила М. Исламова Почетной грамотой. Две Почетные грамоты имеет он и от Министерства просвещения Узбекской ССР.

А. МУХАММЕДИЕВ

г. Ташкент

ЖИЗНЬ ПРОТИВ ФОРМУЛ

Инга БАЛЛОД, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

«ПИШИТЕ ОБО МНЕ, что хотите!» — воскликнули вы, Прасковья Тимофеевна, прощаясь. Мне показалось, вы хотели сказать: «Если вы поняли, почему так сложилась моя жизнь, объясните!»

Когда мы встретились, вы в нашей многочасовой беседе были предельно честны и откровенны, хотя речь шла о тяжелейших ваших переживаниях. Сейчас вы подавлены случившимся, вам трудно осмыслить события и потому так бесстрашно вы отдаете себя на суд других людей. Я попытаюсь вам помочь, Прасковья Тимофеевна, рассказав о вашей жизни так, как я ее поняла, включив в свое повествование и строки из вашего письма, и то, что узнала я от ваших близких, от всех «действующих лиц драмы».

Трудно писать о живом человеке. Вероятно, еще тяжелей этому человеку читать о себе. Но я надеюсь: что-то из моего рассказа поможет вам по-новому увидеть случившееся.

Прасковья Тимофеевна родилась в религиозной семье, ее родители принимали активное участие в жизни баптистской общины.

«С детства я ходила на собрания, читала стихотворения, хорошо знала священное писание, поэтому всегда на праздники составляла небольшие сюрпризы, т. е. на небольшом кусочке бумаги, свернутом трубочкой, писала стих из Библии; я радовалась, если человеку было по душе мое послание».

С первых же шагов Пане пришлось столкнуться с противоречиями между тем, что она слышала от проповедников в общине, и тем, что она видела в жизни. Ей внушали, что некие нравственные абсолюты — Любовь, Доброта, Справедливость — находятся в руках бога, и бог ведет человечество к восприятию этих абсолютов. Однако в реальной жизни происходили события, слабо отвечающие намерениям бога устроить на земле справедливость и гармонию. Началась Отечественная война, и шахтерский поселок, где жила Паня, вошли фашистские танки, горели дома, умирали люди, оккупанты угнали в Германию братьев-подростков («продавали на рынке голубей и попали в облаву»).

Паня слышала: люди делятся на верующих и неверующих, а первые в свою очередь — на три разряда: холодные, теплые и горячие. Между ними — невидимые барьеры. Лишь в соответствии с этой многоступенчатой схемой выдавались людям уважение, счастье, положительная оценка. Между тем в реальной жизни, в семье самой Пани этому делению противостояли разнообразные, яркие характеры живых людей.

Лидия Филипповна — мать Пани. Человек активный, волевой; работая в совхозе, выращивала рекордные урожаи картофеля, смело выступает на собраниях в защиту прав своего звена, не терпит несправедливости, говорит прямо в глаза свое мнение, полна достоинства и спокойной силы. Она все умеет: и вылечить поврежденное деревце яблони, и вырастить новый сорт винограда, и «закрутить» на зиму компоты. Часть плодов своего сада раздает близким, часть продает на базаре. Она и с богом беседует по-деловому, не роняя перед ним своего достоинства: сообщает ему о семейных новостях, благодарит, когда произошло в ее жизни что-то хорошее. А если и просит о чем-то, то не униженно, а с гордым смирением. Она выписывает газеты и журналы, включает радио и телевизор, когда там идут научно-популярные передачи. Жадно слушает и радуется, когда ученые признаются, что не все еще знают о причинах солнечных вспышек или о том, как возникла жизнь на Земле. Это, по ее мнению, подтверждает факт существования бога. У Лидии Филипповны словно два ума. Один замер на мысли о боге, другой прекрасно ориентируется в действительности.

Отец Пани — рослый, сильный человек, он похож на сказочного богатыря, и как все богатыри добр, мягок, детски восторжен и открыт людям. Он много повидал, много действовал. Раскроет Библию, прочтет несколько фраз, и вдруг нахлынут на него воспоминания, как в 14-м году мальчишкой убежал он на фронт, как пошел потом в Красную Армию, участвовал во многих сражениях гражданской войны, после ранений отлеживался в госпиталях. Был случай, когда белый солдат вел его на расстрел, Тимофей Иванович бросился на солдата, повалил и убежал. После этого поверил: бог спас. Одно время работал на шахте старшим конюхом и заботливым уходом превратил полудохлых кляч в здоровых работяг — и объяснение сказочное: божье чудо! С годами, особенно после того, как болезнь приковала Тимофея Ивановича к постели, у него сильно развился мистицизм. Рассказывает о том, как влюбился, — объясняет: «чародейка сделала», разлюбил — значит другая чародейка расколдовала.

В семье пятеро детей.

Старшая дочь безоговорочно принадлежит вере, общине. Но ее называют холодной верующей, видно, характер ее вообще несколько вял, пассивен, «холоден».

В ту же категорию попала и младшая дочь, хотя у нее совсем другой характер. Она вспоминает: «Мне эти баптисты совсем не подходили. Раз убежала раньше с собрания, а меня по дороге домой пчелы сильно покусали. Мама мне: это тебя бог покарал! Но я не поверила». Живая, веселая девочка предпочитала танцплощадку душному молитвенному дому. Судьба ее сложилась благополучно и без бога: сейчас она учительствует, воспитала двух сыновей и «трудного» мужа и заслужила в поселке репутацию женщины, умеющей за себя постоять.

Один из братьев, угнанных в Германию, попал в Бухенвальд, участвовал в восстании узников, по-

том сражался в партизанском отряде. Другой работал в Германии в крестьянском хозяйстве. Оба вернулись в родной поселок в сорок седьмом году, повидав, испытав такое, что и мыслей не осталось о боге.

Вот в какой семье росла Паня.

В местной баптистской общине Паню поначалу зачислили в разряд «горячих» верующих, избранных богом. Ведь она так серьезно вчитывалась в Библию, с таким экстазом пела в хоре. И вдруг — бунт!

«Я засомневалась в существовании бога, в Библии видела противоречия. Я задавала вопросы лидерам местных баптистов, но ответы их меня не удовлетворяли. Решила вступить в комсомол. У меня подруга из дневной школы, я ее попросила, чтобы она мне достала учетную карточку, — в вечерней, где я училась, комсомольской организации не было. Учетную эту карточку я прятала от мамы, а у мамы, когда она узнала, произошел сердечный приступ. Верующие беседовали со мной, пресвитер приходил: возвратись, отступница. Мама плакала, она не возненавидела меня, но сказала: «Бог тебе еще покажет!»

Шестнадцатилетняя девочка гордо заявила: «Я атеистка». Отход от религии был для нее не веселым озорством, как для ее младшей сестры, а отважным жизненным шагом... Все свои силы Паня решает посвятить учебе и работе. Тихая девушка с косичками, подвешенными корзиночкой на затылке, поражает всех окружающих целеустремленностью, волей, трудолюбием.

«Подала в индустриальный, не прошла. Поступила в Харьковский торговый институт, полгода проучилась, поняла, что это не моя стихия, перешла в Мелитопольский пединститут, училась заочно, преподавала математику в пятых, шестых и седьмых классах. После окончания вуза восемь лет проработала в глухом селе. Жила на квартирах».

Община следила за «отступницей»: как-то сложится у нее жизнь. Тяжелы были ее отношения с матерью. Мать и дочь были обречены на пожизненный спор, годы проходят, а они как сойдутся, уже не словами, а взглядами схлестываются: «Бог есть!» — «Бога нет!»... Накапливается какой-то горький осадок от безысходности их «дискуссий». И тянет в родную хату с казенных-то квартир — и невозможно там быть.

«Как-то проколола я ногу проволокой, вышло у меня воспаление. Мать писала: это тебя бог наказует! Когда я приезжала домой, у матери собирались верующие, обо мне говорили, а я из другой комнаты слушала».

Но эти трудности Паня преодолевает. Она читает лекции по атеизму, ведет беседы с детьми из религиозных семей, стойко держится, когда ее обсуждают в доме матери.

Трудности подстерегали Паню с неожиданной стороны. Она решительно порывает с верой в бога, но, оказывается, куда сложнее порвать со стереотипами религиозного мышления.

Отбросив Библию, Паня стала читать другие книги, художественную литературу. Ее в поселке называют «книжницей». Но глубоко ли поняла Паня все отличие земных понятий о любви, красоте, добре и справедливости от мертвых религиозных абсолютов, обозначенных теми же словами? Научилась ли «проводить в жизнь» свои высокие идеалы? Или они остались лежать мертвым багажом на дне ее души? И может, потому ей так трудно ориентироваться в жизни, что жизнь сложнее, грубее, но зато и ярче всякой книги? Жизнь интересна для ума, умеющего размышлять над жизнью, распутывать ее сложные узлы, вычленять светлое из темного. А если человек стремится затолкать все многообразие жизни в предвзятые умозрительные схемы, что, конечно, у него не выходит, — ему становится очень неуютно в хаосе окружающего. Особенно беспомощной Паня чувствует себя в области так называемой личной жизни.

В детстве и юности она постоянно слышала: любовь, страсть, влечение людей разных полов друг к другу — грех, блуд, похоть. Проповедники в общине решительно отрицали красоту этих чувств, они утверждали, что в семью людей соединяет прежде всего необходимость выполнить «долг перед богом» — произвести на свет детей и воспитать их в страхе божьем.

Правда, если бы Паня повнимательнее приглядывалась к окружающей жизни, она смогла бы заметить, что, например, ее мать и отца связывают чувства, далекие от того, о чем говорят религиозные догмы.

Однако привычные стереотипы, сформированные с детства, мешают Пане жить нормально и естественно, заставляют ее совершать поступки довольно странные

Пане хочется иметь семью, детей — как у братьев, у сестер, как у ее матери. Но обязательно ли любить человека, с которым свяжет тебя судьба? Похоже, что на самый простой этот вопрос Паня не знает ответа. И смотрите, какие неуклюжие шаги она делает. Стремясь устроить свою личную жизнь, 25-летняя девушка «по совету знакомых подала с одним заявление в загс, а он мне противный был. Мама поехала на его родину и узнала, что у него было пять жен. Конечно, я отказалась». Через год «мой товарищ, из семьи баптистов, но неверующий, стал расходиться с женой, и мне говорили, что он в меня влюблен. Я тайно поехала на суд в Донецк и там услышала от его жены, какой он «хороший». Понятно, я не стала за него выходить».

Эти действия можно сравнить с выведением некоторого равенства: первое слагаемое Пане известно — это она сама; под второе она готова подставить кого угодно, какого угодно жениха — лишь бы в результате по другую сторону знака равенства появилось слово «брак».

Но вот на горизонте появляется Петя, которому суждено сыграть такую большую роль в Паниной жизни. Петя — полная противоположность Пане. Он проходчик. Рубит породу на глубине тысяча метров, ставит кессоны в «упряжке» из шести человек, потом поднимается на поверхность, и тут — чтоб никаких преград! Вдохнуть степного воздуха, прокатить на такси друзей, поломать в ресторане стулья и благородно швырнуть официантке сто рублей на их исправление — вот диапазон Петиной «свободы». В какой-то момент он ощущает смутную неудовлетворенность своей жизнью, поступает учиться в вечернюю школу, зачем-то однажды приглашает на танго свою учительницу математики, робко сжавшуюся в углу танцплощадки (это оказывается Прасковья Тимофеевна), провожает ее домой, а через два дня снимает вместе с ней флигель.

Однако жизнь Пети — друзья, такси, поломанные стулья — не изменилась. Не изменилась она и после того, как он узнал, что скоро станет отцом.

«Он продолжал вести себя свободно. Мне хотелось записать на него ребенка, но он отмахивался.

Беременная, я не была красивой. Он стал ходить один в кино, на танцы, перестал мне помогать в хозяйстве».

Петя со своей стороны вспоминает о жизни с Паней хмуро:

«Я погулять люблю на народе. Придешь утром с шахты, она притворяется, что спит, а сама всю ночь книжки читала, не накормит как следует, не постирает. А мне три раза в день не поесть, коньки отбросишь. И подковырнет тебя так, что всего передернет. Голос тихий, а вредный».

Двое людей, страшно далеких друг от друга, оба не умеют и не хотят понять внутренний мир друг друга, каждый стремится навязать другому свои привычки, свой образ жизни. Когда так велика пропасть, разделяющая людей, по ошибке соединивших свои жизни, естественно было бы этим людям расстаться, не мучить друг друга.

Но Прасковья Тимофеевна противится разрыву. И здесь роковую роль сыграла власть штампов, сложившихся в ее сознании с детства. Ведь религия не уважает личность человека. Вот как говорит о человеке один из баптистских проповедников: «С неба упала капелька дождя и, смешавшись с прахом, стала комочком грязи, полежала она в таком виде несколько часов и испарилась, ушла в родное небо». Видно, этот образ запал в душу Пани, и в критической ситуации ей не хватило уважения к себе. Да и как бы ни был ей чужд и страшен своим буйным нравом Петя, она обязана была понять его характер, дать себе отчет о своих чувствах к нему. Вместо этого она убеждает себя, что ей надо пострадать. Она словно рассчитывает на потустороннюю волю, которая сделает Петю «праведным». Она убеждает себя, что обязана терпеть во имя счастья дочери: «Ради своего ребенка на что не пойдет мать. Умереть готова!» В глубине души она понимает, что одной ей легче было бы воспитывать ребенка, но упорно выбирает худшее.

Ну, а Петя? Неверно было бы рисовать его одной черной краской. Он прибегает в роддом посмотреть на свою дочь, дает ей свою кровь, когда девочка тяжело заболевает (среди длинного черного списка петиных «вин» Паня честно отмечает все случаи, когда он был «хорошим»). В своих отношениях с Паней он, видимо, надеялся, что учительница лучше него самого сможет разобраться в том, чего сам Петя в себе не понимает, что в тайнах человеческого общения она так же сильна, как в математике, по которой «здорово его нашпиговала». Оказывается, однако, что духовный опыт Пани едва ли не так же беден, как душевный багаж Пети. Оказывается, все, на что она способна, это монотонно требовать «быть хорошим». Ее страдающее лицо озлобляет Петю: мученик — человек, замкнутый на себе, ему дороги одни только свои страдания. Петя чувствует, что он нужен лишь как часть формулы — «муж и отец ребенка».

Они расстались. Пане кажется, что за ее спиной все шепчутся о том, что у Алены нет отца. Она меняет место работы, бросает свою квартиру, выделенную ей райисполкомом, и уходит в дом матери. Отныне она должна снова выслушивать чтения Библии, разговоры о боге, обсуждение ее собственной жизни как назидательного примера — вот что бывает с отступницами...

Но труднее всего Пане потому, что она не может освободиться от желания связать свою судьбу с судьбой Пети. Она пишет ему письма, ищет с ним встреч, обещает не ревновать. Почему? Ведь она не любит и не уважает этого человека, она не верит, что он будет достойным отцом для Алены. И все-таки с удивительной настойчивостью она добивается «законного» брака с Петей. Вряд ли все можно свести к однозначному ответу, и все-таки решающую роль тут играют особенности характера Прасковьи Тимофеевны, догматичность ее мышления. Вопреки здравому смыслу, вопреки логике жизни, вопреки своим чувствам, стремится она к осуществлению своего замысла.

Религия утверждает, что человек от мук становится лучше. Пример Прасковьи Тимофеевны опровергает это убеждение: в ходе бесплодной своей борьбы за Петю уменьшаются ее запасы доброты и благородства, многое хорошее перегорает, и в кучке пепла начинают шевелиться совсем не возвышенные страсти.

Пане кажется, что Петя «плохо живет со своей новой сожительницей Шурой». Жажда мести и реванша охватывает Паню: «Мне хотелось, чтобы она почувствовала, как больно быть оставленной...»

Но дальше — как будто случайности взялись играть героями печальной этой истории. Случайно в один воскресный вечер встречаются все трое: пьяный Петя, Алена, Паня. И Петя «при всем народе» предлагает Пане «расписаться», а Паня соглашается. Вечером следующего дня Паня и Алена оказываются в квартире, где живут Петя и Шура.

Шура человек простой. Книжек в руках не держала, пять килограммов гречки всегда перевесят для нее все теоретические проблемы, но свою маленькую сферу бытия она обжила «гарно» и там уверенна и спокойна. При виде нежданных гостей она, правда, откровенно и красочно говорит все, что думает о Пане. Но когда Петя, совершенно потерявшийся в такой нелепой ситуации, прикрикнул на нее и велел ей приготовить ужин «для всех», она сказала: «Ну и ладно, на что ты мне нужен, пьяница да картежник!» — поставила на стол бутылочку, и все выпили «за счастье».

Буквально в считанные дни были оформлены регистрация брака, удочерение Алены, прописка жены к мужу. Петя, вдвинутый в канцелярский конвейер, послушно проходил инстанцию за инстанцией, расписываясь, где ему указывали.

Лидия Филипповна, мать Пани, страдала. Своим трезвым умом понимала она абсурдность и безнравственность происходящего. Но противостоять Паниной воле она не могла.

Итак, в одной квартире оказались две семьи: Шура и ее сын Валерий, и — Петя, Паня и Алена.

Две семьи, два диаметрально противоположных уклада жизни. Словно поставлен кем-то чудовищно жестокий опыт: две комнаты — как две чаши весов. В одной любят посидеть за столом, выпить, попеть песни; Шурка остра на язык, за столом не затихает громовой хохот.

В другой — реальны пока только два лиловых штампа в паспортах. Отношения Пани и Пети еще не найдены. Позади — страшные воспоминания о мученичестве Пани, потом разлука. Как перекинуть мост через эти препятствия? Паня думает, что мост — это наставления и просьбы. В этой комнате стоит торжественная тишина, уходя на шахту, Петя целует в лоб жену и дочь, зарплату кладет в шифоньер (после чего ее аккуратно пересчитывает Паня), приходя — скромно выпивает за обедом свои «законные сто пятьдесят» — и ложится спать.

Петя выдерживает месяц. Ненависть его обращается на Паню. Одна чаша весов упала вниз.

Шура вначале пожалела Паню. «Не любит он тебя, — шепнула она ей на кухне. — Уходите. Де-

вяносто рублей алиментов получать будешь». Но Паня остается. Ей кажется, что она обязана во что бы то ни стало следовать стереотипу «приличной жизни», не замечая, что жизнь ее давно уже вышла за рамки приличия. Ей кажется, что, «когда Петя трезвый и Шура не давит ему на психику, он хороший, и у нас нормальная семья». Паня остается и оставляет в неестественных, уродливых условиях свою дочь Алену. Ее упорство Шура понимает по-своему: «Паньке квартира нужна! Она добивается, чтобы Петя руку на нее поднял, чтобы его в тюрьму, а ей квартира!» В борьбу за квартиру Шура включается с гораздо большим жаром, чем в борьбу за Петю. Она действует своими методами: широким оповещением народа в подъездах о проделках «образованной».

Безобразное неумолимо входит в жизнь Прасковьи Тимофеевны.

Одно место в письме Пани в «Науку и религию» повторяется много раз:

«Я хрестоматийный пример отступничества. Я не покаялась, не вернулась в лоно церкви. Снова, получается, меня карает бог, а я продолжаю упрямиться, как тот фарисей из Нового завета. Что ж мне, в баптизм возвращаться?»

Разумеется, в отместку действительности, которая не подчинилась вам, не пожелала уложиться в схему, которую вы ей все время навязывали, можно отвернуться от живой жизни и вновь обратиться к богу, в царство безжизненных абсолютов и полной неземной гармонии.

Но так ли уж плохо обошлась с вами действительность? Если отключиться от мучительных, неестественно сложившихся отношений с Петей — так ли уж вы одиноки?

Пытаясь разобраться в вашей жизни, я услышала немало голосов из этого мира, горячо вступившихся на защиту вас и поразивших меня силой привязанности к вам.

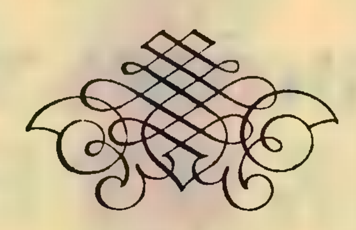
«Всем хорошим в нас мы обязаны Прасковье Тимофеевне» — бывшая ваша ученица, окончившая университет.

«Да, замкнутая, ну и что? Ранимая. К ней ключи подбирать надо, она каждого в душу не пустит. Умная. Интересный собеседник, может, умней всех нас здесь. Связалась с дураком, пошла в это болото» — ваша коллега учительница.

«Мама?! Она всегда красивая была, на ней всегда красивые платья были. Мы с ней обсуждали фильмы, книги. Я из-за нее историю полюбила, археологию. С мамой всем было интересно, с ней в автобусе едешь, она с человеком разговорится. Один так и сошел с нами на нашей остановке, в гости к себе приглашал... А если у тети соберемся, тетя на кухне, а мама гостей занимает, игру затеет, вальс станцует... Неприспособлена, в облаках витает? Да кто вам сказал? Да вы знаете, какие соуса она готовит, тефтели, борщи! Сейчас и борщ возненавидела, потому что ему (это Пете) все только борща давай... В дом к нему я пошла из-за мамы. А она из-за меня. Вот как у нас получилось» — Алена, ваша дочь.

Там, где вы верили себе и людям, живым человеческим чувствам и здравому смыслу — там все у вас получалось. Там, где вы, возможно, сами того не сознавая, учиняли насилие и над своей личностью, и над личностью другого человека, «судьба» оказывалась к вам «безжалостной». Но в «судьбе» ли тут дело? Может быть, стоит еще раз обо всем этом подумать?

Всего сто лет,

уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в декабре 1877 года

Атеистам в Англии приходится плохо. По закону, они не могут даже быть допускаемы в свидетели, потому что суд дает веру только тому, кто поклянется над Библией в том, что будет говорить правду. Таким же образом они не могут быть и членами парламента: в это собрание допускается только тот, кто предварительно примет присягу над Библией. Из этого выходит, что лицемерящий атеист может быть и свидетелем, и членом парламента, а откровенный — нет.

«Гражданин»

В последнее время внимание всего мира стало привлекать к себе одно чудесное изобретение. Изобретен ни более ни менее как говорящий телеграф, то есть такой аппарат, посредством которого на самом далеком расстоянии один человек может говорить или, лучше, шептать на ухо другому что угодно.

«Гражданин»

В минувшем году царскосельский училищный совет постановил учредить съезд законоучителей... Некоторыми законоучителями был задан вопрос: обязаны ли учителя и учительницы ходить с детьми в церковь по праздничным дням, а также постом говеть с ними? Съезд ввиду разбросанности сельского населения нашел невозможным обязать всех учителей по праздникам собирать учеников в школу и вести их в церковь, хотя там, где это возможно, следует поступать таким образом. Что же касается говенья, то учителя должны, конечно, заботиться, чтобы все учащиеся в школе говели одновременно, вместе со своими родителями, и, в таком случае, они обязаны водить детей к богослужению и наблюдать за ними в церкви.

«Журнал министерства народного просвещения»

Ушел из жизни крупнейший советский ученый, видный общественный деятель, Герой Социалистического Труда, академик Иван Иванович Артоболевский.

С его именем теснейшим образом связана советская школа теории машин и механизмов, оказавшая большое влияние на развитие этой области знания. Академик И. И. Артоболевский — автор более 400 научных трудов, он разработал основы кинематики и динамики машин, новые методы проектирования систем машин автоматического действия, поточных и автоматических линий, обогатил теорию роботов и манипуляторов. Жизнь ученого, его научные интересы были связаны с наиболее актуальными проблемами науки и техники. Признавая заслуги советского академика, академии наук Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польши, Англии избрали И. И. Артоболевского своим почетным членом. Он был президентом Международной федерации по теории машин и механизмов, вице-президентом Всемирной федерации научных работников. В 1967 году английский Институт инженеров-механиков отметил научную деятельность И. И. Артоболевского золотой медалью имени Дж. Уатта.

Сочетая научную деятельность с большой педагогической работой — он был одним из основателей Института машиноведения, с 1942 года бессменно заведовал кафедрой в Московском авиационном институте имени С. Орджоникидзе, — академик И. И. Артоболевский много сил и энергии отдавал общественной работе. Один из инициаторов создания, и с 1966 года — председатель Всесоюзного общества «Знание», он способствовал привлечению к его работе научно-технической общественности, возглавил Центральный совет народных университетов страны.

Еще одна сторона деятельности ученого — активное участие в движении за мир. Член Совета советских обществ дружбы с зарубежными странами, академик И. И. Артоболевский был удостоен медали имени Жолио-Кюри.

Депутат Верховного Совета РСФСР двух созывов, депутат Верховного Совета СССР трех созывов, в 1974 году он был избран членом Президиума Верховного Совета страны. Яркую жизнь, плодотворную научную деятельность, отданную на благо людей, Советское правительство отметило высокими наградами. Академик И. И. Артоболевский был награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Созидатель Большой Науки, он умел доступно и образно пропагандировать ее достижения. Лучшее тому подтверждение — последняя работа академика в этом жанре, недавно вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» книга «Знакомьтесь — роботы!», написанная И. И. Артоболевским совместно с доктором технических наук, известным популяризатором науки А. Е. Кобринским. Она о том же, чем была заполнена жизнь ученого, — о стремительном и трудном восхождении сложных механизмов, созданных человеком, об изучении особенностей и свойств естественных живых систем и воспроизведении их в машинах, механизмах, автоматах, роботах, о прошлом, настоящем и будущем робототехники. Авторы книги, как они пишут о том в предисловии, дали себе клятву: в их работе не будет ни одного уравнения, ни одной формулы, читать ее будет легко, интересно. А эпиграфом книги, рассказывающей о зарождении и развитии нового класса машин, моделирующих двигательные функции человека, служит принятое XXV съездом партии решение об организации серийного производства автоматических манипуляторов с программным управлением, механизирующих тяжелые физические и монотонные работы.

Жизнь ученого, жизнь страны совмещались в основных точках отсчета...

Предлагаем читателям нашего журнала несколько отрывков из этой книги.

Знакомьтесь — РОБОТЫ!

И. АРТОБОЛЕВСКИЙ, А. КОБРИНСКИЙ

■ АДАМ И ГАЛАТЕЯ

Согласно библейской легенде род людской начался с Адама, причем там описывается чрезвычайно простой технологический процесс его создания. Сначала бог изготовил из земного праха по своему образу и подобию точную копию, а затем оживил, вдохнув в ее ноздри дыхание жизни.

...В самые давние времена человек стремился познать самого себя, проникнуть в суть таинственных явлений природы, жизни, бытия. Но человек — творец, и посему, помимо желания познать, он проявлял стремление увиденное повторить, воспроизвести в грубом наскальном рисунке, в деревянном идоле, в простых игрушках, в статуях, в чудесных скульптурах и произведениях живописи. И он

же создавал сказки — мифы, которые легко и просто «объясняли» то, что всерьез понять никак не мог, в которых невозможное делалось без всяких трудностей, стоило только этого пожелать.

Библейский миф о происхождении Адама удивительно совпадает с историей, пересказанной римским поэтом Овидием, жившим круглым счетом две тысячи лет назад. В ней рассказывается о том, как король Кипра Пигмалион (кстати, тоже легендарная личность), почувствовав, очевидно не без причин, антипатию к женскому полу, посвятил себя искусству. Но и здесь его ждал подвох. Выбрал он, казалось бы, совершенно невинное занятие — ваяние. Как получилось, что в результате своих трудов он изваял в мраморе статую женщины необычайной красоты, и с чего это началось, в истории не рассказывается. Но кончились его занятия искусством тем, что он влюбился в свое произведение и начал приставать к греческой богине любви Афродите с просьбой оживить его Галатею. Эта сказка, как и большинство других, кончается хорошо. Пигмалион уговорил Афродиту, та оживила Галатею (метод оживления не указан!), и Пигмалион на ней женился. В дальнейшем Галатея осчастливила Кипр очередным королем.

Шли сотни лет и тысячелетия, и вера человека в свои силы и творческие возможности крепла. Не зря он усердно питался яблоками с древа познания, которое так сильно разрасталось, как и думать не могли наши предки.

«Библейско-мифологический тур» попыток создать из подручных материалов «...по образу и подобию...» уже давно закончился, но сказки об Адаме и Галатее не забыты. Наоборот, и в не столь давние времена, и совсем недавно, и в наше время люди задумывались и задумываются о том, как бы «сказки сделать былью». Конечно, не из таких материалов, как прах земной или мрамор; и «одушевленных» не так, как был одушевлен Адам; и созданных не для того, для чего, оказалось, была создана Галатея. Но созданных! Созданных искусственно и умеющих искусственно воспроизводить такие движения и действия, которые бы нельзя было отличить от естественных движений и действий разумного человека.

Возможно это или невозможно?

Десятка полтора лет назад вокруг этого вопроса кипели страсти. И еще как кипели! Как много было сказано на тему «Да или нет»!.. Только потом постепенно становится ясно, насколько сложен и многогранен этот вопрос, насколько много в нем недосказано и недоспрошено и насколько по-разному можно это недосказанное и недоспрошенное понимать и истолковывать. Тогда удивление проходит.

Ученые и инженеры трудятся в поте лица, чтобы человек мог летать в Космос, жить и работать в глубинах моря, обогреть целое царство одним камнем, сотворить подобие Адама. А тем временем создаются новые сказки и мифы, правда, уже на высоком научно-фантастическом уровне. Об аппаратах, «видящих» все ваши мысли, о полетах в далекие созвездия, об инопланетных пришельцах и мыслящей материи и о роботах, роботах, роботах, роботах. В этом отношении все выглядит примерно так же, как две тысячи лет назад.

Тогда, как и сейчас, сосуществовали правда и вымысел. Конечно, что говорить: предметы правды и вымысла тогда и теперь несоизмеримы. Правды, над поисками которых бились лучшие умы древности, сегодня азбучные истины, а вымыслы, вера в которые тогда была непоколебима, сегодня наивны. Но тогда, как, впрочем, и сейчас, далеко не всегда и далеко не всем удавалось различать правду и вымысел...

■ ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

...Вторую половину XX века, время, в котором мы живем, наши потомки также запомнят как важнейший этап в истории науки и техники. «Цепная реакция» в области робототехники есть прямое следствие взрывоподобного процесса развития науки и техники, начавшегося круглым счетом 30 лет назад.

Одной из важнейших примет нашего времени является все более сильный упор на использование человеческого ума, таланта, знаний. Наука уже стала непосредственной производительной силой — это означает, что в развитии каждой из ее бесчисленных отраслей и ветвей заинтересованы не отдельные группы и группки «кабинетных» ученых, а целые отрасли промышленности, подчас целые государства.

Научно-техническая революция — это в первую очередь качественные изменения во взглядах на науку, на то, что она может и что она должна. Такой качественный скачок накапливался исподволь, развивался вместе с развитием общества, его производительных сил, научных и технических возможностей.

Сто и даже еще тридцать лет назад главной задачей техники была замена мускульной силы человека «механическими силами» машины.

Научно-техническая революция началась с капитальных шагов в направлении автоматизации процессов умственного труда с целью повышения его производительности, избавления человека от утомительных, однообразных интеллектуальных операций. Человечество вступило в один из самых перспективных и увлекательных периодов своей истории; уже сегодня наука и техника стократно и тысячекратно увеличивают не только наши физические, но и умственные, интеллектуальные возможности. Стало это реальным с появлением электронной техники и технологии, созданием армии электронных цифровых вычислительных машин (ЭЦВМ или просто ЭВМ), которые служат человеку числом и уменьем.

...Масштабы и темпы технических нововведений непрерывно расширяются и растут. В своих исследованиях ученым уже приходится изучать технические, социальные и экономические последствия внедрения глобального и цветного телевидения, мазеров и лазеров, освоения трансплантации (пересадки) живых органов, развития так называемой инженерной генетики, глубоководной и космической техники, атомоходов, роботов, все новых и новых поколений ЭВМ, новой и новейшей техники, машин, автоматов, аппаратов, появление которых становилось возможным и целесообразным только с появлением каждого следующего поколения ЭВМ.

...Научно-технический прогресс — все его «пути-дороги»: автоматизация производства, движение в глубь атома, океана, Космоса — потянул сразу за множество нитей, привел в движение всю техническую сеть. И он же породил одно из наиболее могучих средств поддержания ее равновесия в этом движении — вычислительную технику, ЭВМ. Вот в каких новых условиях сегодня совершается уже четвертая попытка создать нечто «по образу и подобию», идет четвертый и, видимо, решающий тур. На фоне сказанного должно стать особенно ясно, что робот, такой, какой он есть сегодня или будет

завтра, представляет собой не единственный и не исключительный продукт современной науки и техники, а одно из многих ее порождений, вызванных к жизни острой необходимостью...

ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ

...Да! Природа хорошо позаботилась о венце своего творения. Она оснастила человека богатым ассортиментом чувств и приборов, их обслуживающих. Их разнообразие, разрешающая способность и, главное, быстродействие таковы, что, когда нужно работать, двигаться, из-за них задержки не бывает. Они все время «включены» — еще до того, как вы начали двигаться и когда движетесь, когда думаете и когда принимаете решения.

...Наше осязание обслуживают 0,5 миллиона рецепторных клеток, болевые ощущения — три миллиона рецепторов, ощущение тепла — 10 тысяч, холода — 100 тысяч, обоняние — 10 миллионов, вкус — 10 миллионов. Включая зрение, насчитали около 300 миллионов чувствительных клеток, соединенных с мозгом тремя миллионами нервных волокон!

Извне и изнутри без перерыва (даже во сне вы иногда улыбаетесь или что-то говорите — нервная система полностью не выключается!) текут потоки сигналов в центральную нервную систему. Почему в ней не перепутываются цвета и запахи, музыка и царапины, зубная боль и впечатления от кинокомедии? Мы уже знаем, почему. Каждое чувство имеет свой канал, свою «телеграфную линию», по которой оно передает информацию, и свою область в мозгу, куда эта информация поступает.

...Нервные сигналы, приходящие от всех органов чувств, из всех рецепторов и чувствительных нервных клеток, являются однотипными. Они представляют собой импульсы электрохимической природы, пробегающие по нерву с большой скоростью (100—150 метров в секунду, в зависимости от толщины нервного волокна). Каждый из таких импульсов имеет длительность порядка тысячной доли секунды. Если внешний раздражитель, воздействующий на нервную клетку, достаточно сильный, если этот раздражитель (свет, запах, звук, вкус...) действует непрерывно, меняясь или оставаясь неизменным, импульсы, оставаясь одними и теми же по величине, могут следовать по нервному волокну непрерывно, один за другим, с частотой до 300 импульсов в секунду. Если секундный промежуток разделить на 300 интервалов, то в пределах каждого интервала возможны два состояния: «есть сигнал», «нет сигнала». Можно сказать, что работа нервной системы основана на методе частотной модуляции, что по нервному волокну информация передается в дискретном двоичном коде.

В нервных клетках органов чувств осуществляется перекодирование самых различных раздражений в потоки однотипных, легко сопоставляемых между собой сигналов. Именно в этом состоит принцип действия одного из важных механизмов интеллекта живого существа.

Нам кажется, что мы мыслим полными смысла образами, а бесчисленные исследования показывают, что наш интеллект оперирует только биоэлектрическими сигналами. Ему не надо складывать вкус со звуком и цвет с запахом, и если вам иногда пытаются выдать черное за белое, то не следует думать, что это просто потому, что произошла путаница в описанном нами механизме интеллекта. Хотя иногда бывает и так, но тогда путаницу называют нервным заболеванием.

Нервные клетки не только генерируют биоэлектрические сигналы. Они еще и поддаются электрическому раздражению. Свыше 30 лет назад было экспериментально доказано, что при раздражении различных участков кожи человека одними и теми же электрическими импульсами в мозгу возникают разные ощущения: тепла или холода, боли или легкого прикосновения, в зависимости от того, на какие нервные окончания оказываются воздействия, какова их интенсивность.

На вход системы подаются электрические импульсы, они системой перекодируются, посылаются в центральное устройство, там они некоторым образом обрабатываются и используются для управления исполнительными органами.

Не правда ли, прочитав эту фразу, нельзя однозначно понять, о чем здесь идет речь: о живом человеке, действиями которого управляет его естественный интеллект, или о роботе, очувствленном и управляемом искусственным интеллектом?

Какое увлекательное сходство механизмов получения, передачи и переработки информации двумя разными интеллектами — естественным и искусственным! Какое обширное поле для смелых сопоставлений, сравнений, предложений, изобретений, фантазий! Засеянное ими, оно давало и продолжает давать самые разнообразные, подчас удивительные плоды, вплоть до фантастических рассказов, хорошо принимаемых широким кругом читателей, и предложений создать робот по образу и подобию человека...

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Переходя к рассказам об опытах создания роботов уже не бесчувственных, а «очувствленных», или «интеллектуальных», или интегральных, или роботов второго и других поколений (любое из этих названий вы можете встретить в научной, технической, популярной литературе, и все они, в конечном счете, означают одно и то же), мы умышленно еще раз вернулись к механизмам и свойствам естественного интеллекта, к способам и методам, которые он использует при решении любых задач, в том числе и двигательных.

«Очувствленный» робот должен быть оснащен системой искусственного интеллекта. Только при этом условии он может полезно использовать эффект очувствления. Мы надеемся, что вы теперь сами сумеете сопоставить достигнутый в этих опытах уровень «интеллектуальности» робота с уровнем естественной интеллектуальности, сами увидите, насколько пока далеки копии от оригинала. И не будете этому удивляться, представляя себе всю сложность задач робототехники. Не будете удивляться тому, что, хотя со времени первых опытов прошло уже 15—20 лет, до сих пор еще не существует тех настоящих роботов, которых, может быть, рисует ваше воображение.

В системе искусственного интеллекта нет пока места смутным понятиям и эвристическим человеческим методам. Все действия робота подчинены железной логике и строгим алгоритмам. Это первое условие, которому должен удовлетворять железный интеллект. И второе, очевидное, условие состоит в том, что требования, предъявляемые интеллекту робота, должны быть согласованы с возможностями его системы очувствления...

ГАРМОНИЯ

...Любому живому существу свойственна своя гармония между чувственными, интеллектуальными и двигательными способностями. Эта гармония

достигается и соблюдается в процессе эволюционного развития. Ненужные свойства и способности утрачиваются, новые приобретаются.

...Мы видим, каких трудов стоит в этой области продвижение на каждый шаг. Понимая это, называем каждый такой шаг продвижением на целое поколение, отдаем должное изобретательности, эрудиции, таланту людей, работающих в области робототехники.

Оснастить захват бесчувственного робота датчиками, позволяющими ему осуществлять взаимодействие с внешним миром, искусственно создать нечто подобное чувству осязания и нечто подобное механизму интеллекта, позволяющее роботу полезно использовать это чувство, — большой шаг вперед.

Оснастить его еще одним чувством, подобным чувству зрения, и еще одним механизмом интеллекта, позволяющим полезно применить это чувство, — тоже большой шаг вперед.

Шаг за шагом робототехника движется вперед! Движется по всем направлениям. И в направлении повышения двигательных возможностей роботов, и в направлениях совершенствования устройств очувствления и развития систем их интеллекта. Направлений много, и, как обычно бывает, труднее всего добиться их гармоничного развития.

Телекамера видит много, а использовать ее возможности пока нельзя. Пока еще нет средств достаточно быстро сообщить искусственному интеллекту подробности того, что видит «телеглаз». Эти подробности не только нельзя использовать, они приносят вред. Ведь для того, чтобы исключить их из изображения, оставить только зоны резкого изменения освещенности, нужны дополнительные ухищрения, дополнительная техника, дополнительное время. Какая это гармония, если нужно потратить усилия, чтобы увидеть меньше, чем можно?

Робот предназначен для того, чтобы двигаться, а видеть он пока умеет только неподвижные объекты, хотя ЭВМ — материальная основа «очувствленных» роботов — «в уме» может решать очень сложные задачи и о движении спутников, и о движении ракет, и о движении роботов.

Очень трудно ученым и инженерам достигать гармонии в этих своих созданиях, хотя у них перед глазами всегда есть оригинал, в котором эта гармония доведена до совершенства. То, что естественно в биологической системе, невозможно воспроизвести в технической системе. Все нужно делать не так, по-новому, нужны новые средства, новые устройства, новые системы, каких не было ни в биологии, ни в технике. Необходимость в них остро чувствуется, но пока их нет, неизвестно, как их построить, что они должны и что будут собой представлять.

Как тут не вспомнить четверостишие, которое написано поэтом Р. Гамзатовым будто специально по вопросу о будущем роботов:

Кипит котел, но пища не готова,
Судить о ней пока что не пора,
Поскольку вкус хинкала или плова
Нельзя узнать по запаху костра.

Только с мыслью, выраженной второй строкой, согласиться никак нельзя. О судьбах робототехники надо судить сегодня, о них много судят. И не ждут того, чтобы сначала все сделать до конца, достичь в роботах полной гармонии, а потом только пускать их в дело.

Вот робот первого поколения. Казалось бы, какая в нем гармония? А уже работает в производстве. Почему? Да потому, что гармония роботу нужна не сама по себе. О том, достаточен или недостаточен ее уровень, можно судить, только зная, как устроен мир, в котором ему придется работать. Гармония должна соблюдаться в системе, включающей и робот, и его среду обитания. Их нужно строить и организовывать так, чтобы достигалась гармония всего комплекса в целом.

Бесчувственный робот не может приспосабливаться к среде? Ну что же, надо полностью организовать среду, чтобы ему не приходилось приспосабливаться. Раз выгодно, экономно, эффективно — то надо, «овчинка стоит выделки»!

Вы научили робот чувствовать, думать? Сделали шаг вперед? Воспользовавшись самыми свежими «плодами просвещения», изобрели ультразвуковые уши, лазерные глаза, разработали погремушку, с помощью которой искусственный интеллект робота решает сложнейшие двигательные задачи? Хорошо! Для такого робота дело обязательно найдется. Ведь параллельно естественному отбору роботов идет естественный отбор их применений. В робототехнике, как в природе, естественный отбор должен осуществляться комплексно, гармонично!

Такая всесторонняя гармония его собственных свойств и свойств среды обитания — важнейший закон робототехники. Руководствуясь этим законом, легче ориентироваться в робототехнике, легче судить о ее путях.

■ ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ

— А я уверен — бога нет!

— Вот тебе на! А кто же нас придумывает, смазывает и включает? Скажи, кто?

Примерно так мог бы выглядеть мини-диалог двух роботов.

В наше время просто невозможно изобрести новую форму литературного произведения. Все они уже давным-давно известны: драмы, комедии и пасквили; водевили, монографии и басни; доносы, статьи и романсы; челобитные, сонеты и частушки; эссе, эпиграммы и эпитафии — все это писали еще в глубокой древности и пишут до сих пор...

...А мы, со своей стороны, в заключение этой книги можем предложить вам интересную умственную игру. Придумайте (конечно, мысленно) себе своего робота. Постарайтесь поточнее оговорить все его механические и интеллектуальные совершенства. Сочините ему задание, представьте себе ситуацию, в которой он должен работать, придумайте принципы, которыми должен руководствоваться.

Затем предоставьте ему действовать в соответствии с его способностями и принципами. Понаблюдайте за ним и убедитесь, что зачастую он будет вести себя совсем не так, как, казалось бы, должен. И вам придется многократно менять и его устройство, и его программу, и ситуацию, и сами принципы, прежде чем добьетесь желаемого результата.

В такую игру играют — не в шутку, а всерьез — ученые и инженеры во всем мире — те, кто разрабатывает новые машины и автоматы, новые системы автоматизации, роботы все новых и новых поколений. От результатов этой «игры» во многом зависит уровень научно-технического прогресса общества.

Фото Ю. Багрянского.

В ГЛУБИНЫ МАТЕРИИ

Н. НЕКАМКИН

Социалистическая революция стала гигантской школой новой жизни, в которой получали образование и безграмотные крестьяне и виднейшие ученые. Об этом важнейшем по своему значению и последствиям процессе очень точно сказал В. И. Ленин: «...Инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» Понятия «наука» и «коммунизм» для Ленина были неотделимы, слиты в единое целое. «Он фанатически любил науку и верил в нее», — вспоминал о Владимире Ильиче видный русский ученый академик С. Ф. Ольденбург, который хорошо знал, как «заботилось» о развитии науки царское правительство. Через статьи, речи и дела Ленина красной нитью проходят мысли о роли науки для построения нового мира и заботы о ее развитии.

Начинать и вести эту колоссальную работу в условиях хозяйственной разрухи, в труднейшей обстановке гражданской войны и иностранной военной интервенции было неимоверно сложно. Однако уже 24 сентября 1918 года декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР за подписью В. И. Ленина в Петрограде был создан один из первых советских научных центров — Государственный рентгенологический и радиологический институт. Основной его задачей было изучение актуальных проблем физики.

Исследователи атомного ядра имеют все основания гордиться тем фактом, что в то тяжелое время был создан новый институт, который быстро стал не только центром исследований в атомной физике, но и признанной кузницей талантов.

И другой важный в этой области институт — Радиевый. Первый его директор академик В. И. Вернадский тогда уже отмечал: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниваться все ним раньше пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет... Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия своих открытий».

Перспектива разгадки одной из величайших тайн природы, стремление овладеть огромнейшей энергией, заключенной в атомном ядре, вдохновляя молодых советских ученых, ускоряли темпы их исследований. Работы свои они вели чрезвычайно активно. Об этом напоминают нам сегодня страницы научных журналов прошлых лет.

В январе и мае 1940 года в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» появились статьи Ю. Б. Харитона и Я. Б. Зельдовича, первыми в мире предложивших расчет цепной реакции деления ядер.

Они показали, как осуществить такую реакцию, и подчеркнули, что ее энергия в миллионы раз превысит энергию такого же количества угля. Через несколько месяцев появились сообщения К. А. Петржака и Г. Н. Флерова, обнаруживших неизвестное науке явление — спонтанное (самопроизвольное) деление ядер атомов урана.

Таким энергичным был старт, начало пути к овладению природной силой атома. В этом же году в Москве собралось Всесоюзное совещание по физике атомного ядра, на котором И. В. Курчатов выступил с докладом об условиях осуществления цепной ядерной реакции. По воспоминаниям академика А. П. Александрова, к концу 1940 года И. В. Курчатов и Ю. Б. Харитон разработали обстоятельный план по осуществлению цепной реакции деления и предложили создать устройство для ее получения (то, что мы называем атомным реактором).

Так же интенсивно создавалась новейшая исследовательская аппаратура, позволяющая проникать внутрь материи все глубже и глубже. Так, в 1937 году в Радиевом институте стал действовать первый в Европе циклотрон, в Физико-техническом институте началось строительство самого мощного к тому времени в Европе циклотрона, а в Харьковском физико-техническом институте уже работали над высоковольтным электростатическим генератором, который должен был стать самым мощным в мире, если бы не нападение на нашу страну фашистской Германии.

Теоретический и экспериментальный фундамент, заложенный в предвоенные годы, оказался настолько существенным, что развитие науки, создание новейшего производства и промышленности в этой области пошло быстрыми темпами. Уже в 1954 году советские ученые первыми в мире пустили атомную электростанцию. Спустя четыре года со стапелей Адмиралтейского завода сошло первое в мире надводное судно с атомными двигателями — ледокол «Ленин».

Ни одна отрасль техники не развивалась столь быстро, как атомная энергетика. В 1954 году наша первая АЭС имела мощность всего 5 тысяч киловатт и была единственной в мире, а к 1975 году на Земле работало уже больше 130 АЭС общей мощностью 83 миллиона киловатт. Советская атомная промышленность, положившая начало атомной энергетике мира, развивается по единому государственному плану. Она оснащена по последнему слову науки и служит образцом целесообразности, безопасности и надежности. А ученые идут все дальше — разрабатывают новые мотоды высвобождения энергии, заключенной в веществе, новые способы ее использования. Так, уже пущены первые в мире экспериментальные и промышленные реакторы на быстрых нейтронах — своеобразные «фабрики» ядерного горючего, дающие энергию и «топливо» для АЭС, — плутоний.

В области теоретической физики советская наука занимает самые передовые позиции в мире. О развитии фундаментальной науки повседневно заботятся государство, Коммунистическая партия, что отображено и в новой Конституции, Основном Законе нашего общества. Именно об этом говорил Л. И. Брежнев: «Мы прекрасно знаем, что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования».

Об одном из таких фундаментальных исследований — о работах в области управляемого термоядерного синтеза, открывающих грандиозные перспективы в получении практически неисчерпаемой энергии для нужд коммунистического строительства, рассказывается в этой статье.

Суть того, о чем здесь пойдет речь, в какой-то степени известна многим. Только научная библиография по этой проблеме насчитывает десятки тысяч работ. Мне же хотелось рассказать о нескольких встречах с людьми, занятыми решением «проблемы № 1» современной физики. Речь пойдет об исследованиях в области термоядерной управляемой реакции — о термояде, как называют ее специалисты.

Сереньким декабрьским днем 1961 года, 16 лет назад, мы с коллегой — фоторепортером Юрием Багрянским не без волнения переступили порог высокого здания Института атомной энергии имени И. В. Курчатова. Зеркальные буквы на двери корпуса «Отдел плазменных исследований» вселяли надежду на то, что нам предстоит увидеть нечто необыкновенное. Но коридоры его ничем не отличались от обычных учрежденческих коридоров, а сотрудники в самых обычных костюмах не были похожи на магов и волшебников. В кабинете с надписью «Начальник отдела академик Л. А. Арцимович» нас встретил его хозяин. Усадив в кресла и улыбнувшись в сторону увесистого репортерского кофра с аппаратурой, приготовленного блокнота, Лев Андреевич спросил:

— Вы, очевидно, сенсаций ждете? Так я вас сразу разочарую: сенсаций нет. А что есть? Есть работа — повседневный будничный труд многих людей, труд, едва ли понятный тем, кто далек от проблем ядерной физики. Что же вы своим читателям рассказывать станете? А? Ну, ладно, пишите!

И вот что я тогда записал:

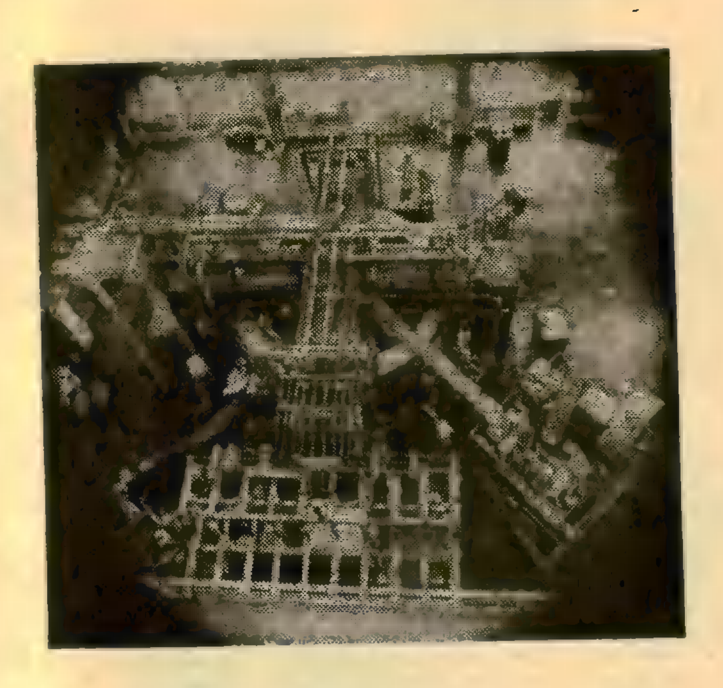
«Невольным чувством каждого, кто впервые знакомится с результатами исследований по управлению термоядерной реакцией, должна быть неудовлетворенность. В самом деле, многолетний напряженный труд дал еще слишком мало по сравнению с поставленной целью. Но, желая предостеречь от необоснованного пессимизма, я считаю нужным сказать следующее: наука замахнулась на решение фантастически дерзкой задачи. Физики взялись за дело, по трудности оставляющее далеко позади все другие научно-технические проблемы XX века.

Наши усилия сосредоточены на том, чтобы создать на Земле звезды или солнца, подвластные людям и отдающие им свою колоссальную энергию. А осуществить задуманное мы сумеем, только лишь научившись вызывать, поддерживать и регулировать термоядерную реакцию — процесс соединения ядер легких элементов. Такой процесс может происходить только в плазме при громадных температурах. Источником реакции должна служить именно плазма — искусственно создаваемая в лабораториях форма вещества. А удержать ее, эту «звездную материю», по сегодняшним взглядам, возможно лишь при помощи электромагнитных полей. Эта идея была выдвинута физиками около 12 лет назад, и с тех пор тысячи специалистов во всем мире, руководствуясь ею, построили множество исследовательских установок...»

— Некоторые из них вы сейчас увидите там, в лабораториях, — академик махнул рукой по направлению к двери. — Вам все покажут. Но еще раз помните: сенсаций нет! Мы работаем, решение, победа — придут. Нужно только работать.

Академик Б. Б. Кадомцев.

Общий вид камеры-установки Токамак-10.

Еще одна обыкновенная дверь с предупреждающей табличкой «Не входить! Напряжение!». Но сопровождавший нас молодой ученый открыл ее.

— Входите!

— А нам поглядеть на НЕЕ можно?

— На что? На плазму? Конечно, можно! — и мы прошли в зал, словно бы разгороженный сетками на несколько вольер с диковинными сооружениями из стали, стекла, сияющей меди и ярких, развернутых павлиньими хвостами проводов.

— Смотрите вон туда! — обратили наше внимание на нечто, напоминающее донышко стакана. — К сеткам и аппаратам не прикасайтесь... — Вскоре послышалось низкое нарастающее гудение, затем раздался треск, будто резко рванули холст, и в «стакане» полыхнуло нечто сине-сиреневое.

— Вот и все. Видели?

Мы кивнули. Извлекая фотоаппаратуру, мой коллега попросил:

— Я хотел бы «это» снять. Нельзя ли еще разок? Только мне нужно немного подольше и чуть ярче!

Наш сопровождающий внимательно посмотрел на нас и, не сдержавшись, рассмеялся.

В нынешнем году исполняется четверть века с того дня, когда начались эксперименты в области управляемого термояда, к которым первыми приступили советские ученые, а лозунг «Подольше и поярче!» по сей день остается девизом тех, кто занят волнующим созданием «земных солнц». По словам ныне покойного академика Л. А. Арцимовича, задача оказалась головоломной. Для ее решения пришлось создать совершенно новую область физики — физику плазмы; в разработку теоретических проблем, в экспериментальные исследования в нашей стране и за рубежом было вовлечено множество талантливых умов, в лабораториях многих стран конструировались хитроумнейшие установки для укрощения плазмы. Весь мир с интересом и нетерпением следит за этой поистине героической эпопеей науки.

В Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова страны входили в строй все более сложные установки, в которых воспроизводится космический вакуум, а плазма удерживается хитроумнейшими системами магнитных полей. Поиски методов создания такого вакуума, схемы полей, нагрева плазмы, контроля и множество других научных и инженерно-технических проблем — вот в чем сущность многолетней работы ученых. Шаг за шагом они учатся управлять невиданно капризным и неуравновешенным процессом, покорить который потребовала эпоха. Очередным и весьма важным шагом на этом многотрудном пути стала система «токамак» — тороидальная камера с магнитным удержанием плазмы, прообраз будущего термоядерного реактора. Ученые создали целую серию все более мощных «токамаков».

И вот — пуск Токамака-10, крупнейшей в мире термоядерной установки. Мы с Юрием Багрянским вновь в Институте атомной энергии, чтобы увидеть Токамак-10 и побеседовать с одним из виднейших советских физиков — академиком Борисом Борисовичем Кадомцевым, преемником Л. А. Арцимовича на посту руководителя Отдела плазменных исследований.

Зал, похожий скорее на цех завода, чем на лабораторию физиков, строили специально для Токамака-10. Однако и в его просторах установка не кажется маленькой. Вместе с окружающими приборами токамак не меньше доброй цирковой арены, и осматривать его лучше всего с узеньких балкончиков, висящих вдоль стен зала на высоте примерно третьего этажа обычного дома.

— Но вы видите только часть установки! — предупреждая наши вопросы, говорит академик Кадомцев. — Все вспомогательные агрегаты, насосы и многое другое — внизу, под полом. Так что для порядка прибавьте и их...

— Такая громадная установка и результаты должна дать соответствующие! — пытаюсь я «спровоцировать» академика. Он сдержанно отвечает:

— Будем надеяться... Во всяком случае, есть надежда получить на ней плазму с температурой

около 20 миллионов градусов — как в центре Солнца! — и удерживать ее значительное время...

— Подольше и поярче! — засмеялся, вспомнив былое, мой коллега.

— Вот именно, — поддержал шутку Борис Борисович. — Но теперь уж время другое: мы не только многое поняли в буйном характере плазмы, мы многому и научились. И эта вот установка, по нашему мнению,— решающий шаг перед созданием так называемого демонстрационного, или испытательного, термоядерного реактора. В нем уже должна быть получена настоящая термоядерная плазма.

— Что значит «настоящая»?

— Это плазма, температура и плотность которой такие же, как и в будущих энергетических установках.

— Значит, дело уже к ним идет?!

— А оно к ним идет вот уже четверть века. Иначе для чего весь этот громадный труд? Он весь во имя главной цели — дать людям поистине неисчерпаемый источник энергии. Запасы дейтерия — «топлива» будущих термоядерных электростанций — в Мировом океане неисчерпаемы. Чтобы получить такое количество энергии обычным сегодня путем, например с помощью гидроэнергетики, м и л л и о н у таких ГЭС, как Красноярская, нужно непрерывно работать в течение с т а м и л л и о н о в л е т!

Сложность проблемы, стоящей перед физикой, естественно, породила целый фейерверк идей, предложений, открытий, изобретений. Они выкристаллизовались в ряд наиболее перспективных направлений исследований. Одно из них — создание кольцевых установок, камера которых — все более увеличивающийся от установки к установке «бублик» — заполняется дейтерием — тяжелым водородом. Электрический ток нагревает его до высокой температуры, а магнитное поле удерживает дейтериевую плазму от соприкосновения со стенками установки. Вот суть «токамака».

И создание установок этого типа и исследования на них — приоритет советской науки. Слово «токамак», как и спутник, вошло в язык физиков всего мира: ведь именно на этих установках были достигнуты важные результаты в решении проблемы термояда. Проверив результаты работы советских ученых, физики других стран начали создавать свои токамаки. Сегодня подобные установки работают в США, Японии, Англии, Франции. Эксперименты подтвердили правильность выводов советских ученых и самый важный из них: плазма удерживается тем лучше, чем больше поперечное сечение (попросту говоря, чем «толще» «бублик» установки).

Этот вывод и позволил наметить дальнейшие пути решения проблемы — переход на все более крупным установкам. Токамак-10 — одна из них. Он работает еще недолго, но с его помощью уже получены весьма интересные результаты — достигнут самый высокий выход нейтронов для установок этого типа, увеличено время удержания плазмы. Так, шаг за шагом, поэтапно, ученые решают задачи научно-теоретические, экспериментальные и входят в новую область разработок — уже чисто инженерную, технологическую. Несомненно, и здесь их ожидают немалые трудности, но они преодолимы. Порукой тому не только уже решенный громадный комплекс проблем, но и международное сотрудничество ученых в этой сложнейшей области науки. Об этом, очевидно, надо сказать особо.

21 год назад, в пору, когда на Западе тщательно скрывали все результаты едва развернувшихся работ в области термоядерного управляемого синтеза, академик И. В. Курчатов по поручению правительства СССР сделал в английском атомном центре Харуэлл подробный доклад о состоянии таких работ в нашей стране. Доклад этот, с вниманием выслушанный тремястами виднейшими английскими физиками, произвел ошеломляющее впечатление. Наша страна предлагала решать эту важнейшую проблему энергетики совместными усилиями, сняв все преграды в обмене идеями, решениями, взаимными визитами ученых. Не все и не сразу отнеслись с пониманием и доверием к такому шагу, который сегодня с полным правом можно назвать историческим. Сейчас физики мира, работающие в этой области, трудятся плечом к плечу: идет широкий обмен информацией, идеями, визитами в научные лаборатории. Общий успех, о чем свидетельствует сегодняшний день, уже не за горами.

„И был вечер, и было утро: день третий... И создал бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды», — поясняла Библия. — «И поставил их бог на тверди небесной...»

Все, что происходит сегодня в физике плазмы, однозначно свидетельствует: мы с вами и станем современниками «дня третьего», но торжествующего в свершениях не бога, а людей. Только зажгут они светила большие и звезды не на небе, а на Земле. Откуда такая уверенность? Ее питает сама жизнь нашего общества, высокий научный потенциал страны и та высокая, гуманная цель, которая одухотворяет научные исследования, даже глубоко теоретические. Эта цель — улучшение реальной земной жизни, благо народа, ставшие сутью государственной политики страны.

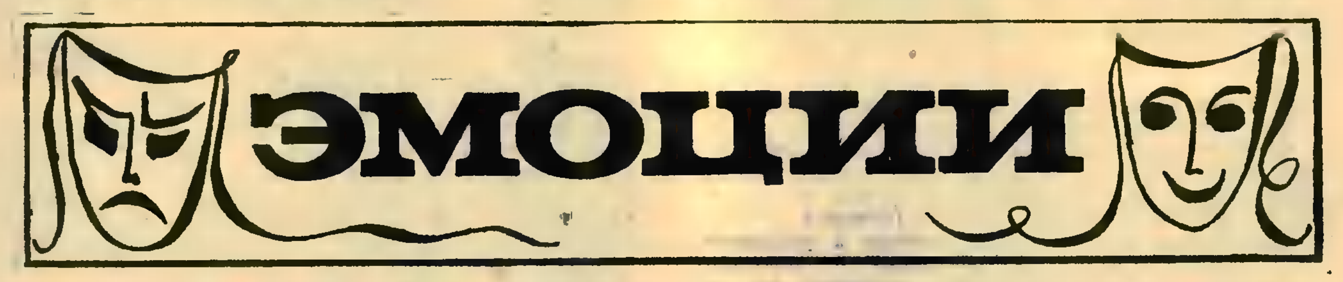
Наука оптимистична по своему существу. Пребывая в непрестанных поисках, отказываясь от ложных гипотез и достигая новых горизонтов познания, она черпает силы в достижениях практики, в материальном воплощении своих идей — и постоянном их совершенствовании. Если вернуться к теме нашего разговора, полезно вспомнить то потрясение, которое в 1960 году вызвало сообщение американского физика Ф. Коэнсгена о том, что в его установке термоядерная реакция наблюдалась в течение нескольких т ы с я ч н ы х долей секунды. В то время еще никому не удавалось удержать горячую плазму дольше нескольких десятков м и л л и о н н ы х частей секунды!

Когда Токамак-10 проходил лишь обкатку, и, по словам академика Б. Б. Кадомцева, «находился еще в младенческом возрасте», время удержания устойчивой горячей плазмы, в течение которого из нее идет поток нейтронов, равнялось д е с я т о й доле секунды! На языке производственников это называется «улучшить качество продукции» по много тысяч раз. При этом нужно учесть и другое: достигается высокая плотность плазмы, о которой сами ученые, скупые на похвалы, говорят — «хорошая». Температура, полученная на самом первом этапе, — семь миллионов градусов.

Итак, дело идет к «дню третьему» земного творения звезд.

ЭМОЦИИ

Любая религия, как известно, всегда апеллирует к чувствам человека, к его переживаниям, иначе говоря, к его эмоциональной сфере. Такие стремления в первую очередь объясняются тем, что чувства, переживания — область не только исключительно сложная, многообразная, зависящая от гигантского числа внешних и внутренних факторов, но и глубоко индивидуальная, далеко не всегда понятная, объяснимая. В результате часто какие-то сугубо личные ощущения, восприятия каких-либо событий, явлений кажутся неподготовленному человеку настолько непонятными, что он толкует их как сверхъестественные, даже как проявление и доказательство бытия божьего. Личный опыт, особенно в сфере подсознательного, чувств, всегда играл немалую роль в утверждении религиозной веры.

Следует сказать, что в силу исключительного многообразия и сложности в области эмоций и причин, их вызывающих, наука еще далеко не все объясняет достаточно исчерпывающе. Тем не менее успехи отдельных ее отраслей в последние годы убедительно показывают: как и везде в мире, тут существуют лишь чисто материальные причины и следствия. А это значит, что и сферу эмоций можно исследовать, познавать, объяснять средствами науки, что нет в ней ничего непознаваемого, сверхъестественного. Об этом наглядно свидетельствует публикуемая статья о достижениях современной физиологии в этой области.

Т. МЕРИНГ, доктор биологических наук

НЕТ ЧЕЛОВЕКА, лишенного эмоций (эмоции — от латинского слова, означающего «волновать», «возбуждать», иначе говоря — переживание человеком его отношения к окружающему миру и к самому себе). Мы радуемся, грустим, переживаем боль, страх, волнения, тоску. Эмоции необходимы. Гармонично развитая и хорошо управляемая эмоциональная сфера человека — это богатство, которое нужно не только беречь, но и умножать. Она оказывает большое положительное влияние на всю нашу жизнь. Хорошее настроение, радость, чувство удовлетворения повышают жизненный тонус, улучшают работоспособность, прибавляют силы. Мы знаем, что сон необходим, но во время эмоционального подъема человек может недосыпать без всякого вреда для своего организма.

Однако эмоции могут оказывать не только положительное влияние, но и отрицательное. Сегодня вряд ли можно сомневаться в том, что отрицательные эмоции играют огромную роль в возникновении многих заболеваний — гипертонии, атеросклероза, аллергии, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки...

И тут естественно возникает вопрос: ну а постоянное ощущение какой-то своей вины перед богом, переживание того, что ты грешен, чувство человеческой неполноценности перед всевышним и т. п. — может ли все это быть безразличным для нормального функционирования человеческого организма? Как тяжело, например, должны влиять на настроение человека проповеди, в которых утверждается:

«В этом ежедневном чтении, как

в зеркале, ты увидишь все свои немощи и недостатки, постоянно будешь видеть свое недостоинство перед богом и грехи свои». Или: «В своем высшем выражении покаяние — это встреча кающегося человека с богом — встреча, происходящая в глубине совести — совести обличающей, укоряющей, даже бичующей, но вместе с тем и уповающей на милосердие божие»; «И малые грехи, укрепляясь в нас, могут стать великими. И, казалось бы, легкие грехи, сцепляясь вместе, тяжелым бременем могут давить нашу совесть»...

Очевидно, недаром народная мудрость гласит: «Радость молодит, горе старит». Каков же механизм этих явлений?

В основе психической деятельности лежат мотивации (влечения). Это состояние организма появляется под влиянием раздражений нервных центров, преимущественно гуморальными факторами (при помощи жидкой внутренней среды). Благодаря этим раздражениям у человека или животного появляется стремление совершить какое-либо целенаправленное действие. И. М. Сеченов называл их «психическими рефлексами», И. П. Павлов — «основными влечениями». При этом мотивации весьма существенно отличаются от простого рефлекторного акта. Это те исходные состояния, которые заставляют активно искать или избегать определенных раздражений внешнего мира. В то же время рефлексы совершаются непосредственно под влиянием раздражений внешней среды (попала пища в рот — «слюнки текут») и развиваются по типу «стимул—реакция».

Очень приблизительно мотивации можно подразделить на низшие и высшие.

Низшие — голод, жажда, половое возбуждение и другие — возникают при изменениях каких-то жизненно важных постоянных величин (констант) внутренней среды организма. В результате этого возбуждаются его специфические нервные аппараты, которые и вызывают действия, ведущие к восстановлению данных констант. Механизмы низших мотиваций обычно врожденные. При их возникновении важная роль принадлежит изменению состава крови; например, голод в значительной степени определяется снижением уровня питательных веществ в крови.

Изменение состава крови немедленно сказывается на состоянии нервных центров. Это происходит рефлекторно — в результате возбуждения хеморецепторов (воспринимающих окончаний нервов, чувствительных к химическим раздражителям). К ним относятся вкусовые рецепторы языка, обонятельные рецепторы и огромное число рецепторов в кровеносных сосудах, внутренних органах и тканях, в некоторых зонах центральной нервной системы. Определенные хеморецепторы избирательно реагируют лишь на определенные изменения в крови — ее осмотического давления, уровня глюкозы, температуры... При этом возбуждение в них возникает не сразу.

Высшие (сложные) мотивации возникают на основе низших и приобретаются в течение индивидуальной жизни. Они могут влиять на низшие, даже изменять их — например: самопожертвование уничтожает страх смерти, любовь подавляет половой инстинкт и т. д.

Как видим, мотивации необходимы для психической деятельности, служат ее энергетической основой. Без побуждений не возникнут и условнорефлекторная деятельность, и эмоции.

Эмоции бывают самые разные—горе, радость, страх, отвращение, наслаждение, ненависть и т. д. И одна мотивация может вызвать целый ряд их. Так, вы очень хотите пить и вдруг увидели бачок. Вы подходите, а он пустой. В результате у вас возникает чувство разочарования и злости. Другой вариант: вы открываете бачок и видите чистую, прозрачную воду — чувство радости и довольства. Любовь может породить и радость, и восторг, и благодарность, и обиду, и печаль, и негодование...

Эмоциональное состояние появляется или изменяется не только на основе внешних раздражителей (зрительных — красивый лес, чудесная река; слуховых — пение птиц), но и в итоге каких-то внутренних сигналов организма. Иногда причиной изменения настроения или поведения служат заболевания внутренних органов. Так, при заболевании сердца человек часто испытывает тоску, страх смерти, при заболевании желчных путей может стать раздражительным, а при заболевании кишечника — вялым, апатичным. Эмоции вовсе не обязательно должны сопровождаться действием. Имеется еще так называемое «эмоциональное состояние» — длительное изменение нервного тонуса, настроения.

Какова структурная основа эмоций и мотиваций?

Нервную систему человека и животных издавна делят на соматическую и вегетативную. При этом соматическая влияет на деятельность вегетативной и наоборот. Противопоставление их имеет лишь условное значение.

Вегетативная (от латинского vegetatio — «растительный») — система «внутреннего мира», регулирующая главным образом отношения между органами и тканями внутри организма — ее рецепторы заложены во всех внутренних органах, кровеносных и лимфатических сосудах, в мускулатуре кишечника, бронхов и т. д. Она состоит из симпатического и парасимпатического отделов. При возбуждении симпатического отдела сердце ускоряет ритм, усиливает сокращение, сосуды сужаются, задерживается перистальтика желудочно-кишечного тракта. А парасимпатический — тормозит работу сердца, делает его ритм медленнее и сокращения слабее, расширяет сосуды, усиливает перистальтику кишечника.

Соматическая (центральная) нервная система — это, образно говоря, «система внешнего мира». Ее чувствительные окончания — рецепторы преимущественно приспособлены для восприятия внешних раздражений, а эффекторы заложены в мышцах конечностей, головы и туловища. Эта система состоит из спинного мозга, ствола и больших полушарий головного мозга. В последних различают центральные ганглии, белое вещество, кору (новую, старую и древнюю). Эти сложнейшие образования имеют целый ряд систем: зрительную (приспособленную для анализа и синтеза зрительных раздражений), слуховую (восприятие слуховых сигналов), вестибулярную (правильная координация, равновесие), кожно-соматическую, двигательную...

В последние годы в головном мозгу исследована так называемая лимбическая система. В состав ее, по мнению большинства ученых, входят самые различные образования: лимбическая кора (новая кора), гиппокамп (старая кора), диагональная область и прозрачная перегородка (древняя кора), миндалина (центральные ганглии), гипоталамус и ретикулярная формация среднего мозга (ствол). Все они очень тесно связаны между собой и, кроме того, с новой корой, преимущественно с лобными, меньше с височными ее долями.

Несмотря на то что сейчас появилось очень большое количество работ о функциональном значении образований, входящих в лимбическую систему, и о лимбической системе в целом, полностью ее функции еще не выяснены. Однако считается, что одна из основных

ее ролей—обеспечение мотивационных и эмоциональных сторон поведения человека и животных.

Как это установлено?

Сегодня в распоряжении исследователей имеются основанные на достижениях современной науки весьма объективные методы для выяснения функционального значения тех или иных структур центральной нервной системы. Это экспериментальные методы: удаление (экстрипация), самораздражение, выяснение влияний электрических и химических состояний на различные стороны поведения; клинические исследования больных (при опухолях мозга и т. п.). Вот, например, метод самораздражения — выяснение влияний электрического самораздражения какого-то очень маленького участка мозга на различные стороны поведения.

Используя эту методику, крысам вживляли электроды в задний гипоталамус. При этом они сами нажимали на рычаг и получали в мозгу сигнал, дающий какое-то приятное ощущение. Научившись получать его, крысы быстро осваивались: оно им так нравилось, что некоторые из них совершали до пяти тысяч нажимов в час. Причем, когда голодным крысам предоставлялся выбор нажимать на рычаг или получить пищу, — они бросались к рычагу для самораздражения, а не к еде. Интересно, что этот метод показал: 60 процентов из общего числа обследованных точек — нейтральные, 35 процентов — эмоционально положительные и лишь 5 процентов—эмоционально отрицательные.

На основании экспериментальных и клинических данных было установлено, что гипоталамус связан с эндокринной регуляцией, водно-солевым, углеводным и жировым обменом, теплопродукцией и теплоотдачей организма и другими вегетативными процессами. Выяснено также, что он играет важную роль в мотивационно-эмоциональном поведении.

Так, раздражение переднего гипоталамуса вызывает понижение кровяного давления, уменьшение глубины дыхания, сокращение мочевого пузыря, падение уровня сахара в крови, усиление двигательной и секреторной деятельности желудка. Раздражение заднего гипоталамуса ведет к увеличению кровяного давления, учащению пульса, увеличению частоты и глубины дыхания, торможению перистальтики кишечника. «Центр насыщения» находится в медиальном (внутреннем) гипоталамусе, его раздражение и вызывает понижение потребления пищи. А при раздражении латерального (наружного) гипоталамуса акт еды усиливается.

При раздражении другого образования лимбической системы — миндалины — возникает либо реакция внимания, либо страха, либо ярости, при разрушении отмечается отсутствие агрессивных реакций. При поражении новой коры — лобных долей — у больных возникает несдержанность, прожорливость, циничность, они становятся подозрительными, недоверчивыми, недружелюбными или, наоборот, благодушными — в общем, ведут себя не так, как требует обстановка, — неадекватно.

Все эти эксперименты на животных, наблюдения над больными показывают: наши эмоции имеют вполне материальный субстрат и ничего сверхъестественного в их возникновении и проявлении нет. Однако необходимо отметить: нет и строгой — «жесткой» связи определенного типа эмоций с какими-то конкретными морфологическими структурами. Так, электрическое раздражение гипоталамуса или миндалины вызывает целый ряд мотивационных и эмоциональных реакций. При этом вряд ли будет правильным точно выделять какие-либо четко ограниченные области—бегства, защиты, агрессии, — ведь с одних и тех же точек можно получить различные поведенческие реакции. Например: при раздражении гипоталамуса вначале возникает двигательное беспокойство, нападение, затем — при дополнительном раздражении медиальных ядер миндалины — появляется агрессия, а добавочное раздражение латеральных ядер миндалины вызывает усиление агрессивных реакций. При усилении раздражения гиппокампа и поясной извилины, вместо реакции внимания, возникала реакция страха. При раздражении точек, дающих обычно реакцию бегства, в присутствии чучела возникала агрессия.

Кроме того, следует иметь в виду, что нервная система организма функционирует не изолированно, а в тесном контакте и взаимодействии с эндокринной системой, с гуморальной системой, осуществляющей координацию процессов в организме через жидкие среды. Вместе все это образует чрезвычайно сложный комплекс, обеспечивающий своей деятельностью целостность организма, постоянство его внутренней среды — гомеостаз.

Органы внутренней секреции, например, вырабатывают специфические активные вещества — гормоны, которые выводятся непосредственно в кровь или лимфу и регулируют обмен веществ, размножение и рост. При этом согласованная деятельность желез внутренней секреции осуществляется нервной системой. В свою очередь гормоны оказывают влияние на различные нервные центры. Это так называемая нейро-гуморальная регуляция при ведущей роли нервной системы.

Кроме того, определенные нервные клетки вырабатывают также нейросекрет, выделяющийся в кровь. Гипофиз выделяет особые вещества — вазопрессин, вызывающий сокращение мелких сосудов (что ведет к повышению артериального давления), и адренокортикотропный гормон — АКТГ, стимулирующий выработку многочисленных гормонов коры надпочечников. Щитовидная железа выделяет тироксин, повышающий общий обмен веществ в организме и усиливающий азотистый обмен. Корковое вещество надпочечников выделяет более 30 гормонов, регулирующих концентрацию натрия, калия и хлора в крови и тканях, а также углеводный, белковый и жировой обмены. Мозговое вещество надпочечников вырабатывает адреналин и норадреналин, усиливающие сократимость и возбудимость сердца, сужающие сосуды, повышающие кровяное давление. Поджелудочная железа выделяет инсулин, регулирующий углеводный обмен...

А если учесть, что все эти системы тесно взаимосвязаны, то станет более понятным влияние эмоций не только на поведение человека, но и на функциональное отправление отдельных систем его организма (сердечно-сосудистой, дыхательной, эндокринной и т. д.). Как показывают исследования, существенные изменения во время сильных эмоциональных реакций наступают в обмене белков, в содержании липидов, аминокислот. Меняется и содержание в организме биологически активных веществ, синтез которых связан с генетическими процессами.

При этом положительные эмоции по своим вегетативным проявлениям уступают сдвигам в организме, связанным с отрицательными эмоциями. Положительные эмоции не дают больших следовых реакций, при них возбуждение практически не бывает чрезмерным. Медицина, например, не знает случаев возникновения неврозов от большой радости. Более того, положительные эмоции способны ослабить действие отрицательных.

В первую очередь эмоции влияют на сердечно-сосудистую систе-

му человека. Наше сердце обладает возбудимостью, проводимостью, сократимостью и ритмической автоматикой. Оно тонко реагирует на импульсы, поступающие от вегетативных нервных образований, от центральной нервной системы и из собственных высокодифференцированных рецепторов, отвечающих на растяжение стенок желудочков и предсердий, на изменение физико-химических свойств притекающей к сердцу крови. Обычная средняя частота сердечного ритма — 73,6 удара в минуту. При мысленном представлении событий, имеющих положительную окраску, она увеличивается до 94,4 удара. А при мысленном представлении отрицательных явлений у большинства исследуемых частота сердечных сокращений в среднем составляла уже 99,8 удара в минуту.

В экспериментах на животных было показано, что при хроническом раздражении области мозга, связанной с положительными реакциями, похожими на радость, успокоение, наблюдалось понижение содержания холестерина (жироподобного вещества) в крови, лишь незначительное замедление ритма сердечных сокращений и урежение дыхания, а также, в большинстве случаев, уменьшение артериального давления. Это означает, что положительные эмоции уменьшают наклонность к тромбообразованию, повышают активность крови, снижают ее способность свертываться — то есть препятствуют преждевременному развитию атеросклероза.

Зато при раздражении структур, вызывающих реакцию страха, в 70 процентах случаев возникали замедление ритма сердечных сокращений и урежение дыхания; в 50 процентах случаев при замедлении сердечного ритма возникали изменения электрокардиограммы, а иногда и увеличение кровяного давления. А при раздражении отделов мозга, дающих активно-оборонительную реакцию с элементами агрессии, появлялось учащенное дыхание, резкое нарастание частоты сердечных сокращений, повышение артериального давления и содержание холестерина в крови.

Наиболее отчетливо патологические реакции видны в том случае, когда при раздражении проявляется пассивная оборонительная реакция страха или тревоги. У кошки, напуганной собакой, появляется адреналин в крови. Или другой пример: на территорию доминантной (главенствующей) крысы помещали другую, недоминантную, крысу. Следовала атака, в ответ на которую «чужая» крыса немедленно ложилась на спину; атака тут же прекращалась. Однако спустя некоторое время недоминантная крыса умирала.

Особенно надо обратить внимание на тот факт, что изменения электрической активности мозга, в частности лимбических структур, при каких-либо отрицательных раздражениях сохраняются значительно дольше, чем повышение кровяного давления. Это означает, что возникшее, например, при раздражении «отрицательных» зон гипоталамуса возбуждение сохраняется в центральной нервной системе значительно дольше, чем то, которое необходимо для возвращения кровяного давления к исходному уровню.

Удлиняется действие отрицательных эмоций и благодаря гормональному влиянию. А ведь гормональные факторы могут в свою очередь оказывать вторичное длительное действие на лимбические структуры и периферические механизмы регуляции артериального давления.

Таким образом, отрицательные эмоции характеризуются длительным последействием, то есть могут удерживаться в мозгу даже после прекращения раздражения и переходить в устойчивую форму.

Следует отметить, что биологически отрицательные эмоции тоже нужны — они стимулируют организм к активной деятельности, так как обычно возникают тогда, когда не удовлетворяется какая-то жизненно необходимая потребность. В результате их появления должна происходить мобилизация всех резервов организма. Однако плохо, когда в основе такой активизации лежит эмоциональный стресс. Это английское слово, означающее напряжение, степень его, характеризует общую совокупность адаптационно-защитных реакций организма на любое воздействие, вызывающее физическую или психическую травму. Стресс — результат перенапряжения регуляторных механизмов.

В нашей жизни встречаются кратковременные стрессы (какая-то неудача, опасность, быстрое увеличение скорости и т. п.) и длительно действующие (долгая изоляция, огромная ответственность, длительная работа, вызывающая большую усталость, а также постоянные страхи, ощущение вины). При этом в организме выделяются катехоламины (адреналин, норадреналин), вызывающие сокращение сосудов, усиливающие сократимость и возбудимость сердца и т. п. Исследования показали: когда человек смотрит фильм, вызывающий чувство уравновешенности, спокойствия, — у него уменьшается выделение катехоламинов; при фильмах, вызывающих острые переживания, возбуждение, тревогу, их выделение увеличивается.

В последние годы появилось большое количество работ о влиянии нервно-психического напряжения на сердечно-сосудистую систему. Известно, что по заболеваемости и смертности сосудистые поражения занимают теперь одно из первых мест, причем особенно страдают от них люди, перенесшие чрезмерное нервно-психическое напряжение. И все же надо сказать, что физическая и психическая бездеятельность значительно опаснее для здоровья, чем активная деятельность. Так, доказано, что риск смерти от атеросклероза (поражение главным образом внутренней оболочки кровеносных сосудов) среди мужчин с минимальной степенью активности в три раза больше.

Общие человеческие и социальные потери, причиняемые сегодня атеросклерозом, весьма велики. Известный врач А. Л. Мясников писал: «Гипертоническая болезнь, атеросклероз и связанная с ними коронарная недостаточность — вот суровая триада болезней, в наибольшей мере поражающая современное человечество. Они уносят преждевременно миллионы жизней и мешают жить и работать людям в расцвете сил. Именно они ускоряют наступление старости».

И одна из самых главных их причин — стрессы. Как мы уже говорили, при очень сильном эмоциональном возбуждении отрицательного характера в организме одновременно повышаются содержание холестерина в крови, артериальное давление, проницаемость сосудистой стенки и увеличивается опасность образования тромбов. Все это и создает условия для возникновения начальных фаз атеросклероза. Известно ведь, что стенки сосудов регулируют кровяное давление, предохраняют кровь от свертывания, обеспечивают обмен жидкости между тканями и кровью.

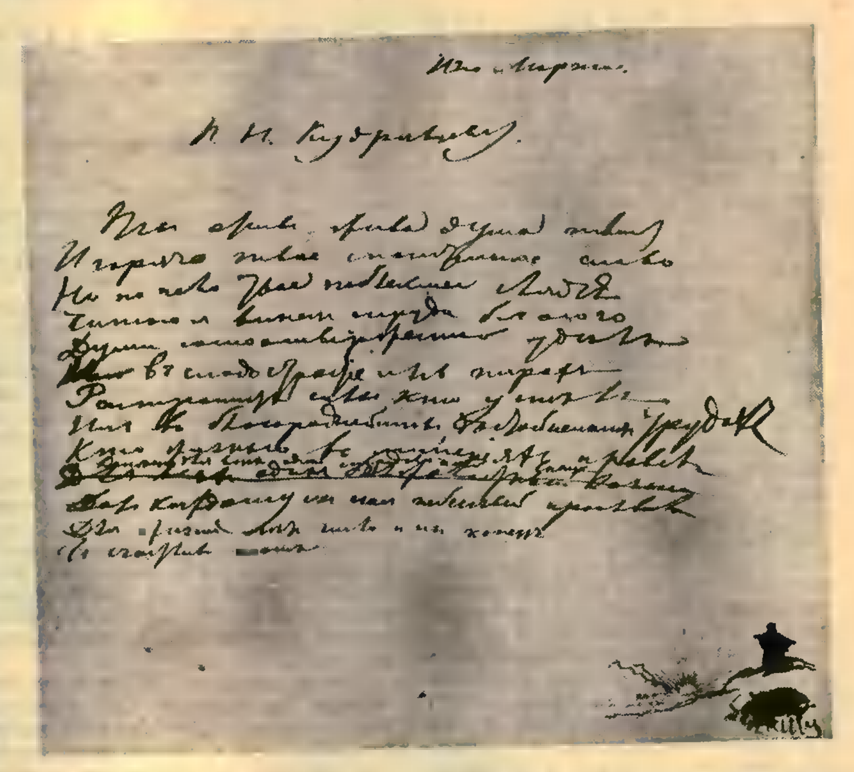
Исследования последних лет позволили углубить наши знания о роли эмоций в возникновении сосудистых заболеваний. Так, установлено, что при длительных отрицательных эмоциях в первую очередь возбуждается гипоталамус. От него возбуждение идет в кору, к железам внутренней секреции, к внутренним органам. Возбуждаются симпатические и парасимпатические нервные окончания, начинается усиленное выделение гор-

монов. И те в свою очередь возбуждающе (или тормозяще) действуют на центральную нервную систему. Таким образом, нарушается гомеостаз и образуется своеобразный порочный круг, ведущий к заболеванию организма.

Под влиянием возбуждения гипоталамуса гипофиз выделяет в кровь вазопрессин, вызывающий сокращение мелких кровеносных сосудов (что, естественно, ведет к повышению артериального давления), и адренокортикотропный гормон, который в свою очередь стимулирует выработку гормонов мозговым и корковым веществом надпочечников. В результате в крови появляется большое количество жироподобных (холестерин, липиды) и других веществ, способствующих сужению сосудов и возбудимости сердца, повышению кровяного давления. Параллельно щитовидная железа выделяет тироксин, повышающий общий обмен веществ и усиливающий работу сердца.

При этом различные отрицательные эмоции по-разному влияют на состояние внутренней среды организма. Так, гнев, ярость, возмущение вряд ли имеют большое патогенное влияние на сердце. Те, кто обычно разряжает как-то свои эмоции — в первую очередь двигательным возбуждением, — обнаруживают меньшие изменения в организме. Это объясняется, в частности, тем, что работающие мышцы (занимающие обычно 30 процентов веса тела) быстро поглощают липиды. А обида, оскорбление, страх, неприятности, неудачи, тоска, угнетенность, подавленность, унылое однообразие, действуя исподволь, незаметно, но длительно, изменяют эмоциональный тонус, который, как мы уже говорили, сопровождается изменениями в обмене веществ. А он влияет на нервную систему...

Вспомним теперь начало нашей статьи — слова из религиозных проповедей. Разве не постоянный пассивный страх вызывает у верующего человека требование постоянной, неизбежной готовности «отвечать перед богом за каждый шаг, за каждый момент своей жизни»? Именно к этому, может быть несколько неожиданному в отношении религиозной идеологии, выводу приводит нас изучение такой казалось бы далекой от религии сферы, как эмоции и их физиологические основы. И этот вывод неизбежен, конечно, при условии, что исследователь, говоря словами И. П. Павлова, «молится» лишь одному богу — «господину факту».

Автограф стихотворения М. Эссена, посвященного профессору Московского университета, другу В. Г. Белинского и последователю Т. Н. Грановского П. Н. Кудрявцеву. Публикуется впервые.

Автограф стихотворения М. Эссена «Как часто среди улиц шумных» Публикуется впервые.

„ВОЗЬМИ БАРАБАН, ДА НЕ БОЙСЯ!"

Ф. НИКИТИНА,
кандидат философских наук

30 июня 1856 года в пензенской мужской гимназии торжественным традиционным актом отмечалось окончание учебы. Присутствовали губернские власти, именитые граждане, а также учителя гимназии, преподаватели духовного училища и семинарии и, конечно, гимназисты. Старший учитель истории В. А. Амстердамский, известный своим педантизмом и жестоким обращением с учащимися, читал речь «О необходимости преподавания наук, преимущественно истории, в духе христианском».

Такого рода акты в гимназиях царской России были явлением обычным. Речь Амстердамского ничем не выделялась среди сотен подобных. О ней тотчас забыли бы, если бы не одно обстоятельство, сделавшее фамилию Амстердамского известной в III отделении (так называлось царское ведомство политического сыска), в министерстве внутренних дел и министерстве просвещения. На акте оказался приехавший из Москвы студент — 22-летний сын дворянина, служащего пензенской казенной палаты, Михаил Эссен. Со всем пылом юношеского энтузиазма воспринявший в Московском университете передовые традиции русской общественной мысли, он находился под впечатлением лекций Т. Н. Грановского и первых лондонских изданий А. И. Герцена. И в Пензу он привез настроения тех, кто стремился к коренным переменам в России, измученной крымской войной, крепостным правом, деспотизмом царизма, засильем реакционной официальной идеологии «православия, самодержавия, народности».

С негодованием слушал Михаил Эссен речь Амстердамского, прославлявшего самодержавие и церковь, оплевывавшего революции на Западе, проклинавшего их вождей как злодеев человечества. Он был убежден: борьба против царизма должна сочетаться с борьбой против официальной религии. В голове студента зародился план будущей статьи: показать лживость и лицемерие господствующей религии, «горячими словами о любви и высшей правде» оправдывавшей тиранию самодержавия и мерзости крепостничества; защитить от нападок духовенства и идеологов православия идею революции. Особо он хотел показать несостоятельность попыток Амстердамского найти в истории подтверждение реакционной идеи о высшей божественной сущности царизма. Мятежи и войны в античные времена, гибель республик в итальянских городах эпохи Возрождения, бедствия в американских колониях Нового времени, избравших для себя республиканский образ правления, — все это было для Амстердамского «свидетельством» того, что лучшее государственное устройство — самодержавная монархия, где властвует «помазанник божий».

«Нам ли, подавленным самодержавною короной, — возмущался студент, — проповедовать такое учение!» По его мнению, Россия стоит на пороге великих свершений. Ей нужны не славословия царизму, а обоснование грядущих коренных социальных изменений. То, что в развитии Запада возмущало единомышленников Амстердамского, восхищало студента. Его привлекали там рост промышленности, народного благосостояния и распространение науки, а главное — стремление народов обрести народовластие, и вместе с ним — свободу.

Амстердамский с ужасом констатировал, что знания, «распространяясь в массе народа, производят выявление умственных способностей и побуждают в особенности сознание собственного достоинства», подрывают веру в бога. Но именно это, как ничто другое, радовало Михаила Эссена. Он задумал доступными ему средствами призвать людей к осознанию собственного достоинства, объяснить им, что под покровом религии скрывается невежество, презрение к человеку и реакционные политические идеи: «Покров не ослепил нас... и мы с дерзостью срываем его». Он считал, что господствующая церковь стала анахронизмом, как и опекаемый ею самодержавный строй, и поэтому борьба с ними неизбежна [1].

Едва сдерживая негодование, Михаил Эссен выслушал речь учителя до конца. Он понимал: перед ним убежденный враг всего передового. Недаром пензенские гимназисты распевали:

> Вот в воинственном азарте
> Наш учитель Амстердамский
> Желтой палкой бьет по карте,
> Ей же бьет по головам... [2].

Без долгих размышлений студент принимает решение: использовать речь Амстердамского как повод, чтобы всколыхнуть общественное мнение, настроить его против реакционного духа в воспитании молодежи. Ждать нельзя! Подчеркнем: Михаил Эссен нащупал одну из важнейших проблем, вокруг которых в скором времени разгорелись в печати острые дискуссии. Буквально через несколько дней после выступления Амстердамского вышел журнал «Морской сборник» со статьей знаменитого русского хирурга Н. И. Пирогова по поводу воспитания. Статья была перепечатана многими журналами. О ней высказались в «Современнике» Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Идея революционных демократов — надо воспитывать не «рабов божьих», не покорных слуг самодержавия, а борцов за свободу — была и лейтмотивом умонастроения Михаила Эссена.

«ПОРА! ПОРА! ПОРА!»

В том, что задумал студент в связи с речью школьного учителя, сказался его характер. Эссен относился к тому всегда восхищающему нас типу людей, которые в момент высшего душевного накала не щадят себя. Обычно вопрос для них стоит только так: сейчас или никогда! И действительно, Михаил Эссен затевает крайне опасное предприятие: в течение месяца он пишет и рассылает в разные места пламенные памфлеты. Написанные в начале периода, получившего у историков название «шестидесятых годов», они, как нам представляется, могут рассматриваться

---

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 109, III отд., I эксп., 1856, оп. 31, ед. хр. 215, «О письмах преступного содержания, писанных вольным слушателем Московского университета неслужащим дворянином Михаилом Эссеном», л. 41, 42, 44. (Далее ссылки на это дело даются в тексте.) Эти и последующие архивные материалы публикуются впервые.

[2] О. Савин, Ж. Трофимов, И. Н. Ульянов в Пензе. Пенза, 1973, стр. 48.

в ряду оригинальных революционно-демократических документов того времени.

В этих письмах страстно обличалась официальная идеология. Почти в каждом не только осуждалась реакционная система народного образования, но и прямо говорилось, что она — следствие гонений на все передовое. Эссен подчеркивал также, что никакие репрессии не могут уничтожить просыпающиеся в молодом поколении чувства собственного достоинства, ответственности за судьбы России, готовность бороться за торжество разума и справедливости, за счастье народа. В письме к инспектору училищ казанского учебного округа были такие слова: «Мы мучаемся в духоте нашей жизни, мы рвемся из тяжелых оков самодержавия, оскорбленные глубиною и повсюдностью зла». И далее: «Не оправдывайтесь, спасайте себя от нашего ожесточенного негодования» (л. 22 об., 21 об.).

Вскоре все письма попали к начальнику III отделения, шефу жандармов князю Долгорукову. Незамедлительно последовало распоряжение: выяснить, кто автор сих возмутительных посланий, и арестовать его. Михаил Эссен был схвачен в Пензе, допрошен и препровожден в столицу. Вместе с ним в III отделение поступило множество бумаг. «Опись бумагам, найденным у неслужащего дворянина Михаила Федоровича Эссена» содержала 17 пунктов. Уже первое знакомство с этими документами поразило всех смелостью высказываний. Во многих из них — в стихах, письмах, памфлетах — были призывы к непримиримой борьбе с самодержавием, к изобличению лживости и лицемерия православия.

С письмами-памфлетами Михаил Эссен обращался не только к своим противникам, но и к тем, в ком надеялся найти единомышленников. Его выбор нельзя признать удачным. Редактор журнала «Русский вестник» либерал М. Н. Катков, выступавший тогда против «крайностей» монархизма, получив письмо Эссена и его статью «По поводу речи, произнесенной на акте в Пензенской гимназии 30 июня 1856 г.», представил их в III отделение. Профессор Казанского университета Ф. Х. Лоренц не замедлил отправить письмо Эссена туда же. Оба они при этом заверяли, что автора писем не знают и никакого отношения к нему и его идеям не имеют.

Письма Эссена Каткову и Лоренцу дошли до нас. В них прославляется свобода печати, содержится призыв к борьбе за общее благо: «Уже время поднять грозный суд на все лицемерное, бездарное и вредное как в литературе, так и в жизни. Терпимость — признак бездушия...» (л. 38). «Пора открыто и гордо поднимать и вопль и суд. Горе тому, кто отречется от общего дела освобождения. Таковы убежденья наши. Пора! Пора! Пора!.. Мало надеяться и верить, мало действовать личным примером и льстить суровым молчанием, надо бороться, восставать и идти гордо на плаху... завоевывая будущее» (л. 111, 111 об.).

Автор памфлетов считал, что революционный взрыв в России уже назрел. Вождей революции он надеялся найти среди литераторов и университетской профессуры. Однако революционной ситуации в стране тогда не существовало, царизм был еще силен. Преувеличивал Михаил Эссен и способность передовых людей России в 1856 году повести за собой народные массы. Революционно-демократический лагерь еще только формировался. И тем не менее чистота и высокое благородство помыслов Михаила Эссена очевидны. Ценно и то, что автор писем видел себя самым деятельным участником решающих битв.

«Я ОТКРЫТО ПРОКЛИНАЮ ЦАРЕЙ...»

Особенно ярко умонастроение студента проявилось в его поэтическом творчестве. В делах III отделения — более сотни стихотворений Эссена. Законченные и незаконченные наброски, черновики, писанные малоразборчивым почерком, на больших листах и на клочках бумаги, они не были предназначены для печати. Тут и любовная лирика, и автобиографические размышления, и гражданская поэзия. И все это дышит неподдельной ненавистью к угнетателям народа. Презрением к тиранам и раболепным служителям трона от начала до конца проникнуто, например, стихотворение «Клятва»:

Пускай и враг царя, отчизны и закона,
Пускай меня безумные клянут
За то, что идол мой свобода,
За то, что я открыто проклинаю
Царей преступные законы
И гордым духом не смиряюсь
Пред раболепными служителями
трона.

Михаил Эссен не верил в богоосвященность царизма. Евангельскую легенду о распоряжении царя Ирода убить младенца Христа он использовал, чтобы развенчать самодержавие: рисовал царя как страшное зло. Ему не раз виделись картины гибели тиранов-царей. В III отделении обратили внимание на стихотворение «Сон»:

Я видел: мстящею рукой
Во прах поверженные троны,
Царей, осмеянных
ожесточенною толпой,
Без скиптра, и порфиры,
и короны.
Я видел в пламени пожара
Тиранов храмы и дворцы...[3]

«УСЛЫШЬТЕ КЛЯТВУ НАШУ!»

Михаил Эссен видел: массы темны и верят в царя-батюшку, улучшение своего положения народ пока еще связывает с именем нового императора. Ждет и надеется. Но, считал студент, смирению должен быть положен конец. Передовые люди русского общества, в том числе студенческая молодежь, должны помочь крестьянству понять: царизм — его злейший враг.

Пора, окрепнув средь гонений,
К отмщенью гордому взывать...

Как непохожи эти страстные призывы к борьбе на ходившие по рукам в 1855—1856 годах записки по крестьянскому вопросу либералов, заботившихся прежде всего о том, чтобы народ «не расшалился»!

В специально составленной Михаилом Эссеном листовке-обращении к крестьянам есть и страстный протест против социальной несправедливости, и горячее желание помочь страдающему люду, и прославление революционных битв. «Наше правительство, — заявлял студент в момент коронационных торжеств по случаю вступления на трон Александра II, — празднует и, усыпленное лестью, пальбою и звоном, предается безумным пирам. А между тем в нашей груди, воспитанной бесконечной любовью к народу... пробудилось давно лелеянное чувство неотразимой мести его угнетателям. Мы поклялись обречь себя на жертву правды и любви, на завоевание будущего». При этом он видит себя среди тех, кто жжет помещичьи усадьбы, сокрушает дома губернаторов и именем угнетенного народа казнит угнетателей.

---

[3] ЦГАОР, ф. 109, оп. 214. Приложения к делам III отделения I экспедиции, ед. хр. 117. «Бумаги Эссена М. Ф. Приложения к делу 215, 1856 г. Стихотворения неустановленного автора «Клятва», «К поэту», «Сон» и др. на 70 листах», л. 8 об., 3 (стихотворение «Сон» частично опубликовано в книге «История Москвы», т. III. М., 1954, стр. 781).

Итак, по мнению Эссена, революция неизбежна. Она приведет к падению самодержавия и установлению республики — «государства с избирательным образом правления». Правда, рассуждения студента о революции и установлении народовластия крайне абстрактны, но и в таком виде они представляли угрозу самодержавному строю.

УЧЕНИК ГРАНОВСКОГО И ГЕРЦЕНА

Как у верноподданнически настроенного дворянина, воспитывавшего детей в страхе божьем и преклонении перед властью монарха, появился сын-бунтарь, убежденный противник царизма, крепостничества, официальной церкви?

Родился и вырос Михаил Эссен в обедневшей дворянской семье. Учился в пензенской гимназии. Позднее он вспоминал зеленый городок с деревянными домами, немощеными улицами, сквер, обнесенный чугунной оградой... Тихая, размеренная жизнь Пензы нарушалась только в дни ярмарок, когда приезжали крестьяне близлежащих сел — русские, татары, мордва. Выходил на улицы трудовой люд — работники небольшой бумажной фабрики, мыловарни, столяры, иконописцы, переплетчики...

С детских лет впечатлительный и добрый Михаил Эссен проникся искренним сочувствием к судьбам простых людей, измученных и страдающих. Он слышал об истязаниях помещиками крестьян, о том, как доведенные до отчаяния крепостные убивали своих мучителей. Он знал и о взяточничестве чиновников, о необузданной жадности самого генерал-губернатора Панчулидзева, без зазрения совести обиравшего своих подчиненных. Слышал он и о пугачевском восстании, когда в губернии горели помещичьи усадьбы, и, конечно, о непрекращающихся волнениях крестьян в период крымской войны.

Любовь к справедливости, сочувствие народному горю не извела ни гимназическая муштра, ни душный провинциальный быт, ни казарменные порядки университетов. В Казанском университете Михаил знакомится с передовой русской литературой и искусством. Его тянет в Москву на лекции Т. Н. Грановского. Он мечтает побывать в Малом театре, увидеть великого русского актера М. С. Щепкина.

Вскоре Михаил Эссен стал студентом-вольнослушателем Московского университета. Юноша много читает, размышляет, участвует в студенческих кружках. По совету друзей вдумчивый студент аккуратно переписывает ходивший по рукам текст лекций Т. Н. Грановского. Эти лекции дают ему ориентир в понимании современного состояния России, которая стоит на пороге великих социальных потрясений. Вслед за Грановским Эссен восторгается Сократом — смелым противником отжившего и пророком нового. Мыслитель-борец, мыслитель-глашатай справедливости стал для него своего рода кумиром. Но не только в античном прошлом ищет молодой человек воплощение своих идеалов. Они тут, рядом, бесстрашные, смелые, бескорыстные. И таким идеалом борца для него становится прежде всего сам Грановский.

Рисунки из автографов студента Михаила Эссена. На первом символически изображена неизбежность победы добра над злом, социальной справедливости над ужасами самодержавия и крепостного права. Фигура в античной одежде — олицетворение человечества, жаждущего новой жизни, — приветствует восходящее солнце — символ света, торжества разума и свободы. Второй рисунок — композиция из трех фигур. В центре автопортрет. Справа схватившийся от страха руками за голову, убегающий прочь царский чиновник. Он напуган передовыми идеями молодого человека. Слева — согбенная спина крепостного крестьянина. Оба рисунка — своего рода авторские иллюстрации к стихотворениям: первый — к наброску стихотворения о неизбежности торжества свободы; второй — к автобиографическому стихотворению о размолвке с отцом — губернским чиновником, не одобрявшим прогрессивных идей сына. Оба рисунка публикуются впервые.

Ему Михаил Эссен посвятил два стихотворения. В одном из них он скорбел по безвременно ушедшему из жизни учителю и выражал свое глубокое уважение к идеалам ученого. Второе стихотворение также посвящено памяти учителя, — «К портрету Грановского». Думается, в нем речь идет об известном прижизненном, выполненном художником П. Захаровым портрете маслом, который ныне находится в Третьяковской галерее.

О, для чего художник, ты
Не окончил его изображенье,
Схватив его холодные черты,
Им дав такое выраженье.
И лик задумчивый его
Осанкой гордой заслонил.
И не прочесть в нем ничего
О том, кто он и кем он был.

А был он, по словам Н. Г. Чернышевского, «авторитетом добра и истины». А. И. Герцен подметил, что некоторые ученики Грановского пошли дальше учителя. От словесных рассуждений о добре и зле они перешли к прямому осуждению несправедливого общественного строя. В «Письмах к противнику» А. И. Герцен писал о Грановском и его учениках: «...Со всех сторон врывался в аудиторию говор об общественных делах... Оттого молодое поколение стало складываться с большим мужеством, с большей выдержкой и с большей готовностью на бой».

Студент Михаил Эссен обратил на себя внимание прогрессивного историка, одного из учеников Т. Н. Грановского — П. Н. Кудрявцева, который в свое время был близким другом В. Г. Белинского. У Кудрявцева Эссен бывал дома, слушал рассказы о встречах с великим критиком. Решающее значение для формирования мировоззрения Эссена имели произведения Герцена. Во время следствия студент не скрывал, что ряд его писем был результатом чтения работ Искандера. Подчеркнем: Михаил Эссен законспектировал впервые изданную в Лондоне вторую часть «Былого и дум» — «Тюрьма и ссылка». Картинки нравов московской полиции и провинциальной бюрократии, размышления о деспотизме самодержавия были восприняты читателем из России как обличение существующего строя.

Михаил Эссен составил для себя список герценовских изданий, которые собирался прочитать в ближайшее время. В нем были «Крещеная собственность», «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена, а также «Видения святого Кондратия», «Два письма Е. Пугачева к народу русскому» В. А. Энгельсона и другие. Хранил Михаил Эссен и объявление об издании «Полярной звезды».

«ЗАСНУВШИХ ОТ СНА ПРОБУДИ!»

Очень интересовался Эссен проблемами общественного назначения искусства. Известные строки Гейне:

> Возьми барабан, да не бойся!..
> Сильнее стучи и тревожней,
> Заснувших от сна пробуди!
> Вот смысл глубочайший искусства,
> А сам маршируй впереди!..—

он сделал эпиграфом своей статьи «По поводу речи...». И не раз повторял слова из «Фауста» Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

С этих позиций Эссен и пишет оставшееся неотправленным письмо к актеру М. С. Щепкину в связи со столетием русского театра.

Театр для Эссена — не место для праздного времяпрепровождения, а, как и для Белинского, — «высший орган правды, справедливости и прогресса», храм служения истине и народу. Театр завоевывает сердца, увлекает души. Конечно, студент в этом убежден, победы театра могли бы быть более значительными, если бы не цензура, «владычествующая всюду над свободным словом». Тем не менее на сцене русского театра осуждается косность помещичьего быта, прославляется природный ум, сметка, находчивость простых русских людей. Недаром там, с гордостью говорит Эссен, «одерживали победы... таланты угнетаемого крепостного над тупыми выходками угнетателя-помещика... Смелый гордый глагол... слышался со сцены».

Театр должен воодушевлять народ, писал Эссен, возвещать ему «возможность подвигов и побед» над эксплуататорами. Это не так-то просто, потому что трудовой люд в театре почти не бывает, знает только церковную зрелищность. А она, как и все церковное, освящающее феодально-крепостническое государство, чужда интересам народа. Трудящимся, по мнению Михаила Эссена, нужно искусство, не уводящее на небо, а вдохновляющее на борьбу за счастье на земле.

ПИСЬМО ДОБРОЛЮБОВА

После ареста Эссена начались многочасовые допросы. Он вел себя мужественно, не назвал своих друзей. На вопрос следователя: «От кого заимствовали вы идеи и какое основание или просто право имеете вы полагать, чтобы эти идеи были приняты в воспитании юношества, зная, что они противоречат правилам религии, нравственности, правительству и что они... пагубны для каждого верноподданного в частности и для целого государства?» — Эссен отвечал уклончиво, туманно, по существу вовсе не дал ответа: «Первый источник идей моих — проповедь Христа, а второй — развитие его учения — современность».

Началась переписка между III отделением, министерством внутренних дел, министерством народного просвещения и пензенским генерал-губернатором. На допросы вызывали родственников. От адресатов требовали писем Эссена. Медлительная государственная машина на этот раз действовала с поразительной расторопностью. Дважды о студенте было доложено императору. «Высочайшее распоряжение» Александра II было окончательным: «В солдаты, на Кавказ!» Оттуда, как правило, не возвращались. Талантливый студент, страстный противник социальной несправедливости, царизма и официальной идеологии, стал очередной жертвой царизма...

Но выступление Михаила Эссена не прошло бесследно. Его голос был поддержан студентами Главного педагогического института в Петербурге. Поводом послужило послание Михаила Эссена директору их института бездарному служаке И. И. Давыдову. В этом документе московский студент обличал порядки петербургского института: «Места учителей по всей России заняты по преимуществу выпускниками Педагогического института, но между тем ни в ком из занимающих эти места отсутствие дарований и всякого знания не доходит до такой уродливости, дерзости, как в этих воспитанниках. Неуважение к ним как общества, так и учеников их вполне заслужены ими. Мы негодуем, презираем их, а дети наши смеются над ними, привязывают к ним бумажные хвосты, подставляют им худые стулья в классах...» И далее: «Оскорбиться невежеством учителя мы имели право; оскорбленные мы не умели молчать и разнесли уже наш негодующий голос...» (24 об., 25).

Рассерженный Давыдов немедленно отвечает письмом директору пензенской мужской гимназии, где подвизался один из выпускников института — Амстердамский: «Очень рад, что низкая клевета, возведенная... на одного из учителей ваших, бывшего питомца Главного педагогического института, послужила к открытию презренного крокодила... ужасного злодея, заслуживающего всевозможной кары от самого правительства» [4].

Но было еще одно письмо в Пензу. Его по договоренности с группой студентов написал Н. А. Добролюбов. «Милостивый государь! — обращался он к директору пензенской мужской гимназии. — Вы, без сомнения, получили уже от директора Педагогического института письмо, присланное к нему из Пензы, с его ответом. В его ответе находится оправдание от всех обвинений, возводимых в этом письме на студентов института. Но студенты стыдятся, что защита их интересов досталась на долю человеку столь недостойному, и решаются сами сказать слово за себя. Директор наш прочитал нам как обвинение, так и свое оправдание, и мы спешим объяснить, что совсем не разделяем его точки зрения... Прежде всего скажем, что мы, студенты нового времени, люди молодого поколения, сами более всех видим те гадости, те злоупотребления, которыми отличается институт в последнее время. И мы не только не оскорбляемся негодованием пензенского общества, но еще радуемся, находя в нем сильного союзника в наших собственных усилиях к уничтожению зла...» [5].

Жизнь Михаила Эссена — одна из интересных страниц истории крепнувшего, несмотря ни на какие репрессии, революционно-демократического движения в России. «Можно быть уверенным, — пишет академик М. В. Нечкина, — что мысли и чувства М. Эссена не были исключением в среде московского студенчества: именно здесь, в стенах Московского университета, в противовес открыто заявившему о себе либеральному течению формировались революционно-демократические кружки, вдохновлявшиеся идеями Герцена и Чернышевского» [6].

---

[4] Цит. по кн.: О. Савин, Ж. Трофимов. Н. П. Ульянов в Пензе, стр. 51.
[5] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 томах, т. 9. М. — Л., 1964, стр. 499—500.
[6] Цит. по кн.: «История Москвы», т. III. М., 1954, стр. 782.

З. КОСИДОВСКИЙ

СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ

ИИСУС — ЗАГАДОЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ

ИИСУС И ЕГО СЕМЕЙСТВО

Тридцать лет жизни Иисуса до того, как он выступил со своим учением, — период, который, вероятно, навсегда останется загадкой. Евангелисты лишь фиксировали то, что было известно об Иисусе в мире эллинского христианства. А известно там о нем было совсем немного.

И все же кое-какие сведения о Иисусе проникли в эллинский мир и нашли отражение в евангелиях. Конкретную и очень важную информацию дают нам евангелия от Марка (гл. 6, ст. 3) и от Матфея (гл. 13, ст. 54—57). Мы узнаем, что Иисус был плотником, как и его отец, что у него было четыре брата: Иаков, Иосий, Симон и Иуда, а также сестры — не меньше двух, поскольку о них говорится во множественном числе. Женщины у евреев считались низшими существами, и поэтому, должно быть, евангелисты не сочли нужным назвать их имена. Мы знаем лишь, что они жили в Назарете.

Сведения о том, что у Иисуса были братья и сестры, в высшей степени невыгодны для церкви, ибо христиане обязаны верить в догму постоянной непорочности богоматери. Поэтому с незапамятных времен, с момента зарождения культа девы Марии, церковники искали выход из этого щекотливого положения.

Самую древнюю версию, долженствующую спасти догму о непорочности богоматери, выдвинул анонимный автор апокрифического Протоевангелия от Иакова, относящегося ко II веку. По этой версии, Иаков, Иосий, Симон и Иуда были сыновьями Иосифа от первого брака и приходились Иисусу всего лишь сводными братьями.

Этот тезис нетрудно опровергнуть, поскольку он совершенно ничем не подкреплен. Ни в одном каноническом евангелии не сказано, что Иосиф был вдовцом. Протоевангелие же от Иакова славится содержащимися в нем безответственными вымыслами. Версия о сводных братьях может быть в лучшем случае охарактеризована как наивная агиографическая новелла. Из Протоевангелия от Иакова мы узнаем также, что родители Марии долгое время не имели детей, а потом ангел предсказал им скорое появление на свет дочери. С трех до двенадцати лет Мария пребывала в Иерусалимском храме, где ее, словно горлицу, кормил ангел. А когда пришло время выдавать ее замуж, священники начали искать ей покровителя, «дабы не запятнала она храма божьего». Выбор пал на Иосифа, уже пожилого мужчину. Спустя некоторое время произошло благовещение. Когда обнаружилось, что Мария беременна, ее вместе с Иосифом привели на суд к первосвященнику и оправдали лишь после «испытания водой». Далее следует рассказ о рождении святого младенца в Вифлееме.

Но есть и другая версия, которую по сей день отстаивают официально католические библеисты. Согласно ей, «братья Иисуса» были в действительности его двоюродными братьями с материнской стороны. Эту версию выдвинул христианский автор Иероним. В своем полемическом трактате «Против Гельвидия» (387 г.) он заявляет в апологетическом пылу, что «братья» не были ни детьми Марии, ни детьми Иосифа от первого брака. Они были детьми другой Марии — родственницы богородицы и жены Клеопа. Она упоминается в Евангелии от Иоанна: «При кресте Иисуса стояли матерь его и сестра матери его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина» (гл. 19, ст. 25).

В Новом завете три персонажа носят имя Иаков, в том числе один из двенадцати апостолов Иаков Алфеев, то есть сын Алфея, известного также под греческим именем Клеоп. Именно этого человека церковники отождествляют с Иаковом — «братом господним».

Надо сразу сказать, что Новый завет не дает никаких оснований для такого отождествления. Напротив, в Деяниях апостолов есть строки, из которых видно, как на ладони, что это были разные люди. Вот что там сказано: «И, придя, взошли в горницу, где и пребывали, Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, **брат** Иакова. Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с **некоторыми** женами и Мариею, матерью Иисуса, и с братьями его» (гл. I, ст. 13, 14).

У евангелистов также никогда не было сомнений в том, что Иаков, Иосий, Симон и Иуда родные братья Иисуса. Они называют их всегда рядом с Иосифом и Марией, родителями Иисуса, и никогда рядом с Марией Клеоповой. Вот примеры.

«Не плотник ли он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, его сестры?» (Евангелие от Марка, гл. 6, ст. 3).

«И пришли к нему матерь и братья его, и не могли подойти к нему по причине народа. И дали знать ему: матерь и братья твои стоят вне, желая видеть тебя» (Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 19, 20).

В одном из самых ранних документов христианства, в послании святого Павла к галатам, мы встречаем то же определение. Вот что там сказано: «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из апостолов я не видел **никого**, кроме Иакова, брата господня» (гл. 1, ст. 18,19).

Называя Иакова, главу Иерусалимской общины «братом господним», Павел не мог считать его сводным братом или кузеном Иисуса. Он ведь адресо-

Окончание. Начало см. в № 8, 9, 10.

вал свое послание в Галатию, единоверцам, жившим далеко от Иерусалима и не разбиравшимся в родственных отношениях в семье Иисуса. Если он написал «брат господень», ничего к этому не добавляя, то ясно, что он представлял галатам Иакова как родного брата Иисуса. Иначе он бы дополнил свою информацию, добавив, например, что матерью Иакова была Мария Клеопова или что Иаков — сын Иосифа от первого брака.

Впрочем, в Евангелии от Матфея есть фраза, которая делает, в сущности, беспредметной всю эту аргументацию, ибо она опровергает догму о постоянной непорочности Марии. Вот она: «Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему ангел господень, и принял жену свою, и не знал ее. Как наконец она родила сына своего первенца, и он нарек ему имя Иисус» (гл. I, ст. 24, 25). Из этого отрывка неопровержимо явствует, что, по мнению евангелистов, непорочное зачатие произошло лишь однажды, при зачатии Иисуса, а потом Иосиф с Марией жили нормальной супружеской жизнью, и поэтому Иисус был первенцем, а не единственным сыном.

В авторитетных кругах библеистов давно уже возобладало мнение, что сказание о благовещении и непорочном зачатии — это типичная легенда. Недаром об этом столь важном для христианской доктрины чудесном событии ни слова не говорят Марк, Иоанн и Павел. Что же касается Матфея и Луки, то идею девственности Марии и непорочного зачатия они позаимствовали, по всей видимости, из Ветхого завета. Матфей указывает нам вдохновивший его источник, а именно пророчество Исаии: «Се, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему: Еммануил» (гл. 7, ст. 14). По убеждению Матфея, чудесное зачатие и рождение должно было непременно иметь место в жизни Иисуса, дабы сбылось «реченное господом через пророка» (гл. 1, ст. 22).

Оказывается, однако, что Матфей пал жертвой переводческой ошибки. Греческое слово «парфенос», действительно, значит «девица», но оно не передает всех оттенков древнееврейского слова «алма», употребленного в подлиннике книги пророка Исаии. «Алма» значит и «девица», и «молодая женщина». Иудейские библеисты решительно утверждают, что Исаия имел в виду «молодую женщину» и что понятие непорочного зачатия иудеям совершенно чуждо. В свою очередь христиане, защищая свою доктрину, обвиняли иудеев в искажении мысли пророка.

Подгонять тексты Нового завета под доктрину о постоянной девственности Марии позволяло церковникам то обстоятельство, что и греческое и арамейское слова «брат» («аделфои» и «ах») имеют много значений. Ими можно обозначать не только родного, но и сводного и двоюродного брата и даже члена какого-нибудь содружества. Это давало возможность произвольного толкования этого слова, чем и воспользовались церковники, чтобы подкрепить свою доктрину. Всякие же повествовательные дополнения, типа версий о Марии Клеоповой или о вдовстве Иосифа, всего лишь выдумки богословов.

Характерно, кстати, что в Новом завете Мария появляется крайне редко, оставаясь, в сущности, на заднем плане. В самом древнем евангелии—от Марка — она упомянута всего один раз, причем даже не названа по имени. В евангелиях от Матфея и от Луки о ней говорится по четыре раза; от Иоанна — три раза и снова безымянно. В Деяниях апостолов она упомянута трижды, а Павел в своих посланиях не упоминает о ней ни разу, будто и не слыхал о ее существовании. Неужели он позволил бы себе такое умолчание, если бы знал и верил, что она была избранницей святого духа и что рождение ее сына сопровождалось всеми теми сверхъестественными явлениями, о которых несколькими десятилетиями позже возвестили миру Матфей и Лука?

Правда, как рассказано в Деяниях апостолов, Мария молилась вместе с апостолами, а Иоанн — единственный, впрочем, из евангелистов — сообщает, что она стояла под крестом Иисуса, но в остальном бросается в глаза ее отсутствие в самые драматические и переломные моменты жизни ее сына: в сценах страстей господних, распятия, захоронения и воскресения. Она не увидела Иисуса также и после воскресения, когда он будто бы являлся другим людям, и даже не участвовала в сцене вознесения, когда ей представлялась возможность попрощаться с ним в последний раз. И у читателей, естественно, возникает вопрос: где же она была, когда происходило все это?

Поневоле напрашивается вывод, что авторы Нового завета, в соответствии с понятиями своего времени, представляли себе Марию как скромную семитскую женщину, подчиненную мужу, поглощенную без остатка домом и детьми. Вспомним, каково было социальное положение женщин той поры. Павел, например, верный традициям своих семитских предков, указывал, что женщина в знак покорности должна входить в молитвенный дом с покрытой головой, а в первом послании Павла к Тимофею говорится, что долг женщины не поучать, а молчать.

Евангелисты и представить себе не могли, что Мария, будучи женщиной, могла сыграть сколько-нибудь значительную роль в драматической жизни Иисуса. Она рисовалась им такой же, как и все другие ее современницы в Галилее. Для Матфея и Луки просто не существовало теологической проблемы пожизненной девственности Марии, им и в голову не приходило, что употребляемое ими выражение «брат господень» может впоследствии толковаться неправильно и его следует уточнить.

Таким образом становится понятным, почему в первые столетия существования христианства не было и речи о культе Марии. Это установил, в частности, в результате многолетней исследовательской работы крупный специалист по данному вопросу — немецкий библеист Вальтер Делиус, автор известной книги «История обожествления Марии». Когда же под влиянием существовавшего на Востоке с незапамятных времен культа богини-матери в христианстве начала проявляться тенденция к возвеличению Марии, она встретила сопротивление со стороны некоторых христианских писателей. Тертуллиан, например, считал, что Мария, родив Иисуса, жила затем с Иосифом нормальной супружеской жизнью. Ориген утверждал, что у Иисуса были родные братья и сестры. Даже Иоанн Златоуст и Блаженный Августин не были убеждены в непорочности Марии, то есть сомневались в доктрине о ее пожизненной девственности.

В 431 и 449 годах состоялось два вселенских собора в Ефесе — древнем центре культа богини-матери Артемиды. Под давлением потомков почитателей Артемиды соборы постановили, что Мария являлась «божьей родительницей» («теотокос»). Обстановка, в которой удалось провести эту резолюцию, была не только бурной и напряженной, но порою гротескной. Сторонники культа Марии обеспечили себе победу следующим способом: у входа в помещение, где происходил собор, они выставили охрану, не пропускавшую внутрь представителей оппозиции. Епископы, на которых не распространялись эти ограничения, приходили в пылу споров в такое возбуждение, что осыпали друг друга прокля-

тиями, таскали [redacted] бороды [redacted] даже пускали [redacted] ход кулаки. До нас дошли рассказы очевидцев этих событий. Вот что пишет, например, архиепископ Никифор: «Флавиан (противник культа Марии.— З. К.) был избит Диоскуром кулаками [redacted] [redacted] ногой [redacted] живот [redacted] умер три дня спустя». Монах Зонарес изображает эту сцену еще более красочно, утверждая, [redacted] Диоскур в полном [redacted] одеянии лягался, [redacted] дикий осел», угрожая [redacted] ме[redacted]. Были дни, когда заседание собора [redacted] общей потасовкой между монахами, священниками [redacted] верующими.

Культ Марии, восторжествовав [redacted] Ефесе, быстро перекинулся [redacted] Италию. Папа Сикст III в V [redacted] построил [redacted] Риме базилику Санта-Мария Маджоре [redacted] [redacted] храма, посвященного богине-матери Юноне-Люцине, посещавшегося [redacted] римлянами.

Однако разногласия [redacted] поводу непорочного зачатия Марии отнюдь [redacted] заглохли. Когда [redacted] начале XII века [redacted] монастырях Нормандии [redacted] Бретании ввели праздник святой девы Марии, выступил с возраже[redacted] один [redacted] [redacted] влиятельных церковных деятелей того времени, основатель ряда монастырей [redacted] Франции Бернар Клерво, утверждая, [redacted] этот праздник противоречит доктрине Блаженного Авгу[redacted] [redacted] первородном грехе.

Споры вокруг этой теологической проблемы [redacted]лись также между орденами доминиканцев [redacted] францисканцев. Собор [redacted] Базеле, призванный решить этот вопрос, тянулся два года [redacted] напряженной атмосфере ожесточенных дискуссий. Когда в конце концов [redacted] 1439 году [redacted] верх сторонники взгляда, что вера [redacted] непорочное зачатие [redacted] идет вразрез [redacted] хрис[redacted] учением [redacted] с религиозным чувством верующих, против этого официально выступил Парижский университет, считавшийся [redacted] [redacted] время крупнейшим авторитетом [redacted] области христианской теологии. Про[redacted] еще тридцать [redacted] лет, прежде [redacted] в 1476 году [redacted] Сикст IV решился утвердить праздник официально. Многовековые усилия, направленные на то, чтобы возвести Марию [redacted] алтарь, [redacted]ной победой лишь [redacted] 1854 году, когда папа Пий IX специальным декретом объявил непорочное [redacted] догматом христианства.

Однако нельзя считать, что это была победа исключительно церковников [redacted] теоретиков богословия. Они были лишь выразителями настроений [redacted] чувств широких [redacted] верующих. После [redacted] языческого культа богини-матери простые люди все сильнее ощущали потребность какого-нибудь материнского посредничества между [redacted] [redacted] богом, потребность [redacted] ком-то [redacted] [redacted] снисходительном, [redacted] кому [redacted] [redacted] бы обращаться со [redacted] человеческими делами, бедами [redacted] невзгодами.

Поклонение деве Марии [redacted] отражение не только [redacted] высоком искусстве — живописи, скульптуре, музыке, поэзии, — [redacted] и [redacted] других, более при[redacted] формах. Очень человечный [redacted] поистине трогательный след этого культа обнаружен не [redacted] давно в аббатстве Ремсэй [redacted] Англии — при реставрации монастырской церкви. За фресками над входом в часовню девы Марии оказалась небольшая ниша, [redacted] в ней символизирующая Марию искусственная роза 850-летнего возраста. Она уже, разумеется, [redacted] [redacted] посерела, [redacted] сохранила форму: еще [redacted] было различить отдельные искусно сделанные лепестки. Археологи полагают, что [redacted] время строительства храма какой-то каменщик решил та[redacted] образом тайком выразить свою любовь [redacted] богородице. Это дошедшее до [redacted] из далекого прошлого свидетельство говорит [redacted] популярности культа Марии среди простого народа.

Для полноты картины стоит еще, пожалуй, рассказать, что [redacted] главном европейском центре культа девы Марии — [redacted] Лорето находится [redacted] [redacted] пред[redacted] почитания маленькая скромная хибарка, [redacted] которой некогда якобы проживала матерь божья [redacted]торую, согласно легенде, [redacted] 1295 году ангелы перенесли туда [redacted] Назарета.

Итак, [redacted] реальной жизни Марии — матери Хрис[redacted] — известно очень [redacted]. Евангелисты упоминают о [redacted] лишь вскользь. За исключением легендарных сцен рождения Иисуса [redacted] пира [redacted] Кане Галилейской, где [redacted] произносит несколько фраз, исполненных женской покорности, [redacted] всех остальных главах евангелий она либо отсутствует, либо ведет себя [redacted] немая.

Мы [redacted] знаем [redacted] точности, например, когда [redacted] закончила свой земной путь. На этот [redacted] существуют две версии, взаимоисключающие друг друга. Согласно первой, Мария умерла [redacted] 52 году в Иеруса[redacted] [redacted] похоронена [redacted] саду Гефсимания. Вторая отличается большей фантазией. Согласно ей, апостол Иоанн, которому Иисус, умирая на кресте, поручил заботу о своей матери, [redacted] [redacted] с собой [redacted] Ефес, где [redacted] и умерла восьмидесяти лет от роду. Странно только, что Павел, который провел [redacted] Ефесе три года [redacted] должен был бы встретить [redacted] там, [redacted] своих по[redacted] не упоминает об [redacted] [redacted] единым [redacted]. Мыслимо ли, чтобы [redacted] [redacted] демонстративно игнорировал [redacted] Спасителя?

[redacted] начале прошлого [redacted] [redacted] монахиня, духовидица и стигматичка* Екатерина Эммерих утверждала, что [redacted] видениях ей представилась вся [redacted] Марии. Эммерих [redacted] [redacted] [redacted] Ефесе, где богородица будто бы провела последние годы своей жизни. Группа [redacted] священников отправилась тогда в Ефес, чтобы, следуя указаниям духовидицы, отыскать домик. После долгих раскопок [redacted] натолкнулись [redacted] развалины маленького строения, соответствующего, на их взгляд, [redacted] описанию. Они восстановили его, построили рядом гостиницу [redacted] опо[redacted] [redacted] мир [redacted] своем открытии. Вокруг [redacted] святилища начали вскоре создаваться легенды [redacted] случаях чудесного исцеления, туда устремились тол[redacted] паломников. В праздник пресвятой девы Марии, 15 августа, [redacted] устраивали специальные торжественные богослужения [redacted] крестным ходом.

Богословы [redacted] могли, однако, примириться с мыслью, что Мария умерла естественной смертью, [redacted] обыкновенный человек. Ведь она была матерью божьей [redacted] [redacted] могла подчиняться [redacted] природы, [redacted] тело не могло истлеть. Поэтому [redacted] апокрифов было заимствовано, [redacted] частности, трогательное сказание [redacted] том, что Мария, правда, умерла естественной смертью [redacted] была похоронена [redacted] Гефсимании, но, очевидно, тело [redacted] вознеслось [redacted] небо, потому что, когда вскрыли [redacted] могилу, [redacted] останков нашли бу[redacted] свежих, словно только что положенных туда роз.

Посвященный этому событию праздник успения ввела поначалу [redacted] восточная церковь, [redacted] [redacted] то лишь [redacted] IV веке. Что [redacted] касается римско-католичес[redacted] церкви, то прошло еще двести лет, прежде чем [redacted] решилась узаконить этот праздник.

[redacted] 1950 году папа Пий XII объявил успение богоматери и ее телесное вознесение догматом. Однако новый догмат [redacted] [redacted] под собой никакой базы,

* Стигматизм — [redacted] истерии и нейровегетативных нарушений [redacted] почве религиозной экзальтации. [redacted] теле [redacted] [redacted] [redacted] пятна [redacted] раны [redacted] тех местах, где были якобы [redacted] у Иисуса, распятого [redacted] кресте (прим. пер.).

кроме апокрифов. Надо было найти ему опору в канонических текстах Нового завета. И такой текст был найден. Это начало 12-й главы Откровения Иоанна Богослова. В Откровении сказано следующее: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения». Насколько это место подходит для обоснования догмата о телесном вознесении богоматери, судить читателям.

Одним из самых интригующих образов Нового завета является Иосиф, отец Иисуса. Матфей и Лука упоминают о нем в своих родословных и рождественских сказаниях, а затем упорно обходят жизнь его молчанием. Что же касается евангелий от Марка и Иоанна, Деяний апостолов и посланий Павла, то их авторы словно бы вообще не знают о его существовании.

Это тем более странно, что ведь Иосиф сыграл в жизни Иисуса немалую роль. Во-первых, если верить Матфею, ангел божий именно ему, а не Марии сообщил благую весть. Кроме того, Иосиф как-никак вырастил Иисуса, и совершенно неважно, был ли он ему родным отцом или всего лишь опекуном. Ну, и самое главное то, что он считался прямым потомком Давида и именно по его родословной строилась версия о царском происхождении Иисуса. Матфей и Лука для того и составили родословие Христа, чтобы доказать это скептикам и маловерам.

Но они взялись за это, каждый на свой страх и риск, без согласования, и в результате в Новом завете содержатся две различные родословные Христа, исключающие друг друга в ряде звеньев, что, разумеется, ставит под сомнение их историческую достоверность. По Матфею, Иосиф — сын Иакова, а по Луке — сын Илии. Впрочем, уже то, что Лука ведет родословную Иисуса от самого Адама, перечисляя его предков поименно одного за другим, свидетельствует о ее фантастическом характере. Тут вспоминается первое послание к Тимофею, в котором Павел призывает ефесских единоверцев, чтобы они «не занимались баснями и родословиями бесконечными» (гл. 1, ст. 4). Очевидно, составление родословных было тогда модой, и оба евангелиста отдали ей дань.

Подобные противоречия не должны нас удивлять. Мы их встречали уже неоднократно и будем встречать еще, так что, пожалуй, их можно назвать неотъемлемым свойством Нового завета.

Хуже то, что Матфей и Лука проявляют непростительное отсутствие логики в одном из существеннейших вопросов христологии. Они, как говорилось выше, основывают царскую родословную Иисуса на отцовстве Иосифа, совершенно забывая, что, по их же собственной концепции непорочного зачатия, Иисус, сын Марии, не был плотью от плоти Иосифа и, следовательно, не был потомком Давида. Эту вопиющую непоследовательность в столь важном вопросе можно объяснить лишь тем, что евангелисты запутались в собственном повествовании, желая во что бы то ни стало показать, что Иисус оправдывает ветхозаветное пророчество о происхождении мессии из дома Давидова.

Некоторых теологов уже в первые столетия христианской эры очень смущала эта логическая беспомощность евангелистов. Они пытались как-то исправить положение и, применив все свои казуистические способности, придумали следующее: Мария была близкой родственницей Иосифа, и, стало быть, в ее жилах тоже текла царская кровь.

Труднее было, однако, обосновать этот тезис. Во всем Новом завете нет ни единого намека на что-либо подобное. Поэтому теологам пришлось заглянуть в далекое прошлое, в древнееврейский закон левирата. По этому закону бездетная вдова обязана была выйти замуж за брата покойного мужа или за другого родственника. Правда, Мария не была вдовой, но теологи нашли выход и из этого затруднения. Она была, по их словам, «дочерью-наследницей», на которую распространялся тот же закон. И если ее выдали замуж за Иосифа, то значит она состояла в близком родстве с ним.

Все это, конечно, чистейший софизм, поскольку в его основе лежат вымышленные предпосылки. В дошедших до нас письменных источниках нет ничего, что бы позволило предположить, будто у древних евреев существовали «дочери-наследницы», подчиняющиеся особым законам, и будто Мария принадлежала к их числу.

Зато нам известно со всей достоверностью, что никому из древних евреев и в голову не могло прийти вести свою родословную от предков по материнской линии. У семитских народов в родословных учитывались исключительно предки мужского пола.

Мы уже писали, что Иосиф весьма редко упоминается в текстах Нового завета. Евангелисты, говоря о семействе Иисуса, обходят молчанием его главу.

Современные исследователи выдвигают различные предположения по поводу этих умолчаний. Давид Штраус, например, видит здесь три возможности: или Иосиф рано умер, или не одобрял деятельности сына, или, наконец, его не включали в предания из догматических соображений: ведь в соответствии с более поздней христологической доктриной он не был отцом Иисуса. Самым убедительным нам представляется предположение, что Иосиф умер и Мария осталась вдовой.

Когда же он мог умереть? В двенадцать лет Иисус, как рассказывает Лука, тайком покинул своих родных, возвращавшихся в Назарет, и остался в Иерусалиме, где в храме поражал ученых мужей своей мудростью. Марии пришлось прервать свой путь домой и отправиться на поиски сына. Найдя его наконец, она сказала: «Чадо! что ты сделал с нами? Вот, отец твой и я с великою скорбью искали тебя» (гл. 2, ст. 48).

Итак, если верить Луке, в ту пору Иосиф был еще жив.

Трех младших братьев Иисуса — Иосия, Симона и Иуду мы знаем только по именам. Это были, очевидно, ничем не примечательные люди, стоявшие в стороне от всего, что происходило с их братом.

Зато довольно много нам известно о Иакове. Мы знаем, что он в течение 18 лет стоял во главе иерусалимской общины. Мы знаем также, что он пользовался большим авторитетом у всех жителей Иерусалима и, когда его побили каменьями, возмущение еврейской общественности было так велико, что римский наместник лишил виновника этой казни Ананию II сана первосвященника. Даже историк Иосиф Флавий, при всей своей преданности Моисеевой религии, выступил в защиту Иакова, заклеймил Ананию.

Благодаря христианскому историку Евсевию, который приводит в своих сочинениях обширные отрывки из не дошедшего до нас «Дневника Иегесифа» (180 г.), мы узнаем еще ряд любопытных деталей. Иегесиф сообщает, что Иаков был святым уже во чреве матери, и стал назореем, не пил ни вина, ни других крепких напитков и не брал в рот

мяса. Он никогда не стриг волосы, не купался при людях, не натирался благовониями. Его колени были мозолисты, как колени верблюда, ибо он по целым дням, коленопреклоненный, молился в храме о том, чтобы бог простил людям их грехи.

Иисус, как мы знаем, садился за один стол с мытарями и грешниками. Но нельзя забывать, что это были всегда только иудеи. В евангелиях нет ни слова о том, что он разделил хоть раз трапезу с язычниками, как это делали позднее в Антиохии Петр, Павел и Варнава.

Хоть Иисус никогда не сказал ни слова в защиту еврейской женщины, дискриминируемой, лишенной человеческих прав и рассматриваемой мужчинами, как вещь, как собственность (в этом отношении он не обнаруживал никакой тяги к реформам), однако в своей повседневной жизни нарушал эти древние традиции. Так, например, он поддерживал дружеские отношения с сестрами Лазаря, Марией и Марфой, охотно их навещал и подолгу беседовал с ними. Недаром Иоанн пишет, что Иисус «любил Марфу и сестру ее и Лазаря» (гл. 11, ст. 5). Он встал на защиту женщины, виновной в прелюбодеянии, и даже, если поверить типично аллегорическому сказанию Иоанна, удостоил беседой самарянскую женщину, встреченную у Иаковлева колодца. Его поведение в этот раз было настолько необычным, что поразило даже его ближайших учеников: «В это время пришли ученики его, и удивились, что он разговаривал с женщиною; однакож ни один не сказал: чего ты требуешь? или: о чем говоришь с нею?» (гл. 4, ст. 27).

Мытари, грешники, блудница и женщина из ненавистного иудеям племени — такова была компания Иисуса. Враждебно настроенные соплеменники говорили о нем: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Евангелие от Луки, гл. 7, ст. 34). А жители Назарета, знавшие его с детства, с возмущением спрашивали, по какому праву он учит закону божьему. «И, придя в отечество свое, — рассказывает Матфей, — учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у него такая премудрость и силы? не плотников ли он сын? не его ли мать называется Мария, и братья его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? и сестры его не все ли между нами? откуда же у него все это? И соблазнялись о нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (гл. 13, ст. 54—57). Лука заканчивает этот инцидент гораздо более драматично; по его словам, жители Назарета были так возмущены, что выгнали Иисуса из города и пытались его убить (гл. 4, ст. 29).

Слухи об этих инцидентах, несомненно, доходили до семьи Иисуса, производя там тягостное впечатление. Мария страдала от того, что ее первородный сын скитается по свету, вызывая возмущение. То, что ей рассказывали сыновья, в особенности Иаков, самый ревностный среди них приверженец иудаизма, очень волновало ее. Ведь Иисус проповедовал взгляды, ниспровергающие те строгие религиозные принципы, которые она внушала ему с детства.

Из Нового завета неопровержимо явствует, что семейство Иисуса не верило в его божественную миссию, не понимало ни его самого, ни его учения и относилось к нему прямо-таки враждебно. Как же иначе толковать слова евангелиста Иоанна: «Ибо и братья его не веровали в него»? (гл. 7, ст. 5). А знакомый уже нам и заслуживающий доверия христианский историк II века Иегесиф утверждает, что ученые мужи уговаривали Иакова выступить публично против Иисуса.

Итак, несмотря на то, что Иисус прославился уже рядом чудесных исцелений и обрел не только толпы последователей, но двенадцать постоянно сопровождавших его беззаветно преданных ему учеников, его мать и братья как бы не замечали этих успехов, думая, что он лишился рассудка и его необходимо взять под опеку. «И, услышав, ближние его пошли взять его, — сообщает Марк, — ибо говорили, что он вышел из себя» (гл. 3, ст. 21).

Судя также по некоторым другим фразам в евангелиях от Матфея, Марка и Луки, отношения между Иисусом и его близкими не были чересчур нежны (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 46 и далее; Евангелие от Марка, гл. 3, ст. 31 и далее; Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 19). Марк рассказывает: «И пришли матерь и братья его и, стоя вне дома, послали к нему звать его. Около него сидел народ. И сказали ему: вот, матерь твоя и братья твои и сестры твои, вне дома, спрашивают тебя. И отвечал им: кто матерь моя и братья мои? И обозрев сидящих вокруг себя, говорит: вот матерь моя и братья мои; ибо кто будет исполнять волю божию, тот мне брат, и сестра, и матерь» (гл. 3, ст. 31—35).

Как выразителен этот краткий эпизод! Характерно прежде всего то, что Иисус не вышел на улицу к матери и братьям, а ответил им через посредника. Словно знал их намерения и опасался, что они насильно уведут его домой. А каков сам ответ?! Это резкая отповедь, лишенная какой-либо нежности, а ведь она адресована родной матери!

Семейный разлад сказался и в последние дни жизни Иисуса. Матфей, Марк и Лука единодушно сообщают, что никто из ближайших родственников Иисуса не появился у креста, когда он умирал, никто не позаботился о захоронении тела; его похоронил посторонний человек — Иосиф из Аримафеи. А ведь римское право разрешало семьям забирать тела казненных.

Правда, Иоанн утверждает, что Мария вместе с другими женщинами стояла около распятого Иисуса, но мы уже знаем, что этот евангелист произвольно подбирал легенды, нужные ему для его теологических целей. Поэтому большего доверия в этом случае заслуживают синоптики.

Мы уже приводили тезис библеистов о том, что все евангельские истории, которые идут вразрез с ведущей христологической идеей, или полностью достоверны, или содержат хоть крупицы истины. К этой категории следует отнести и сведения о семейных конфликтах Иисуса. Они дискредитируют одно из самых важных для христианства евангельских сказаний. Если Мария знала, что Иисус рожден мессией, если его рождение предварялось и сопровождалось такими сверхъестественными явлениями, как благовещение архангела Гавриила, непорочное зачатие, ангельское пение и поклонение трех волхвов, то как она могла не понимать поведения Иисуса и считать его безумцем? Это гротескное противоречие подметил уже Цельс, писавший в своем полемическом трактате «Истинное слово» (178 г.): «Что касается матери Иисуса, Марии, то она никогда не сознавала, что породила неземное существо, сына божьего. Напротив, христиане забыли вычеркнуть из евангелий фразу о том, что Мария считала Иисуса безумцем и вместе с другими членами семьи пыталась его пленить и изолировать от окружающих».

Перевела с польского Э. Гессен

О новой книге Зенона Косидовского

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

Перевернута последняя страница отрывков из новой книги Зенона Косидовского. Перед читателями прошли во всей их противоречивости сказания о евангельских персонажах — основателе христианской религии Иисусе и его ближайших последователях. Верующих этот рассказ о Новом завете заставит задуматься над истинностью многих церковных догматов, атеистов познакомит с научным анализом раннехристианских произведений, а всем читателям раскроет историческую эпоху и социальную психологию, которые оказали решающее воздействие на формирование новой религии.

Автор не просто анализирует и сопоставляет тексты. В его рассказе действуют живые люди, тесно связанные со своей эпохой и средой и в то же время наделенные индивидуальной психологией. Популярность сочетается в книге З. Косидовского с научностью. Он сообщает нам о новых открытиях, приводит точки зрения современных ученых, выбирает самое основное и органически включает эти трактовки в ткань своего повествования.

Пожалуй, единственное существенное открытие, связанное с личностью Иисуса, которое не разбирает З. Косидовский, — это недавно опубликованный арабский перевод свидетельства Иосифа Флавия об Иисусе (само это свидетельство, как оно дошло до нас, автор приводит и разбирает). Перевод содержится в рукописи египетского епископа Агапия, написавшего «всеобщую» историю вплоть до X века. В версии, приведенной Агапием, сказано: «В это время был мудрый человек, которого звали Иисус. Весь его образ жизни был безупречным и он был известен своей добродетельностью, и многие люди среди евреев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и на смерть. Но те, кто стали его учениками, не отказались от его учения. Они рассказывали, что он им явился через три дня после распятия и что он был тогда живым; таким образом, он был, может быть, мессия, о чудесных деяниях которого возвестили пророки».

Текст Агапия отличается от текста греческих рукописей историка Иосифа Флавия прежде всего тем, что у него воскресение Иисуса — не факт, а рассказ его учеников. Нет также упоминания о доносах «знаменитейших» иудеев, на основании которых Пилат якобы осудил Иисуса. Вполне возможно, что текст Агапия является переводом подлинных слов Иосифа Флавия; в распоряжении его мог находиться список, которого не коснулась рука христианского переписчика. Вряд ли египетский епископ мог допустить тут искажения, снижающие божественный ореол вокруг образа Иисуса[1].

Текст Агапия заставляет пересмотреть оценку, данную Косидовским свидетельству Флавия как законченной фальшивке, но к нашим знаниям об Иисусе он прибавляет мало. Он лишь свидетельствует о том, что Иосиф Флавий слышал об Иисусе и его мессианстве. Но об этом было известно и раньше: в XX книге «Иудейских древностей» Иосиф Флавий сообщает о казни Иакова, брата Иисуса, так называемого Христа (формулировка, близкая по смыслу к тексту Агапия). В то же время мы видим, что Флавий знал об Иисусе очень мало — только о самом факте его существования и распятии римлянами. Иисус для него — один из многих пророков, о которых он упоминает в своей книге.

Если суммировать коротко концепцию З. Косидовского по поводу зарождения христианства, то она сводится к следующему: на рубеже нашей эры и в первые века ее обстановка в Римской империи, в частности в Палестине, была такова, что мессианистские идеи иудеев и христиан встречали среди деклассированных слоев населения благодатную почву. Народные массы верили, что только сверхъестественные силы могут изменить их жизнь к лучшему. Среди бродячих проповедников и пророков был и некий Иисус, «один из миллионов рабов». Впоследствии потребность в новой вере, религиозная экзальтация его учеников создали образ воскресшего спасителя: другими словами, произошла мифологизация событий жизни некоего реального проповедника. Евангелия создавались значительное время спустя после его смерти; последователи христианского вероучения домысливали неизвестные им факты биографии Иисуса, черпая их главным образом из пророчеств Ветхого завета, чтобы подтвердить мессианизм Иисуса. Ему приписывались изречения, которые должны были оправдать те или иные обряды, сложившиеся в различных христианских общинах. З. Косидовский убедительно показывает, что новозаветные произведения создавались, с одной стороны, на основе устной традиции, развивавшейся по законам народного творчества, с другой — путем сознательно тенденциозного творчества авторов евангелий. Хотя евангелия написаны не теми людьми, имена которых стоят в их заглавиях, это — произведения авторские, и Косидовский раскрывает индивидуальные особенности стилистики каждого.

Своего рода историческим ядром евангельских мифов Косидовский вслед за многими учеными считает те фактические сведения, которые не только не были нужны для христологии — то есть для создания образа божественного Иисуса, но в известной мере мешали этому и требовали специальных объяснений и обоснований. К таким фактам Косидовский относит, например, галилейское происхождение Иисуса.

Насколько концепция Косидовского соответствует выводам советской исторической науки? Если мы так мало знаем об Иисусе, то, может быть, его вообще не существовало?

В нашей науке нет в настоящее время единой точки зрения по этому вопросу. Ряд ученых в течение долгого времени разрабатывали мифологическую теорию (Р. Ю. Виппер, А. Б. Ранович, С. И. Ковалев, Я. А. Ленцман, И. А. Крывелев). Основные аргументы сторонников этой теории можно свести к двум положениям: отсутствие упоминаний об Иисусе у нехристианских авторов I века нашей эры и эволюция образа Христа от более раннего представления о нем как о боге к образу, наделенному конкретными человеческими чертами[2]. С точки зрения сторонников мифологической теории, христианство представляет собой развитие и объединение различных солнечных культов, чье божество подверглось очеловечиванию во II веке нашей эры.

Однако накопление нового материала (в частности, открытие кумранских рукописей, папирусных фрагментов евангелий, анализ общих законов мифотворчества) привело к тому, что другие исследователи поставили вопрос о возможном историческом существовании Иисуса — проповедника из Галилеи (А. П. Каждан, И. Д. Амусин, М. М. Кубланов, а также автор этих строк). Молчание нехристианских авторов, как мы видели на примере Иосифа Флавия, не является абсолютным; что же касается эволюции образа Христа, то

---

[1] Подробнее об этом тексте см.: М. М. Кубланов. Возникновение христианства. М., 1974, стр. 67—69.

[2] Более подробно см.: И. А. Крывелев. История религий, т. 1. М., 1975, стр. 148.

проследить ее можно, только принимая во внимание хронологию (далеко не всегда ясную) и идеологическую направленность всех христианских сочинений.

Совокупность новых данных привела к тому, что у некоторых сторонников мифологической школы позиция несколько изменилась: так, Я. А. Ленцман в 1958 году в книге «Происхождение христианства» писал, что научные доказательства отнюдь не свидетельствуют в пользу исторического существования Иисуса, а через девять лет в книге «Сравнивая евангелия» он оставил этот вопрос открытым и предостерег от абсолютизации мифологической теории.

Нельзя также забывать, что Ф. Энгельс критиковал Бруно Бауэра, одного из основателей мифологической теории, за то, что тот «как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, во многом далеко хватил через край...». В связи с этим Энгельс отмечал, что у Бауэра «исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний о Иисусе и его учениках»[3].

Однако следует подчеркнуть: признание реальности прототипа для образа Иисуса Христа отнюдь не меняет наших представлений о мифологическом характере основных новозаветных сказаний. И З. Косидовский весьма убедительно показывает этот процесс мифологизации образа Иисуса, в котором потонули отдельные детали его действительной биографии и в результате которого создался культ воскресшего спасителя мира, имевшего мало общего с униженным и распятым пророком из Назарета.

Таков вообще был характерный для древности процесс обожествления отдельных личностей: и правителей, и полководцев, и проповедников моральных и религиозных учений. Победы Александра Македонского, например, породили легенды о его божественном происхождении и особом покровительстве богов всем его действиям. Сатирик II века нашей эры Лукиан рассказывает о некоем странствующем философе Перегрине, чьи проповеди не имели особого успеха при жизни, которую он кончил самоубийством, бросившись в костер. Перед этим он заявил, что хочет научить людей мужественно переносить смерть. Гибель Перегрина произвела впечатление большее, чем его деятельность. Нашлись люди, которые говорили, что видели Перегрина после сожжения с венком на голове (тоже вариант воскресения!). По-видимому, подобные случаи обожествления отнюдь не были редкостью в первые века нашей эры.

Обожествление людей в древнем мире происходило в те, как правило, переломные эпохи, когда люди осознавали свое бессилие перед господствовавшими над ними общественными силами, когда рушились традиционные системы ценностей и связи между людьми, когда происходило отчуждение отдельной личности от общества. Старые боги казались тоже бессильными — то тут, то там возникали культы разных пророков и проповедников, чье учение можно было противопоставить официальной религии. Именно такова была обстановка в Римской империи — огромной могущественной державе — в период распространения христианства.

То, что из множества религиозных проповедников именно Иисус оказался основателем учения, сумевшего победить все остальные, зависело от совокупности разнообразных причин, как объективных, так и субъективных. К числу последних нужно отнести не столько деятельность самого Иисуса, сколько его учеников и последователей, внесших в христианское вероучение те элементы, которые и помогли ему в конце концов стать господствующей религией Римской империи.

Анализируя тексты новозаветных сочинений, З. Косидовский показывает, как шло создание христианских догматов, начиная с главного — утверждения о воскресении Иисуса, так как только воскресение делало его мессией, способным помочь поверившим в него людям. Противоречия в евангелиях и различия в их тенденциях дают возможность автору проследить, как в разной социальной и этнической среде вырабатывались варианты легенд, моральные поучения, религиозные догмы, отражавшие мировоззрение каждой такой отдельной группы. При этом читателю следует иметь в виду, что наряду с евангелиями, включенными в Новый завет, существовало большое количество евангелий, впоследствии отвергнутых церковью (некоторые из них Косидовский упоминает), но в свое время почитавшихся наряду с каноническими[4]. Часть этих евангелий была создана раньше канонических, часть — одновременно и позже; противоречия между всеми этими евангелиями еще более существенны, чем противоречия между евангелиями Нового завета.

Выводы З. Косидовского о компилятивности евангелий отражают господствующую в науке точку зрения. Важно, что он объясняет появление имен учеников Иисуса в качестве авторов евангелий, исходя из психологии их действительных создателей. Психологическая и историческая достоверность (ценное качество книги З. Косидовского) проявилась и в его рассказе об авторах евангелий. Они — не просто «фальсификаторы». Это люди, пишет З. Косидовский, которые были глубоко убеждены, что ради пропаганды проповедуемых ими истин они отказываются от личной славы и совершают подвиг благородного бескорыстия. К тому же они не сомневались, что передают в точности мысли тех, перед кем преклонялись и под чьим именем выступали.

К общей оценке евангелий и их источников, данной Косидовским, можно добавить, что не все ученые считают Евангелие от Иоанна самым поздним из евангелий Нового завета. Есть мнение, что в этом евангелии прослеживается сходство с кумранскими рукописями (в частности, Иоанн называет христиан «сынами света» — так же, как называли себя кумраниты). Однако это не меняет общей оценки евангелий и только еще яснее показывает разнохарактерность христианских сочинений на самом раннем этапе развития. Логии — изречения Иисуса, фрагменты которых найдены на папирусах, возможно, не сборник поучений, легших в основу разных евангелий, а отрывки из неканонического Евангелия от Фомы, коптский перевод которого был найден в Египте[5]. Далеко не все ученые исключают возможность перевода первоевангелий с арамейского на греческий; во всяком случае, какая-то традиция могла быть записана на арамейском языке иудео-христианами, чьи записи потом были использованы авторами канонических произведений[6]. Но каковы бы ни были письменные источники этих произведений, бесспорно, что в основе всех евангельских сказаний лежит длительная устная традиция.

В заключение хочется сказать, что новая книга З. Косидовского — нужное, интересное исследование, где учтены основные выводы современной исторической науки.

И. СВЕНЦИЦКАЯ,
доктор исторических наук

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 474.

[4] Особые евангелия были у иудео-христиан, у христиан-гностиков. Из последних полностью дошли три — Евангелие от Фомы, Евангелие от Филиппа и Евангелие Истины. Они были обнаружены в Египте в районе Наг-Хаммади в 40-х годах XX века.

[5] Перевод этого памятника см.: М. К. Трофимова. Из рукописей из Наг-Хаммади. В кн.: «Античность и современность». М., 1972.

[6] Возникновение евангелий рассмотрено в кн.: Я. А. Ленцман. Сравнивая евангелия. М., 1967; М. М. Кубланов. Новый завет. Поиски и находки. М., 1968.

И музыка старинная звучит о времени и о себе...

О. АНТОНОВА,
доцент кафедры марксизма-ленинизма Московского музыкально-педагогического института имени Гнесиных

ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ встреча состоялась весной прошлого года в Московском доме архитектора. Здесь собрались члены Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, чтобы послушать концерт Московского камерного хора (художественный руководитель и дирижер В. Н. Минин). В уютном зале царила атмосфера торжественной приподнятости, звуки прекрасной музыки далекого прошлого находили волнующий отклик в сердцах людей, беззаветно преданных благородному делу возрождения и новой жизни старинных памятников искусства.

При восстановлении памятников культуры прошлого, в том числе и музыкальных, далеко не безразличен характер «прочтения» произведения, его интерпретация, расстановка акцентов.

Так, нам кажется, например, весьма спорной расшифровка некоторых произведений XVI века (в частности, «Херувимской» неизвестного автора XVI в.), исполняемых Русской академической хоровой капеллой имени Юрлова. При исполнении этих произведений на первый план выступают элементы их культовой принадлежности — статичность, созерцательность, строгая замкнутость канонических формул. Соответственно строится прочтение и словесного текста: оно усиливает впечатление церковности музыки. В целом возникает картина предельного приближения к культовому звучанию.

Возможно, такой подход и имеет некоторую познавательную ценность, но в концертном исполнении он вряд ли оправдан. Прежде всего потому, что далеко не тождественны направленность восприятия искусства в концертном зале и в церкви. На театральной сцене религиозное искусство теряет свой специфический культовый характер. Оно интересует не заложенной в нем религиозной идеей, а прежде всего именно как художественное произведение, и в этой связи способ донесения его до зрителя тоже должен иметь соответствующий художественный характер, а не имитировать религиозное действо. Вот почему нет ничего удивительного в том, что в интерпретации этой капеллы многие произведения старинной русской музыки звучат холодно и отчужденно. Живая душа художественного творения остается погребенной под спудом канонической схемы.

Совершенно в ином ключе решается проблема «открытия» современному слушателю музыкального искусства прошлого Московским камерным хором, которым руководит В. Н. Минин. Возрождая памятники старинной музыки, коллектив хора не ставит перед собой цели «реставрации» музейных редкостей, щекочущих воображение поборников «патриархальной старины» своей экзотичностью, религиозной «просветленностью». Задачи здесь совершенно иные.

Во-первых, познавательная. В репертуар хора включены такие произведения, которые помогают открыть и понять круг идей и чувств, волновавших людей в прошлом. При исполнении этих произведений акцентируется внимание на проблемах общезначимых, отражающих ступени исторического развития. Они рождают чувство патриотизма, гордость за свою родину. Так, удачно представлена, например, в репертуаре хора музыка времени Петра I.

Искусству петровского времени были присущи высокий пафос и реализм. Наиболее ярко это проявилось в изобразительном искусстве, где процесс обмирщения выразился прежде всего в появлении светской тематики, связанной нередко с чисто практическими установками. Музыка же в силу своей специфики перестраивалась медленнее. Здесь обмирщение шло, с одной стороны, за счет интенсивного проникновения светского содержания в церковные жанры и появления новых форм пения — с другой. Эта тенденция хорошо прослеживается на эволюции жанра псалмов и кантов.

Вначале они возникали из потребностей домашнего религиозного обихода и только «место употребления» отделяло их от церковного музыкального искусства.

В эпоху Петра I псалмы и канты широко охватывали уже круг «виватных» (победных) тем, а несколько позднее в них появились и нотки сентиментального и лирического характера. Из всего этого многообразия В. Н. Минин выбирает те произведения, которые в живых, ярких красках воссоздают героические картины петровского времени. Так, емкое и в то же время красочное, глубокое и торжественное звучание хора при исполнении Виватного канта на заключение Ништадтского мира «Радуйся, Роско земле» (неизвестного автора XVIII в.) с предельной наглядностью передает то гордое самосознание, которым было охвачено русское общество в период славных «викторий», бурного роста России как мировой державы.

Вторая задача, которую ставит перед собой коллектив хора, состоит в раскрытии преемственности русской музыкальной культуры. Уже сама структура программ раскрывает линию художественного прогресса, связывающую разные поколения художников.

Будучи отражением и выражением исторического движения вперед, искусство подспудно подмывало догматические устои оплота классового общества — церкви, вынашивало идеи подлинного гуманизма, мечту о совершенном обществе. Постоянно питаемое яркими, необычайно глубокими по своему содержанию и средствам выражения достижениями русского народного творчества, оно в конце концов привело к «взрыву» всей церковной музыки, качественно изменило ее характер. Когда она уже не могла развиваться в пределах культовой сферы, она, даже и оставаясь еще по характеру религиозной, уже переставала быть церковной. И ее развитие в качестве художественного творчества оказывалось возможным только за пределами церкви.

Через многие поколения композиторов проходит нить развития не православного, а именно русского национального искусства. В концертных программах Мос

ковского камерного хора отчетливо прослеживается эта взаимосвязь. Произведения русских композиторов XVI—XVII веков, с которыми до недавнего времени слушатель не был знаком, включены в программу вместе с вокально-хоровыми произведениями советских композиторов Г. Свиридова, В. Калистратова, З. Бляхера, С. Слонимского; музыка европейских композиторов XVI—XVII веков — О. Лассо, К. Монтеверди — соседствует с произведениями современных композиторов — К. Дебюсси, О. Мессиана, Р. Пуленка, М. Равеля, И. Стравинского.

Проиллюстрируем эту преемственность на примере только русской музыки. Так, «Степенна» неизвестного автора XVI века, любопытное сурово сдержанным колоритом, своеобразно отзывается в звучании «Ленинградской тетради» А. Флярковского. Разумеется, речь идет не о точном следовании приемам, а той линии развития преемственности, которая связывает творчество композиторов разных эпох.

Удивительна широта и бесконечное многоцветье музыкальной ткани произведений, созданных композиторами XVI—XVII веков. В них бьется пульс живого, исконно русского песенного искусства, отличающегося необыкновенной открытостью, раздольностью, богатством попевок и подголосков. Здесь нет смирения. Скорее — в них звучит взыскующая счастья и свободы, бунтующая русская душа. И вот — та же «Херувимская», так холодно и статично прозвучавшая в исполнении юрловской капеллы, завораживает нас многокрасочной вариантностью движения музыки: одна картина сменяет другую — и каждая неповторимо прекрасна. Вместе же они составляют стройный ансамбль.

Удивительно ли, что музыкальные памятники XVI—XVII веков так широко отзываются рядом очевидных ассоциаций в творчестве современных композиторов? Например, установление гармонического комплекса, служащего основой произведения: попевки отделяются своеобразными ориентировочными точками, каденсами — в данном случае повторением всюду одинаковых двух звуков. Принцип вариантного развития проявляется во всем многообразии оттенков. Например, в колоритном звучании древних попевок и фонического текста в трех подблюдных крестьянских песнях И. Стравинского — «У Спаса в Чигисах», «Овсей», «Пузище», отчасти в песне С. Слонимского «Пей пиво, да не бей», написанной на народные слова; или сочетание попевочного вариантного развития с современными звучаниями — обработка хороводной песни «Таня-Танюша» В. Калистратова. Сюда же примыкают «Озорные частушки» Р. Щедрина и «Прибаутки» З. Бляхера. В последних красочное сопоставление эпизодов, связываемых в бесконечную цепь разнообразных по смыслу шуточных прибауток, сочетается как с современными гармоническими особенностями, так и с характером коротких попевок, напоминая старинные звучания обрядово-заклинательных песен.

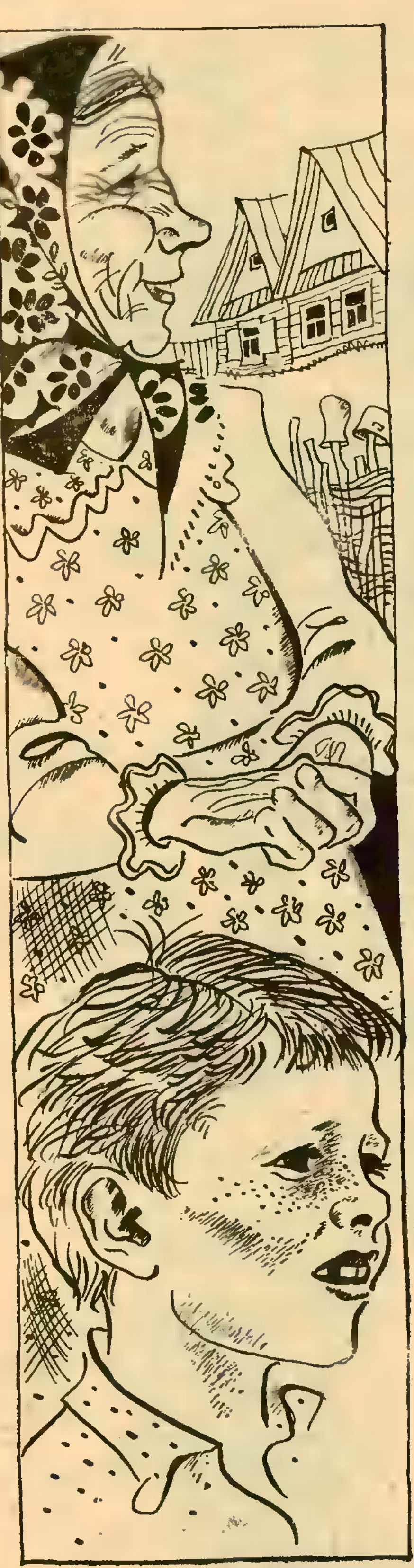
Особое место в репертуаре Московского камерного хора занимают произведения, связанные с темами возвышенного скорбного характера. Эта линия прослеживается начиная с «Безневестной девы» В. Титова (вторая половина XVII — начало XVIII в.). Позднее наиболее концентрированное свое выражение она получает у Д. Бортнянского в его концерте «Всякую прискорбна еси душе моя». Это пример культового музыкального произведения, выражающего чувства человеческой скорби со всеми ее оттенками: драматическими, жалобными, утешительными, просветляющими, несущими надежду. Но интонации Д. Бортнянского, точные в выражении, декламационно приподнятые, лишены все же той национальной характерности, которую мы находим у А. Рубинштейна и А. Скрябина. Последние были представителями той группы русских композиторов, которые стремились выразить прежде всего общенародные и общечеловеческие чувства в их самой широкой обобщенности. Соответственно определялся ими и круг выразительных средств. Именно с этой тенденцией перекликается «Концерт памяти А. А. Юрлова» для смешанного хора без сопровождения, созданный Г. Свиридовым. Он состоит из трех небольших частей: «Плач», «Расставание», «Хорал». В основу каждой положена основная попевка, точно выражающая различные психологические состояния скорби: порывисто-щемящее негодование, невыразимую печаль, строго углубленную, почти аскетическую суровость. В целом при разнообразии приемов вариантного развития образуются широко распетые вокальные линии с бесконечным дыханием, чем-то напоминающие старинные распевы. И в образном смысле, и некоторыми приемами с этим произведением сходен и вокализ для хора без сопровождения М. Кажлаева.

Концертные программы Московского камерного хора имеют художественно-воспитательную ценность не только сами по себе, но и как прекрасный материал для атеистической практики. Драматургия этих программ легко может стать основой для логической структуры лекции по теме «Музыка и религия». Она позволяет увидеть удивительное своеобразие национального развития, преемственность русской и советской музыки и вместе с тем определить истинную роль церкви в формировании русского музыкального искусства.

Этот факт имеет немаловажное значение в атеистической работе. Вот небольшой пример. В нескольких аудиториях, разных по профессиональной ориентации, образованию и направленности художественных интересов, была прочитана лекция, по содержанию охватывающая круг вопросов данной статьи. Материал иллюстрировался записями одной из программ Московского камерного хора. Великолепное исполнение сумело донести до современного слушателя истинную художественность старой музыки. Неукротимая душа искусства старых мастеров вырвалась из недр церковной сюжетной схемы, и музыка помогала раскрыть трагическую, полную противоречий историю русского художественного творчества. Она убеждала в том, что великая сила, заложенная в шедеврах искусства прошлого, рождена не могуществом церкви, а, напротив, проявлением в религиозном, культовом мирского человеческого начала.

И когда лектор предложил для сравнения записи культового пения, исполняемого в православной церкви сегодня, и музыку современных церковных музыкантов, по единодушному признанию слушателей, это сравнение оказалось не в пользу церковного пения. В первом случае превалировала высокая художественность — глубокое и логическое, соответствующее самой природе искусства, переосмысление музыкального наследия прошлого. Во втором — эклектическая смесь современных интонаций с законсервированным традиционно церковным звучанием.

Правильная постановка работы по сохранению и популяризации памятников культуры прошлого, в том числе и музыкальных, имеет немалое значение в повышении уровня массовой мировоззренческой и общехудожественной подготовки, в воспитании чувства патриотизма, осознания сопричастности к истории своей Родины.

В РОДНЫХ

На моего свояка временами [redacted]катывала страсть [redacted] собиранию. Коллекционировал [redacted] марки, водопроводные краны, подсвечники, амбарные замки, ружейные патроны, винные этикетки... А прочи[redacted] солоухинские «Черные доски», заболел иконами. Прослышал, что я [redacted] отпуск еду [redacted] деревню, телефон оборвал: «Привези хоть одну». Я посулил.

Но, приехав [redacted] родные края, поначалу я забыл про обещание. С утра удил на озере рыбу, днем мок [redacted] болотах, пробираясь к грибным местам. Может быть, [redacted] [redacted] вспом[redacted] бы об иконах, столько вокруг было интересного. Но однажды отправился [redacted] боровиками, [redacted] лесная тропинка увела так далеко, что попасть домой засветло нечего было и думать. Вышел я на теплую опушку, посмотрел на запавшее за маковки мрачных елей солнце [redacted] решил держать путь [redacted] дядьке. За льняным полем, с версту, виднелись крыши его деревеньки.

За самоваром занялись мы с дядькой Колей разговорами. Незаметно искурили кисет крепчайшего самосада [redacted] спать собрались только [redacted] полночь. Пока дядька стелил постель, я избу его разглядывал. Просто [redacted] просторно [redacted] ней было: на свежих бревенчатых стенах, еще не знавших [redacted] обоев, ни краски, широкая лопасть лосиных рогов, под ней новенькая «тулка» [redacted] красочная репродукция [redacted] «Огонька», какая-то мадонна. Любуясь картинкой, я невольно про свояка вспомнил.

— Дядь Коль, [redacted] угодников-то бабушкиных куда откомандировал? Я помню, весь угол был заполонен!..

— Был, племяш, был...

— Небось, [redacted] чердак выбросил,— гнул я свою линию.

— Опоздал ты, племяш, маленько,— усмехнулся дядька, ловко, по-женски, взбивая толстые подушки,— нонче [redacted] это [redacted] достаточно. По весне был один... Вроде ученый какой, с красной торбой, [redacted] очках [redacted] при бородке; [redacted] [redacted] старухам ходил, иконки эти самые выпрашивал... Я-то, [redacted] дом подрубал, снял мамины образа [redacted] стены, [redacted] там [redacted] паутина, [redacted] жуки-древоточцы... Хотел выбросить, да [redacted] бабка Олена, материна сестра, взяла... Очкастый [redacted] у [redacted] был. Я ему [redacted] реализовал!

Дядька справился [redacted] постелью [redacted] на сон грядущий соорудил еще одну цигарку [redacted] ружейный ствол толщиною.

— Лапоть, [redacted] лапоть,— отве[redacted] дядька [redacted] мой вопрос,— [redacted]вестно липовый, кочетыком деланый... Наташка [redacted] туристский поход ездила, ну [redacted] купила для сувениру [redacted] ларьке и [redacted] стену над кроватью повесила, [redacted] очкастый увидел,— господи, говорит, вот он истинно русский дух, цела Русь еще, цела! Это [redacted] реликвия, говорит, продайте, я [redacted] скупой! Да [redacted] я [redacted] жмот — поменялся с [redacted] [redacted] зажигалку, и поехал [redacted] страсть [redacted] довольный... А икон у [redacted] нету, племяш! Хочешь, ухват подарю или сковородник? Нам без надобности, у [redacted] газ, [redacted] ты [redacted] стену повесишь! Вот она Русь, мол!

Дядька ехидничал явно [redacted] неприкрыто. Но [redacted] ему простил. Дядька [redacted] старине [redacted] разбирался, [redacted] был специалистом [redacted] тракторным дизелям.

Потом из-за этих [redacted] у меня целая история приключилась.

В своей деревне стал я [redacted] примеру дядькиного бородача спрашивать у знакомых стариков: [redacted] отдаст [redacted] [redacted] ненужный образок. Никто не отдал. Нет! Не от приверженности [redacted] церковному: видно, не было [redacted] мне коллекционерской ярости — [redacted] умел уговаривать. И вот однажды без всякой надежды зашел [redacted] соседу старику Ване-богомолу. Деда прозвали [redacted] потому, что в деревне он один [redacted] мужиков с бабками [redacted] церковь [redacted] соседнее село ходил. И надо [redacted] — дед Иван пожертвовал [redacted] образок!

Честно говоря, [redacted] это была, [redacted] воспоминание. Вместо [redacted] несколько чешуек краски, дос[redacted] впрах источена шашелем — [redacted] пыль [redacted] сыплется. Я все на стену поглядывал, где красовался целый полк святых угодников. Но дед Иван взглядов моих жадных не замечал, [redacted] все нахваливал образок, которым хотел одарить.

— Никола Мирликийский,— ду-дел старик,— страсть как от зубов помогает, [redacted] против конокрадов [redacted]мый что ни есть святой-рассвятой! Будешь ему свечу [redacted] — сроду лошадь не сопрут! Сурьезный!..

Дед потер костяшкой согнутого пальца [redacted] лику, вроде мальцу под[redacted] порядок, [redacted] вздохнул

МЕСТАХ

В. СТЕПАНОВ

— Берешь, ай нет?..

Я отказался. Лошади у меня не было, [redacted] свояк еще «Жигулями» не обзавелся. Потом, кто его знает, может «Мирликийский» только против конокрадов, [redacted] против угонщиков машин у него квалификации не хватит. Конечно, это [redacted] порядке шутки, не мог же [redacted] родичу вместо иконы прелую доску привезти.

Не стал [redacted] больше ходить по старухам и старикам, [redacted] решил применить испытанное средство — мальчишек! Кому, [redacted] не им, знать, где, что и как. Почему я раньше про [redacted] [redacted] вспомнил?.. Стоило мне заикнуться, [redacted] соседский Витька приволок со своего сеновала большую икону, [redacted] [redacted] ней — целая артель святых.

Я поначалу возликовал, представляя, как обрадуется своях, но прикинул и скис — [redacted] ее, такую махину, до Москвы везти?

— Поменьше-то нет? Ну, чтобы [redacted] портфель... Ведь с ней [redacted] вагон [redacted] втиснешься!..

Витька извлек из-за шиворота колючую труху, шмыгнул носом, подумал:

— На сеновале нету... Вот со стены снять?..

— Это как снять?

— Вот так,— сказал Витька [redacted] даже показал,— [redacted] [redacted] унес...

Считанные минуты прошли, как Витька притащил небольшую, в окладе из жестяной фольги, икону. Называлась [redacted] Пантелеймон-целитель. Эта икона пришлась мне по душе. Особенно глаза.

Правда, слабо [redacted] разбираюсь вообще [redacted] живописи, и тем [redacted] [redacted] церковной, но, думаю, [redacted] бесталанный был иконописец.

— Ну, спасибо тебе, Витек! Удружил!..

Пожал [redacted] мальчишке руку, [redacted] [redacted] рад, будто ему крылья подарили. Расплылся в улыбке от уха до уха [redacted] убежал домой. Завернул я Пантелеймона в газету, убрал — и как камень с плеч долой. До конца отпуска оставалось еще порядочно, живи без забот, [redacted] [redacted] словно лукавый под локоть толкнул, [redacted] [redacted] уведомил свояка письмом, так, мол, [redacted] так, торжествуй, везу!

Прошло три дня. Сидел [redacted] на кухне, перебирал грибы [redacted] радовался, такая выпала нынешним утром мне удача на боровики. Вдруг без стука растворилась дверь и ввалился Витька. Одно ухо кумачовое, вихры в разные стороны, нос раскисший.

— Давай икону назад!..

— Вот тебе раз!.. Чудно, Витька, получается: то на тебе, то давай обратно!.. Сядь отдышись... За тобой, что, землетрясение, что ли гналось?..

— Бабка меня отколошматила...

— Как же вышло?..

— Абнакнавенна, — сказал Витька и всхлипнул, вновь переживая пережитое.— Бабка пенсию получила, а сберкасса у нее за иконами... полезла деньги класть, [redacted] вместо святого... И мокрой тряпкой!..

Отдал [redacted] икону, ругая себя, что [redacted] соблюл пословицу, презрел мудрость народную, гопнул, еще не перепрыгнув. Витька потоптался у порога, вздохнул и ушел. Чистил [redacted] грибы, укладывал на противень для сушки [redacted] мысленно перед своя[redacted] оправдывался. Вдруг опять распахнулась дверь и появился Витька, лоб потный, указательный палец [redacted] левой руке обмотан клочком марли.

«Держи!» — и положил на стол Пантелеймона.

— Ну, ты, Витька, даешь!..

— Бабушка прислала!..

— Непонятно...

— А чего понимать!.. Я вон на уроке труда еще зимой рамку большую выпилил, [redacted] сегодня [redacted] [redacted] картинку вставил, красивую — «Новоселье» называется.

— А бабушка?..

— Бабушка говорит, пускай эта висит, тоже красивая... Она и рубль [redacted] дала... [redacted] то, что тряпкой...

...Своях позвонил мне на второй день приезда.

— Привет, старик! — рокотал [redacted] трубке его всегда возбужденный голос. — Слышь, подари [redacted] тот вымпел, что [redacted] кисточкой. Я «Жигули» купил, хочу кабину украсить.

— А икона?

— Ах, да! Все, завязал [redacted] этим. Теперь не до коллекций...

Рисунки Р. Авотика.

Об инженере Климове, баптистке Лине и их любви

В редакцию пришло письмо. Члены совета научного атеизма при партко-[redacted] Челябинского машиностроительного завода выражали свое возмущение публикацией [redacted] журнале «Сибирские огни» повести А. Черноусова «Чу[redacted] (1976, № 12). [redacted] письме говорилось о низком идейно-художествен[redacted] уровне повести, о том, что подоб[redacted] произведения не могут содействовать пропаганде идей научного атеизма, атеистическому воспитанию молодежи. Челябинцы просили [redacted] журнал высказать свое мнение.

ДАВНО ЗАМЕЧЕНО, что литература XX [redacted] тяготится традиционными жанрами. Последователь[redacted] повествование, выдержанное [redacted] едином стилистическом ключе, оказывается неспособным [redacted] адекватному выражению динамичного, напряженного, сложного внутреннего мира современного человека. Вот [redacted] автору повести «Чужие» А. Черноусову тесно [redacted] узких рамках художественной прозы, рассказ [redacted] судьбах героев [redacted] дело прерывается откровенно публицистическими, философскими отступлениями, озаглавленными «Мы — [redacted]» и «Они — нам». Насколько может судить читатель, «Мы — [redacted]» — это краткое интерпретирование автором повести основных достижений атеистической мысли, а «Они — нам» — главные доводы религии против атеизма.

Сразу [redacted] возникает сомнение: а правомерно ли само такое употребление этих местоимений: «мы» — атеисты, «они» — верующие? Если уж идет диалог, спор, конфронтация, то правомернее было бы, пожалуй, очерчивать их рамки противопоставлением «мы» и «вы». А здесь — «они». Партнеры [redacted] диалогу, противники в споре этим местоимением третьего лица [redacted] бы отодвигаются [redacted] сторону, за пределы самого спора. При этом доверительное «мы» [redacted] бы включает в эту категорию [redacted] всех читателей повести, [redacted] всяком случае отчуждающее «они» вряд [redacted] расположит [redacted] чтению верующего, ведь априори ясно, что «мы» окажемся правы, [redacted] «они» будут посрамлены; [redacted] станет же автор бить [redacted] своим воротам.

Но это — так сказать, терминологическая сторона дела, важнее другое: что же «мы», атеисты, преподносим «им», верующим, [redacted] качестве наиболее убедительных аргументов против религиозной веры? Ответ автора столь же неожидан, сколь категоричен, однозначен [redacted] прост: «...Церковь [redacted] потому и живет, [redacted] рядовым верующим неизвестны исследования [redacted] жизни Иисуса Христа». «Исторического Христа [redacted] существовало. Христос — лишь миф, плод народной фантазии»,— вот главный довод А. Черноусова против религии, во [redacted] случае против христианства.

Произвольно [redacted] главу угла проблему историчности [redacted] мифичности Иисуса Христа*, поставив [redacted] зависимость от ответа на этот вопрос судьбы религиозной веры, А. Черноусов сразу [redacted]реместил центр тяжести противоборства атеизма [redacted] религии [redacted] сферу второстепенной проблематики, частных споров между историками религии (к тому [redacted] суть [redacted] перипетии этих споров изложены здесь весьма упрощенно и с существенными погрешностями против истины) [redacted] тем самым лишил себя возможности разобраться [redacted] той сложной жизненной коллизии, которая описана в повести. Примитивный, схоластический атеистический инструментарий оказывается недееспособным, беспомощным в столкновении [redacted] живой жизнью.

О [redacted] повесть?

Позволю себе начать с нескольких цитат: «Когда [redacted] думал [redacted] Лине, его воображение будто взрывалось». «Лина позволяла Климову... делать с собой все, что делает нормальный здоровый мужчина [redacted] нормальной здоровой девушкой». «...Принялся очищать от снега [redacted] костюм, отряхивал плечи, спину, добросовестно обрабатывал [redacted] упругие выпуклости, чему Лина слегка противилась», «...Тело его было молодым и здоровым, и оно зверски тосковало [redacted] Лине».

Думается, читателю ясно, что, во-первых, повесть [redacted] любви и, во-вторых, автору [redacted] недостает такта [redacted] художественного вкуса. Но да[redacted] плохая в художественном отношении литература, пусть [redacted] кривом зеркале, пусть [redacted] неправильно расставляя акценты, все-та[redacted] каким-то образом может отразить определенные социальные явления. И [redacted] этом произведении есть нечто, о [redacted] следует поговорить всерьез.

Возьмем главного героя. Как [redacted] схематичен этот образ, [redacted] все же сконструирован из деталей вполне реальных, [redacted] потому стоит познако[redacted] ним поближе. Каков [redacted] он, этот «нормальный здоровый мужчина», который преподнесен читателю как олицетворение [redacted]пичного современного интеллигента-«технаря», «нормальная здоровая» психология которого и противопоставлена [redacted] повести экзальтированности [redacted] фанатизму баптистов. Пусть упрекнут [redacted] обилии цитат, но [redacted] постараюсь обрисовать героя как [redacted] ближе [redacted] тексту.

Климов — инженер. И выбор профессии обусловлен не только личными склонностями, способностями героя, но и, [redacted] сказать, идеологически. «Радовался... Климов, радовался, что сам-то он, сла[redacted] богу, [redacted] философ, не историк там никакой, [redacted] инженер, технарь; его-то дело куда серьезнее». В свободное время Климов ходит в кино. «Кино он... любит больше всех, [redacted] сказать, видов искусств. В [redacted] много движения, много действия, что [redacted] нравится Климову». Что [redacted] до остальных «видов искусств», [redacted] «вообще-то Климов [redacted] против... Иногда ему даже хотелось почитать что-нибудь этакое, художественное... Но ведь некогда, все некогда». Да и зачем? «К чему [redacted] романтическая белиберда, этот розовый туман, если [redacted] конце концов сведется [redacted] тому же».

* Подробнее [redacted] сущности этой проб[redacted] современном состоянии говорится [redacted] комментарии доктора исторических наук И. Свеницкой [redacted] отрывкам [redacted] книги Зенона Косидовского «Сказания евангелистов» [redacted]мере журнала.

А уж, как свести к тому же, это Климов и сам знает. Вот зашла в квартиру девушка — и «Климов, потирая руки, запустил свою, неоднократно обкатанную «машину». Замурлыкала из магнитофона «нездешняя» музыка, с кухни потянуло запахом только что размолотого кофе «Танзания», из холодильника перекочевали на стол бутылки с коньяком и сухим вином,— в общем, опыта в «таких делах» Климову было не занимать».

А придет в гости приятель, «так обязательно оба наклюкаются до того, что башка наутро трещит, нутро все дрожит, и не только есть, но и шевелиться-то не хочется». Если же подвыпивший друг начнет «разводить «философенции», Климов не постоит за советом: «Переспать бы тебе с хорошенькой женщиной... Все твои сомнения — как рукой бы сняло!..»

Читатель, вам приходилось видеть климовых? Вы узнаете это тупое самодовольство, это презрение к «тонким натурам», эту аморальность, утверждаемую в качестве «новой», «современной» морали? Почему стесняемся мы сказать такому вот Климову, что не герой он вовсе, а ничтожество? Почему в литературе нашей наметилось какое-то снисходительное отношение к этому типу?

Вот и А. Черноусов хочет уверить нас, что Климов — «нормальный здоровый мужчина», ну, не без греха, конечно, но зато «не нытик... не хлюпик унылый». От себя добавим: зато он не знает рефлексии, зато не мучается угрызениями совести, зато его не одолевают сомнения. Именно эти качества, по мнению Климова, и есть самые главные достоинства мужчины, и автор, судя по всему, вполне солидарен с ним (не случайно в повести порой трудно определить, где кончается авторский текст и начинается внутренний монолог героя — те же мысли, слова, интонации).

Он, конечно, атеист — Климов. Но что же именно не приемлет он в религиозной идеологии? Почему он не способен поклоняться некоему мифическому Иисусу Христу? Да потому, что Христос «всегда худой, изможденный, с жиденькой бороденкой, с тоскливыми глазами. Словом, не мужчина, а тьфу!.. И уж вовсе нелепость... с чего это я-то мужик должен его любить?.. Другое дело, скажем, женщину нарисует художник. Ее, может, тоже сроду не было, она тоже абстрактная, как и Христос, но ведь, черт возьми, так она изображена, что глаз не оторвешь! А тут невзрачный мужичонка, кожа да кости, и вот его надо любить». (Кстати, этот монолог свидетельствует не только о духовном убожестве героя, но и о неосведомленности автора в тех материях, о которых он пишет: такой образ Христа навеян иконой, увиденной в доме Лины, в то время как на самом деле у баптистов икон нет.)

Климов абсолютно убежден, что вера в бога (впрочем, как и все другие «загибоны» и «философенции») идет от духовной или физической неполноценности, а чаще всего от неумения «переспать с хорошенькой женщиной».

Вот знакомится Климов с баптистом Сережей. И ему, Климову, сразу ясно, почему этот молодой человек, получивший среднее образование, выросший в обществе массового атеизма, вдруг стал верующим: «Ненормальный он, ваш «Сережа», явно ненормальный! Наверняка импотент. Да оно и по внешнему виду... сморчок. Соплей перешибить можно!» Нет, Климов нисколько не удивлен, что Сережа — баптист. Другое дело — Лина — «огонь-девчонка», у которой «щечки-яблочки», в которой «все кипит». И потому, уверен Климов, ее вера в бога, — ерунда, не главное. Главное то, что Лина уже не девушка, она теперь женщина. «Ну а женщина, которая давно не спала с мужчиной... — это все равно, что корова недоеная... прибежит к нему Лина, как миленькая. Вера верой, а природа свое возьмет».

Однако мы слишком «увлеклись» Климовым, пора рассказать и о Лине. Позволим себе прием, в литературной критике обычно недопустимый. Будем говорить о Лине и ее судьбе не как о художественном образе, раскрывающемся в определенных сюжетных ситуациях, а как о реальном человеке и реальной жизненной ситуации (это тем более несложно сделать, поскольку художественность в данном случае представлена столь малой величиной, что, по правилам математики, ею можно и пренебречь).

Лина выросла в баптистской семье. Родители Лины — не темные, забитые фанатики, а современные интеллигенты. Лина учится в институте, занимается спортом, много читает, любит стихи, музыку. И вера ее поддерживается не страхом и не поучениями какого-нибудь безграмотного пресвитера, а родительским авторитетом и проповедями Билли Грейма — самого влиятельного проповедника современности (оставим на совести А. Черноусова, что американец Билли Грейм читает у него проповеди на русском языке).

Поначалу кажется, что религия не мешает, а скорее даже помогает Лине жить, делая ее более чуткой к добру, красоте, справедливости. Напряженная духовная жизнь героини, пусть ложно ориентированная, не может не вызвать определенной симпатии, особенно на фоне пошлой бездуховности Климова.

Но вот случилось нечто незапрограммированное ни воспитанием, ни проповедями Билли Грейма — не баптиста Сережу, а атеиста Климова полюбила Лина. Но союз их возможен только если либо Лина нарушит баптистские заповеди, либо Климов станет одним из «братьев».

И начинается борьба за Лину. Абстрактные «мы» и «они» персонифицируются. «Они» — это теперь родители Лины, «мы» — Климов и его друг, преподаватель философии и интеллектуал Саня (тот самый, с которым Климов обычно «наклюкается до того, что башка наутро трещит»).

Но даже самый что ни на есть интеллектуальный герой не может знать больше, чем знает автор. Не удивительно, что диалоги Климова (предварительно натасканного Саней) с отцом Лины почти дословно повторяют то, что уже говорилось раньше в публицистических отступлениях «Мы — им» и «Они — нам». Если «церковь только потому и живет, что рядовым верующим неизвестны исследования о жизни Иисуса Христа», то естественно — «Иисус Христос... Вот куда надо бить!.. Вот сердцевина, в которую надо целить...» «Он ведь, гад, как только почувствует, что с «историческим» Христом мы его приперли к стенке», так неизбежно должен будет сложить оружие. — «Нет исторического Христа — нет и христианства».

Нет, не помог Климову его ученый друг. Такая аргументация не разубедила отца и, главное, не спасла дочь. Лина кончает жизнь самоубийством.

«Что-то не так мы сделали...— мучительно думал Саня». «Отец бы наверняка не допустил такого... Не знаю, что бы он конкретно сделал, но только уверен — он бы не допустил такого...»

Мы тоже не беремся решать, что конкретно сделал бы отец Сани, старый коммунист, но можем предположить, что он не был похож ни на своего сына, ни тем более на его друга Климова. На-

верное, он умел разговаривать с людьми, умел находить те единственные слова, которые только и могут помочь конкретному человеку в конкретной ситуации. И еще, наверное, было в его душе нечто такое, что делает человека мудрым, добрым, справедливым без помощи религиозных догм. Климов же терпит поражение не только потому, что плохо разбирается в вопросах религии и атеизма. Но прежде всего по причине своей полной бездуховности, потому что не в состоянии противопоставить религиозной морали какую-либо иную. Потому что все, что не связано с материальными потребностями человека да с запросами «молодого, здорового» тела, для него такой же «загибон», как богоискательство, как баптизм, или поклонение мифическому Христу. Плотские радости — вот, по сути, и все, что может предложить Климов Лине — «взамен» веры в бога.

Теологи утверждают, что человек без бога в душе становится рабом плотских инстинктов, что без веры нет и духовной жизни. И вот получается, что произведение, которое, по замыслу автора, должно религиозную идеологию разоблачать, объективно ее подтверждает. Климов «не насильник, не грабитель», но и не личность. Он, если угодно, печальный пример человека, в душе которого место религиозных ценностей не заняли ценности иные. Бессмысленно религии противопоставлять физиологию. Бесполезно тем духовным ценностям, которые предлагает людям религия, противопоставлять отрицание всякой духовности, нигилизм, аморализм.

Повесть «Чужие» задумана как осуждение баптизма. Но, вопреки намерениям автора, получилось другое — в ней по сути осужден примитивный, бездуховный, безнравственный атеизм. Такая тема, безусловно, имеет право на существование, но при этом необходимо, чтобы между писателем и героем соблюдалась определенная дистанция, чтобы авторский суд был строгим и нелицеприятным, а не снисходительно-покровительственным. И еще необходимо, чтобы автор получше разобрался в том предмете, о котором собрался писать, побольше поработал над языком и психологическими характеристиками героев, чтобы не было пошлостей, чтобы... ну, словом, чтобы это была другая повесть.

К. ВАРВАРИН

Этимологические заметки

◆УГОДНИК◆

Церковный термин «уго́дник» — святой, угодивший богу непорочной жизнью, восходит к большой группе русских слов: «угодить», «годный», «годиться», «угодье» и т. д., — происходящих от корня «год».

Общеславянское «год» обозначает не только «календарный год», но имеет и значения «время», «годовщина», «праздник», «рождество», «благоприятное, удобное время». Восходит к индоевропейскому корню «гед» в значении «подходить», «соответствовать».

◆УНИЯ, УНИАТСТВО◆

Название церковного союза (обычно тех или иных христианских церквей с католической церковью; например, Брестская уния 1596 года) в родстве со словами «уникальный», «унисон» (единство звучания), «унификация» и другими и восходит к латинской цифре «унус» — «один». В родстве немецкое «айн», английское «уан», древнегреческое «ойнос» и т. д.

◆УПЫРЬ◆

В старых славянских сказках и поверьях — страшное чудовище, оборотень, вставший из гроба колдун, бродящий по ночам в разных обличьях. Насытить его может только кровь людей или животных. О происхождении слова есть ряд гипотез. Одна из них сближает слово «упырь» с татарским «убыр» — «ведьма», «злой дух». Большинство же этимологов сходятся на том, что слово это — исконно славянское. В. Даль предполагает родство с «упираться» («упрямиться», «упорствовать»). В западных языках синоним «упыря» — сходное по звучанию «вампир» (кровосос).

◆УРАГАН◆

После открытия Америки Колумбом в языки Европы пришел ряд индейских слов, в том числе «ураган». Первоисточник — язык племени тайно из семьи карибских языков. Там «хýракан» был именем страшного бога бурь.

◆УРАН◆

Имя древнейшего божества Греции восходит к «уранос» — «небо», «воздушное пространство». Некоторые этимологи усматривают родство этого слова с «уро» — «моча» (откуда медицинские термины «урология», «уротропин» и т. д.), другие — с именем древневедического (Индия) верховного бога Варуны.

◆УСПЕНЬЕ◆

Название этого православного праздника, как и слова «усопший», «усыпальница», восходит к слову «сон» в значении «смерть».

◆ФАВН И ФАУНА◆

Имена римского бога лесов и полей Фавна и его сестры (по другим версиям дочери, жены) Фауны, от которых произошел термин «фауна» — «животный мир», виднейший латинист А. Вальде связывает с «фавео» — «благоприятствовать», «покровительствовать» (отсюда идет и имя Фауст).

◆ФАНАТИЗМ◆

Фанатизм бывает не только религиозным, но происхождение этого слова — религиозное: латинское «фанум» — «храм», «жертвенник», «священное место».

◆ФАРИСЕИ◆

Нарицательное «фарисей» — «лицемер», «ханжа». В древней же Иудее это были представители религиозно-политического течения, толкователи библейских текстов, создатели Талмуда. Слово восходит к древнееврейскому «перушим» — «отделившиеся», от глагола «параш» — «отделять».

◆ФЕТИШ, ФЕТИШИЗМ◆

Фетиш — предмет, якобы наделенный сверхъестественной силой (отсюда название одной из ранних форм религиозных верований — «фетишизм»). Слово португальское: «фейтичо» — «колдовство», «амулет», восходит к латинскому «фацио» — «делать», в родстве с ним «фабрика», «факт», «фактор», «факультет», «мануфактура» и др.

◆ФИДЕИЗМ◆

Фидеизм — замена знания верой. Латинское «фидес» — «вера» в родстве с «фёдус» — «договор», «союз» (отсюда «федерация»), с греческим «пейто» — «следую», «уговариваю» и «пейса» — «послушание», с немецким «биттен» — «просить», с русским «убеждать».

◆ФИМИАМ◆

«Курить фимиам» — иносказание, означает «восхвалять», «льстить». В Древней Греции — благовонное вещество называлось «тюмиама». «Тюма» — «жертва», «тюо» — «жертвую».

Две Реформации

В. МАЗОХИН,
кандидат исторических наук

ЕСТЬ СОБЫТИЯ И ЛЮДИ, оставившие столь неизгладимый след в истории, что они на века и всех привлекают к себе внимание летописцев и художников. Это в полной мере относится и к таким событиям, как Реформация и Крестьянская война в Германии — первая, правда незавершенная, буржуазная революция[1].

Пьеса Дитера Форте (род. в 1935 г.) — первая в ФРГ, да и вообще на Западе, попытка средствами драматургии воссоздать на документальной основе реальные образы героев Реформации и Крестьянской войны. Видимо, в этой верности исторической правде, равно как и в недюжинном сатирическом таланте автора, кроется секрет ее успеха. Ведь с 1970 года, когда она впервые была поставлена в Базеле, пьеса обошла сцены 25 театров ФРГ и была переведена на английский, французский языки, а ныне — и на русский[2].

Пять лет прогрессивный западногерманский радиожурналист и драматург посвятил изучению сотен источников по истории Реформации и Крестьянской войны. Примечательно при этом, что на первое место среди них он ставит книгу Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии». Большое влияние на образ Мартина Лютера в пьесе оказало и использованное Д. Форте исследование Эрвина Изерло «Как Лютер приколачивал свои тезисы. Миф или действительность?» (Висбаден, 1962), документально доказавшего, что этот хрестоматийный эпизод — домысел апологетов, стремившихся окружить героическим ореолом весьма прозаическую личность приспособленца и начетчика.

Среди множества источников, использованных автором при работе над пьесой, — наиболее полные издания всех дошедших до нас сочинений не только самих Лютера и Мюнцера, но и их многочисленных комментаторов и биографов, хроники и документы времен Крестьянской войны, монографии западных историков, теологов и искусствоведов. «Пьеса получилась такой длинной еще и потому, — пишет Д. Форте в послесловии, — что в нее вошли оригинальные тексты, связанные друг с другом. Речи действующих лиц не выдуманы мною, но взяты из соответствующих сочинений. Кроме того, соблюден их хронологический порядок. Когда Лютер подробно высказывается по тому или иному поводу, то его монологи состоят не из подобранных фраз, а представляют собой целиком процитированные письма или сочинения, написанные в данный период и по данному поводу».

При всей своей документальности пьеса представляет собой острый политический памфлет, развенчивающий дворянско-буржуазный миф о Реформации и Крестьянской войне и воссоздающий через образы двух главных идеологов этих общественных движений одну из самых драматических страниц германской истории. Вокруг этих двух полярных персонажей — Лютера и Мюнцера — естественно сгруппированы остальные действующие лица.

Прежде всего, это некоронованный повелитель тогдашней Германии — богатейший в Европе аугсбургский банкирский дом Фуггеров, который, что называется, с потрохами купил династию Габсбургов, в те годы номинально объединявшую под своей властью не только немецкие земли, но и

---

[1] См. статьи на эту тему в нашем журнале: В. Мазохин. Борец?.. Просите! (1966, № 8); Имре Вамош. Опасный юбилей (1971, № 12); А. Толпегин. Радуга на знамени (1975, № 12) и его же. В городе Лютера (1976, № 8).

[2] См.: Дитер Форте. Мартин Лютер и Томас Мюнцер, или Начала бухгалтерии. М., «Искусство», 1976, 239 стр., [illegible] 000 экз., 67 коп.

Чехию, Нидерланды, Испанию, больше половины Италии, не говоря уже об обширных владениях испанской короны в Новом Свете. Далее, это купленные теми же Фуггерами германские князья, в том числе самый тогда влиятельный из них — 54-летний курфюрст Саксонский Фридрих, будущий покровитель дотоле никому неизвестного профессора теологии захудалого университета в захудалом приэльбском городишке Виттенберге 34-летнего августинского монаха Мартина Лютера.

Среди этих персонажей — духовный владыка — 27-летний архиепископ магдебургский и майнцский, он же князь Бранденбурга, невежественный и распутный Альберт. Это он во время одной из своих очередных оргий походя отмахивается от малопонятной ему схоластической памятной записки, верноподданнейше посланной ему в 1517 году Лютером, в которой тот умолял прелата отменить прибыльную для церкви торговлю индульгенциями, доказывая в форме тезисов их кощунственность и богопротивность.

Кстати, Форте воспроизводит истинную предысторию обнародования этих «лютеровых» 95 тезисов. Не получив ответа на свой меморандум, виттенбергский профессор-августинец робко умолкает: его очень пугает мысль о судьбе их подлинного автора — тоже теолога Иоганна фон Везеля, замученного в то время за свой трактат против индульгенций в застенках инквизиции. Попутно пьеса проливает свет и на тот факт, что Лютер, выдав эти тезисы за свои, совершил не один, а даже два плагиата: оказывается, «отец Реформации» списал их еще и из трактата «Сто пятьдесят один тезис доктора Андреаса Карлштадта, профессора теологии в Виттенбергском университете» (впоследствии последний примкнет к Мюнцеру и его сторонникам).

Но этого мало. Автор — опять-таки на основе документальных источников — наглядно живописует, как само обнародование 95 тезисов было инспирировано курфюрстом Фридрихом Саксонским, терпевшим большие убытки от торговли папскими индульгенциями на границах его княжества и зарившегося на обширные владения и иные ценности, принадлежавшие церкви.

Такова одна главная сюжетная линия пьесы — линия Лютера и его знатных покровителей. Завязкой ей служит уже упомянутая предыстория появления 95 тезисов, с которой обычно датируется Реформация, а развязкой — расправа, учиненная князьями с благословения виттенбергского реформатора над восставшими крестьянами и сторонниками Мюнцера. В завершающих сценах разыгрываются жуткие эпизоды этой кровавой купели, в которой лютеранство окрестило само себя и которая стоила жизни более чем ста тысячам «бунтовщиков».

К сожалению, другая, плебейская, Реформация, душой которой был Томас Мюнцер, обрисована в пьесе несколько схематичнее, что, впрочем, вряд ли можно поставить в вину ее автору. Ведь, в отличие от многотомий наследия самого Лютера, пространных писаний его учеников, комментаторов и биографов, наконец, княжеских и монастырских хроник, весьма фундаментально отобразивших верхушечную, филистерскую Лютерову реформацию, — документальное наследие Мюнцера и его последователей оказалось либо уничтожено палачами Крестьянской войны, в том числе Лютером и его учениками, либо оклеветано ими и их душеприказчиками. Не случайно против сотен томов Лютера и его апологетов до нас дошел лишь один-единственный томик сочинений и писем Мюнцера. Но даже на основе столь скудного источника автору удалось воссоздать оживший, заговоривший на языке, понятном современному читателю и зрителю, образ вождя и мученика подлинно народной Реформации, революционной по самой земной сути своих идей, проступающих через характерную для того времени дымовую завесу религиозной схоластики.

Вот Мюнцер на минуту появляется в самом начале первого действия во главе демонстрации студентов против «отцов города», берущих взятки. При этом один из бюргеров, как бы олицетворяющий отношение своего сословия к радикальному крылу Реформации, бросает весьма характерную реплику: «Где Мюнцер, там и смута». И как бы в подтверждение этого «взгляда сверху» хор за сценой скандирует знаменательное двустишие:

Адам пахал, а Ева пряла,
Тогда богатых не бывало.

Эти слова рефреном звучат и во втором действии как своеобразное кредо крестьян и плебеев, поднявшихся против засилья церковных и светских феодалов и городского патрициата под знаменем примитивно-уравнительного религиозного коммунизма, проповедовавшегося Мюнцером и его сторонниками.

Промелькнув в самом начале пьесы, Мюнцер уходит «за кадр», чтобы появиться снова во втором действии, на протяжении которого — на основе дошедших до нас проповедей и писем — по существу, и восстанавливается его подлинный образ. Он раскрывается не только в его выступлениях перед народом и сторонниками, но и в спорах с друзьями, и в отповеди князьям и их прислужникам, в том числе и своему вчерашнему собрату Лютеру.

Такой предстает в пьесе — в полном согласии с исторической правдой — Реформация с большой буквы, потопленная в крови господами, в восхвалении палаческих деяний которых — как это наглядно и документально воспроизводит автор — Лютер и его последователи даже превзошли своих номинальных противников — «папистов».

Стремясь реконструировать эпоху наиболее полно, Д. Форте не ограничивается стягиванием всех нитей сюжета к двум главным, полярным персонажам. Он наполняет документально выверенный каркас своей пьесы живой плотью жанровых сценок из жизни различных слоев общества того времени. Среди них, в частности, многочисленные красочные сцены, происходящие при дворе юного императора Карла V. Драматург дает колоритные портреты папы и его ближайшего окружения, в том числе ловкого интригана кардинала Каэтана, посланного в Германию с миссией вернуть «впавших в ересь» князей в лоно римской церкви, то бишь не дать им присвоить ее богатства и доходы, львиная доля которых, кстати, тогда поступала именно оттуда.

Появление русского перевода пьесы Д. Форте, прекрасно выполненного Э. Венгеровой, было по достоинству оценено: книга разошлась, едва поступив в продажу. Думается, что этой пьесой стоило бы заинтересоваться и нашим театрам, в особенности тем, где уже есть опыт постановки зарубежной политической сатиры. Вспомним в этой связи несомненный успех, с каким шли и идут на многих советских сценах «Страх и отчаяние в Третьей империи» Бертольта Брехта и инсценировка «Братьев Лаутензак» Лиона Фейхтвангера («Ясновидящий»). «Мартин Лютер и Томас Мюнцер» продолжает именно эту традицию прогрессивной немецкой литературы.

СИМПОЗИУМ В ГЮСТРОВЕ

Криста НАУМАНН и Герхард ПАЙНЕ,
доктора философии

В РАМКАХ Дня высшей школы, отмечаемого в последние годы в Германской Демократической Республике, в Высшей педагогической школе имени Лизелотты Херманн (Гюстров) состоялся симпозиум, посвященный анализу и критике протестантских и экуменических теологических концепций современности, в особенности той роли, какую они играют в идеологической классовой борьбе между капитализмом и социализмом. Всего участники симпозиума заслушали и обсудили 24 доклада. Обмен мнениями и идеями на симпозиуме имел тем большее значение, что в его работе, кроме преподавателей и научных работников нашей республики, принимали участие также ученые из других социалистических стран: В. И. Гараджа, Д. М. Угринович (СССР), Я. Гурановский, К. Тёплиц, К. Квасневска (ПНР), И. Конья, И. Поор, И. Петё, К. Видраньи (ВНР), К. Главон (ЧССР).

Открывая симпозиум, ректор Высшей педагогической школы в Гюстрове Г. Люттер подчеркнул, что при исследовании современных религиозных течений особенно важно руководствоваться известным указанием В. И. Ленина о недопустимости абстрактного, идеалистического, умозрительного подхода к религиозному вопросу вне связи с классовой борьбой.

Именно эта мысль пронизывала первый основной доклад, с которым выступил О. Клор (Росток-Варнемюнде), убедительно показавший, что при оценке современной протестантской теологии следует исходить прежде всего из закономерностей борьбы между буржуазной и социалистической идеологиями как составной частью классовой борьбы. При этом необходимо вести борьбу и с политическим клерикализмом как теологическим вариантом антикоммунизма. С этих же позиций следует тщательно анализировать реформистские и ревизионистские течения, рядящиеся в богословские одежды. Затем докладчик остановился на задачах коммунистического воспитания молодежи, вытекающих из решений IX съезда СЕПГ. В частности, он подчеркнул важную роль, которую атеистическое образование и воспитание играют в формировании социалистического образа жизни в условиях, когда господство социалистической идеологии, основанной на гранитном фундаменте марксизма-ленинизма, создает благоприятные предпосылки для утверждения социалистического образа жизни. Эти условия и предпосылки, подчеркнул О. Клор, устраняют потребность в религии и способствуют активному и сознательному участию всех социальных групп в решении общественных дел.

Выступивший с другим установочным докладом Г. Люттер проанализировал материалы V Генеральной ассамблеи Всемирного совета церквей (ВСЦ) в Найроби (1975 г.), в которых в специфической форме отразился характер нашей эпохи и ход мирового революционного процесса. В частности, это проявляется в изменении соотношения сил в экуменическом движении, изменении, благоприятном для тех его течений, которые выступают с антиимпериалистических позиций, за демократию и мирное сосуществование. Противоречия, проявившиеся в этом движении после его IV Генеральной ассамблеи в Упсале (1968 г.), в конечном счете коренятся в глубоких и непримиримых политических и социальных противоречиях нашей эпохи.

В последовавшем за двумя этими докладами обсуждении приняли участие зарубежные ученые и преподаватели многих вузов ГДР. Часть выступлений была посвящена анализу соотношения религиозной веры с социальным развитием, в частности на примере современных разновидностей модернистской теологии.

Так, В. И. Гараджа (Москва) в своем докладе «Религиозная вера и социальное развитие» показал, что появление различных модернистских вариантов теологии является выражением все возрастающей дифференциации религиозного сознания. Для объединения всех прогрессивных сил, борющихся за социальный прогресс, особенно важны и симптоматичны прежде всего те направления религиозной мысли, которые стимулируют критику идеологии империализма и практическую политическую борьбу за мир, демократию и социализм.

Другой советский ученый, Д. М. Угринович, проанализировал такие различные формы проявления современной модернистской теологии, как «Теология надежды», «Теология революции», «Теология игры» и другие, и дал им оценку в зависимости от их социальной обусловленности и воздействия на верующих. Все эти варианты современной теологии не в состоянии предложить научного объяснения социальных процессов нашей эпохи и по своей политической направленности являются антимарксистскими и враждебными реальному социализму.

Выступившие по этой же проблеме М. Бартш (Гюстров), К. Науманн (Гюстров) и М. Роббе (Берлин), в частности, остановились на так называемой «политической теологии» Д. Зёлле и дали марксистско-ленинскую оценку ее объективно антиимпериалистической направленности. Однако, несмотря на эту позитивную в политическом отношении сторону, указанная концепция не в состоянии дать сколько-нибудь ясный, а тем более последовательный ответ на жгучие социальные проблемы современного капиталистического общества. Она ориентирована на некий абстрактный, расплывчатый «социализм», в то время как социализм реальный сама Д. Зёлле отвергает как «ошибочное развитие».

Далее в этих выступлениях говорилось о «теологии служения», выдвинутой некоторыми протестантскими богословами в социалистических странах. При этом было отмечено, что марксисты должны подходить дифференцированно к высказываниям сторонников этой концепции. Ее сознательное отмежевание от империалистической идеологии и позитивную ориентацию на реальный социализм следует рассматривать как шаг вперед в социальном кредо этих религиозных идеологов. Вместе с тем «теологии служения» присущ ряд особенностей, свойственных другим разновидностям современной модернистской теологии.

Участники симпозиума также констатировали, что начиная [redacted] шестидесятых годов церковно-богословские круги все больше внимания уделяют проблематике, связанной [redacted] так называемым «третьим миром». При этом они относят все развивающиеся страны к «бедным», противопоставляя [redacted] качест-[redacted] «богатых» все без различия — как капиталистические, так и социалистические — государства. Причем [redacted] вопросы стали объектом острых внутриполитических разногласий между радикально-реформистскими [redacted] революционно-демократическими конклерикальными кругами, с одной стороны, и консервативно-реакционными — с другой.

Второй узловой проблемой, обсуждавшейся [redacted] симпозиуме, была сущность и функции современной протестантской этики. С интересными докладами [redacted] эту тему выступили В. Ланге (Галле), Р. Копманн (Гюстров), П. Франк (Росток-Варнемюнде), Г.-У. Райхенау (Гюстров), И. Шольце (Гюстров) и Г. Баль (Росток).

В условиях, когда у верующих поколеблена вера в библейский миф божественного творения, сосредоточение теологии на этических проблемах представляет собой [redacted] отступление, отмечали они. Протестантская этика [redacted] эпоху империализма также объективно способствует продлению существования этой отжившей системы, пытается повернуть наличествующие [redacted] ней антиимпериалистические тенденции [redacted] русло «третьего пути». Разумеется, это не исключает новых возможностей для установления единства действий христиан и марксистов [redacted] антиимпериалистической борьбе. Однако религиозная мораль не способна выработать сколько-нибудь удовлетворительную этическую концепцию, которая отвечала бы интересам освободительной борьбы рабочего класса [redacted] угнетенных народов и задачам строительства нового общества.

Развивая идеи, высказанные [redacted] установочном докладе О. Клора, участники симпозиума подчеркивали, что при критическом рассмотрении современной теологии важно также учитывать [redacted] отношение [redacted] труду. При этом они показали неспособность теологии постигнуть реальную роль труда [redacted] истории. Это проявляется прежде всего [redacted] том, что христианские авторы, занимающиеся этой тематикой, по существу, не в состоянии до конца разобраться, в [redacted] заключается качественное различие между капитализмом и социализмом. Кроме всего прочего, это обусловлено их идеалистическим мировоззрением, [redacted] которого и проистекает тот антиисторизм и апологетическая позиция, какую зани-[redacted] многие христианские авторы по отношению к частной собственности [redacted] средства производства.

В рамках анализа современной протестантской этики был подвергнут критическому разбору [redacted] буржуазный лозунг «качества жизни», ставший одной [redacted] центральных проблем [redacted] дискуссии между участниками экуменического движения, причем среди их высказываний [redacted] этому поводу все более преобладают пессимистические нотки.

Тесно связаны с этим вопросом были доклады и выступления, посвященные анализу теологической интерпретации проблем «Человек и техника» и «Защита окружающей среды», [redacted] особенности их трактовке на V Генеральной ассамблее ВСЦ.

Ряд выступлений был посвящен содержанию и формам атеистического [redacted] мировоззренческого образования и воспитания [redacted] социалистических странах, [redacted] также вопросам методологии [redacted] содержания атеистических исследований и их ориентации. И. Конья (Дебрецен) проинформировал о марксистских исследованиях кальвинизма [redacted] Венгрии, [redacted] польские ученые К. Квасневска (Быдгощ), Я. Гурановский (Варшава) и К. Тёплиц (Гданьск) рассказали о содержании и формах атеистического образования в своей стране. Их выступления были дополнены аналогичными сообщениями ученых ГДР.

Выступавшие показали, что мировоззренческое образование [redacted] воспитание, равно [redacted] и научные исследования, должны проводиться [redacted] учетом конкретно-исторических условий и национальных особенностей. При этом следует поощрять плодотворное сотрудничество и координацию деятельности ученых социалистических стран по принципиальным теоретическим вопросам.

Симпозиум [redacted] Гюстрове способствовал обмену опытом [redacted] области научного [redacted] между учены-[redacted] социалистических стран. На нем были выдвинуты задачи по дальнейшему развитию исследований, углублению методологических принципов критики религии, [redacted] также по выяснению взаимосвязей между философским [redacted] политическим анализом религии.

БОРЕЦ ЗА АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

[redacted] декабре 1977 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося польского педагога, философа, общественного деятеля, большого друга Советского Союза Владислава Спасовского.

Он родился [redacted] Витебской губернии, [redacted] крестьянской семье. Родители воспитывали мальчика [redacted] религиозном духе, мечтали сделать [redacted] него ксендза. После окончания гимназии В. Спасовский поступил на физико-математический факультет Варшавского университета, затем продолжал учебу во Львове, Женеве и Берне. Будучи студентом, он познакомился [redacted] социалистическим движением, с различными философскими течениями того времени. Его педагогическая деятельность началась [redacted] бурном 1905 году [redacted] Варшаве. Социалистические идеи, революционные события начала XX века оказали большое влияние [redacted] формирование его мировоззрения. Постепенно он переходит в революционный лагерь.

В 1920 году, [redacted] директором учительской семинарии, Спасовский начал воспитывать [redacted] духе свободомыслия [redacted] передовой педагоги-[redacted] большой отряд учителей, которые [redacted] по всей стране сеяли семена прогрессивных демократичес-[redacted] идей своего наставника. В народе [redacted] любовно называли «спасовяками». Вместе со Стефаном Рудняньским и некоторыми другими видными учеными довоенной Польши Спасовский отстаивал позиции марксизма-ленинизма по основным вопросам общественной жизни. Трудным путем придя [redacted] этому единственно научному мировоззре-

нию, он стал активным пропагандистом ленинских идей, вел борьбу с засильем католической церкви в культуре и просвещении.

Глубоко изучал Спасовский труды В. И. Ленина, с которыми он начал знакомиться еще во время первой мировой войны. Особенно много он занимался изучением произведений классиков марксизма-ленинизма после 1929 года, когда за пропаганду атеизма его отстранили от руководства семинарией. Огромный интерес у него вызвал гениальный труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», основные положения которого польский ученый применял и популяризировал в своих произведениях.

Трудом всей его жизни была книга «Освобождение человека в свете философии, социологии труда и воспитания детей». В ней Спасовский с ленинских позиций раскрыл социальные и гносеологические корни религии, внес важный вклад в марксистскую педагогическую науку. Эта работа, встреченная с энтузиазмом всей прогрессивной Польшей, вызвала ожесточенные нападки со стороны реакционных и клерикальных элементов. Без преувеличения можно сказать, что под влиянием ленинских идей Спасовский стал выдающимся пропагандистом научного атеизма и зачинателем атеистического воспитания молодежи в стране.

Видный польский педагог и мыслитель опровергал измышления защитников религии о ее извечности, обращал внимание на то, что люди верят в сверхъестественные силы потому, что явления окружающей природы и социальных отношений им непонятны. Спасовский-педагог требовал воспитания свободного человека, умеющего критически оценивать явления окружающей жизни, а этому мешало религиозное воспитание, парализующее мысль, проводящее идеи покорности и терпения, навязывающее идеологию, несовместимую даже с элементарными научными понятиями.

Не удивительно, что в журнале польских иезуитов «Пшеглёнд повшехны» и в других католических изданиях 30-х годов появлялись статьи, требовавшие физической расправы со Спасовским. Клерикалы обвиняли его в том, что он — сторонник атеистического воспитания молодежи и требует оградить подрастающее поколение от влияния церкви. Спасовскому вменялось в вину то, что он требовал от учителей, чтобы те делали атеистические выводы из материала, излагаемого на уроках физики, химии, географии, истории, астрономии и других школьных предметов.

Клерикальная пресса буквально травила выдающегося педагога. Католическая церковь особенно опасалась его влияния на учителей. «Идеям свободомыслия и даже безбожия благоприятствует решительная группа внутри Союза польских учителей», — писал тогда один из католических журналов.

В тесной связи с проблемами педагогики Спасовский ставил вопросы нравственности, исходя из идей, сформулированных В. И. Лениным в его речи на III съезде комсомола. На нее Спасовский неоднократно ссылался. Прежде всего он резко выступал против пропагандируемой религией морали. Подлинная мораль, по его мнению, ничего общего с религией не имеет и должна основываться на солидарности всех людей труда в борьбе против строя, основанного на эксплуатации, угнетении, лицемерии и обмане. Только такая мораль, считал Спасовский, удовлетворяет требованиям нового, лучшего, справедливого общественного строя и новой культуры.

В 1936 году к печати был подготовлен последний труд Спасовского, посвященный нашей стране, — «СССР — строительство нового строя». В нем он во весь голос заявил о своих симпатиях к Советскому Союзу. Вполне понятно, что в условиях буржуазно-помещичьего строя такая книга не могла быть напечатана, и власти ее конфисковали.

Видя неизбежность войны с фашизмом, Спасовский вступает в антифашистский комитет, а после оккупации страны гитлеровцами становится одним из первых членов конспиративной группы «Общество друзей СССР». Его долго выслеживает гестапо, охотится за ним. Не желая попасть в руки врага, выдающийся польский педагог 5 июля 1941 года покончил жизнь самоубийством.

Спасовский всегда верил в счастливое будущее польского народа и даже в самые тяжелые минуты своей жизни не терял надежды на его освобождение от фашизма великой Страной Советов. «Из крови и преступлений, — писал он, — родится новое, свободное и прекрасное сообщество братских народов, среди которых займет достойное место и польский народ». Эта вера выдающегося педагога и атеиста оправдалась.

Н. МАРАШ,
кандидат исторических наук

г. Гродно

Валентин БОРИСОВ

ЦЕРКОВЬ ВСЕГДА БЕЗГРЕШНА: ВЕЛИКИХ УЧЕНЫХ КАЗНИЛА НЕ ОНА, А ОВЦЫ ЗАБЛУДШИЕ В КАРДИНАЛЬСКИХ МАНТИЯХ.

⊙

ПРОГРЕСС В ПРАКТИКЕ ЦЕРКОВНИКОВ: НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ, ПРЕДАННЫЕ АНАФЕМЕ, ЧЕРЕЗ СОТНИ ЛЕТ СТАНОВЯТСЯ БОЖЬИМИ ОТКРОВЕНИЯМИ.

⊙

ПРИВЫКШИЙ КАЯТЬСЯ СЧИТАЕТ СЕБЯ ВПОЛНЕ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ: ВЕДЬ ОН ВСЕГДА ГОТОВ ПРИЗНАТЬ СВОЮ ВИНУ, ЧЕМ, ПО ЕГО МНЕНИЮ, ОН БЕССЛЕДНО СТИРАЕТ ЕЕ С СЕБЯ.

⊙

СУЕВЕРИЕ ВСЕГДА СВЯЗАНО НЕСВОБОДОЙ МЫСЛИ.

⊙

НИКОГДА НЕ ОТКРОЕТ НОВЫХ ПРАВИЛ ЧЕЛОВЕК, СВЯТО ВЕРЯЩИЙ В ПРАВИЛА.

⊙

ЧЕЛОВЕК, СЛЕПО ВЕРУЮЩИЙ, НЕ ТВОРЕЦ УЖЕ ПОТОМУ, ЧТО ОН НИКОГДА НЕ СКАЖЕТ СЕБЕ: «НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ!»

⊙

ДАЖЕ ХИЛЫЙ БОГОБОЯЗНЕННЫЙ ПРИВЕРЖЕНЕЦ ДОГМЫ ОПАСЕН ТЕМ, ЧТО В ЛЮБУЮ МИНУТУ МОЖЕТ ВЗМАХНУТЬ ДУБИНОЙ ФАНАТИЗМА.

КОНВИВИАЛЬНОСТЬ Ивана ЙЛЛИЧА

В. ПРОНИН, А. ЧЕРНЫШЕВ,
кандидаты филологических наук

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ Ивану Илличу, выступающему в качестве философа-футуролога, удалось оттеснить на задний план даже таких известных идеологов буржуазного Запада, как Маркузе и Маклюэн. Еще несколько лет назад его имя мало кто знал, а теперь оно не сходит со страниц западной массовой прессы. Редактор влиятельного французского клерикального журнала «Эспри» («Дух») Поль Тибо, например, характеризует Иллича как самого популярного сегодняшнего мыслителя, указывающего, как бороться с технократией и как спастись от «заката Европы».

Сенсационному «паблисити» Иллича в немалой степени способствовала довольно экзотичная биография. Ему около пятидесяти, его отец — хорват-католик, мать — испанская еврейка. Родился Иллич в Вене, учился в Ватикане, получил приход в Нью-Йорке, а позднее — в Пуэрто-Рико. В 1968 году, после того как церковные ортодоксы стали усматривать в его проповедях крамолу, он был вынужден оставить пастырское поприще.

Однако, сняв с себя сан, Иллич отнюдь не расстался с религиозными идеалами. Поводом для разрыва послужил ряд его частных конфликтов с церковной иерархией. Сам он впоследствии мотивировал свое решение тем, что обнаружил пропасть между проповедями священников и повседневной роскошью католической церкви.

Сняв сан, Иллич решил расширить свою аудиторию: не ограничиваясь прихожанами, он обратился с патетическими призывами к широкой публике, в том числе и взыскующей истины левой молодежи. На руку ему сыграло то, что он смог теперь выступать как независимый еретик, что привлекло к его «откровениям» еще больший интерес.

Иллич стал одним из организаторов так называемого Центра межкультурной документации в Мексике и вскоре издал сочинение, которое перевели на многие языки. Книга эта называлась парадоксально: «Обесшколивание общества» [1] — и вызвала горячую полемику. Кратко суммировать ее идеи можно лозунгом: «Долой школу!» По Илличу, она неизлечимо калечит молодые умы. Если Маркузе уповал на школяров-бунтарей, то Иллич настаивает на том, что все современные учебные заведения — рассадник конформизма. А опровергая Маклюэна, он на руссоистский манер вопиет о пагубных последствиях технического прогресса: «Машина выходит из-под контроля человека, становится его хозяином, а в конечном итоге — палачом».

Одни сочли пафос автора абсурдным экстремизмом и бранили его философский памфлет как жестокую глупость, другие, восхищаясь его безудержным радикализмом, объявили себя его последователями. В журнале «Нью стейтсмэн» [2] Кристофер Прайс поведал о том, как во время визита Иллича в Лондон за ним ходили толпы новообращенных, жадно ловя каждое слово «полусвятого учителя». Иллич, нападая на педагогов, вскоре сам сделался вероучителем и наставником. О его громкой популярности рассказала в серии передач на русском языке радиостанция Би-би-си, преподнося его критиканство как проявление свободы и демократии.

Но «Обесшколивание общества» было только бурной увертюрой карьеры Иллича. Еще большую сенсацию вызвала его книга «Средства конвивиальности» [3], которую один из рецензентов сравнил с «Откровением Иоанна Богослова». Слово «конвивиалити» малоупотребительно в английском языке, в буквальном смысле оно означает дружеское, радушное общение. Но Иллич обозначил им свою философию, свой особый, «новый» подход к перспективам общественного развития. Конвивиальность в его трактовке должна прийти на смену промышленному производству и призвана утвердить неформальные связи между людьми, а также между человеком и природой.

«ШКОЛА — СВЯЩЕННАЯ КОРОВА?»

Так полемически озаглавлено одно из выступлений Иллича перед студентами. Он говорил: «Школа как общественный институт переживает сейчас кризис, который, может быть, явится концом «школьной эпохи» в западном мире. Я говорю о «школьной эпохе» в том смысле, как говорят об эпохе феодализма или христианства. «Школьная эпоха» началась примерно двести лет назад. Постепенно возникло представление, что без школьного образования нельзя стать нужным членом общества. Задача нашего поколения — похоронить этот миф» [4].

Человек критического, наблюдательного ума, Иллич справедливо выявил некоторые недостатки буржуазной системы образования. Он констатирует, что значительная часть населения земного шара систематически в школе не обучалась, и делает из этого два вывода. Во-первых, с тех, кто не учился, все равно взыскивают налог на образование, и эта несправедливость, как он считает, вызывает у людей малограмотных почти мистическое почтение к школе, учебникам и учителям. Во-вторых, те, кто образования не получил, все равно усваивают необходимые для жизни знания и навыки, и никто не сможет доказать, что они более несчастны, чем обладатели любых дипломов. Школа учит скверно, и почти все факты и формулы, заученные в детстве, в дальнейшем либо забываются, либо оказываются бесполезными для практической деятельности.

Более того, Иллич настаивает, что именно школа делает людей несчастными, выкачивает деньги из тех, кто учится, оболванивает их, делает их рабами социальной системы. А главный принцип буржуазного образования, говорит он,— кастовость, существует прямая связь между тем, какое учебное заведение человек закончил, и его продвижением по службе.

Автор «Обесшколивания общества» доказывает, что она устраивает в школе естественный отбор, оттесняя неподготовленных и неспособных, которыми чаще всего оказываются бедные, и выдвигая в лидеры состоятельных наследников, будущих энер-

[1] *Ivan Illich. Deschooling Society. London, 1971.*
[2] *«New Statesman», London, 1972, N 1.*
[3] *Ivan Illich. Tools for Conviviality. New York, 1973.*
[4] *Ivan Illich. Die Schule als heilige Kuh? München, 1972, S. 12.*

гичных дельцов. По Илличу, школа виновата в том, что заранее предопределяет участь человека, его род занятий и житейский успех. Компенсировать школьные пробелы почти невозможно. Главная задача школы, считает он,— привить вкус к потреблению, научить покупать! Человека сызмальства приучают к тому, чтоб его меркантильные запросы все время росли, дабы он больше работал и больше потреблял. Производство потребительских товаров и услуг все время расширяется. Вчерашний выпускник учебного заведения, воспитанный в соответствующем духе, вооружается все большим количеством будто бы необходимых вещей. Зависимость человека от общества таким образом возрастает, он не может обойтись без бытовой техники и ставшего привычным сервиса. Однако, призывая освободиться от школ, автор в качестве идеала провозглашает чуть ли не первобытное состояние, когда человек сам себя кормил и обслуживал, сам себя лечил, не нуждался в общественном транспорте и организованном коллективном досуге.

Казалось бы, что плохого в любви ученика к учителю? Но Иллич ополчается на культ педагога. Он считает, что учитель приходит в класс из мира взрослых, уже приспособившихся к жизни конформистов и таким образом становится образцом для подражания. Учителю платят за то, что он постепенно делает своих учеников такими же послушными подданными, как взрослые. Школа превращена в серийное производство унифицированных узких специалистов. Иллич изрек, что стратегия войн зиждется на трех китах: «деньгах, наемниках и учителях». Учителя внушают юношеству мысль о том, что надо жертвовать жизнью во имя абстрактных идеалов. Впрочем, такая оценка роли педагога в современном обществе отнюдь не оригинальна. Еще создатель Германской империи 1871—1918 годов «железный канцлер» Бисмарк утверждал, будто своей победой во франко-прусской войне (1870—1871 гг.) Германия обязана немецкому народному учителю.

При всей кажущейся новизне аргументов, ниспровергающих образование и науку, Иллич на деле солидарен со средневековыми схоластами, внушавшими, будто знание вредит душе человеческой, а блаженство — в неведении и слепой вере. Основной порок его концепции состоит в том, что она рассчитана на какое-то вымышленное, метафизическое общество, на какого-то несуществующего «естественного человека», не подверженного никаким социальным влияниям, что, разумеется, тоже чистая фикция.

Попробуем разобрать, позицию каких социальных групп выражает Иллич и прав ли он в своей критике, в частности в критике школы, заслужила ли она его яростный гнев?

Вероятно, ближайшим единомышленникам Иллич представляется благородным идеалистом, своего рода одиноким Дон-Кихотом, который направил копье на обветшалое школьное здание. На самом же деле он вовсе не одинок и у него, если присмотреться, множество интеллектуальных двойников. Обратим внимание, что он выступил с критикой образовательной системы на рубеже 60—70-х годов и своим памфлетом «Обесшколивание общества» посвоему подвел итог студенческим бунтам, молодежному массовому недовольству, которое зрело в колледжах и университетах, а затем выплеснулось в виде демонстраций и волнений в Париже, Чикаго и даже в Рангуне.

В известном смысле почтенный поборник обесшколивания схож с недоучившимися школярами. Не достигшие двадцати лет молодые люди, озлобившись на профессоров, читавших схоластические лекции, а потом свирепствовавших на экзаменах, ополчились на всю систему образования скопом, громили аудитории, жгли учебники. Похоже поступает Иллич, который не хочет видеть никакой пользы в образовании и на сотне страниц твердит: «Школьная система должна быть разрушена». Эта любопытная социальная смычка, кстати, отчасти объясняет, почему Иллич популярен — он выразил настроение левацкого студенчества.

Что же касается того, прав ли он в своей критике школы, то ответ может быть только один: безусловно, прав, ибо школа — важная составная часть буржуазной идеологической системы и ей свойственны все ее пороки. Но Иллич, как и многие другие критики его толка, рассматривает частность как целое, вырывает школу из социального контекста, меняет местами причину и следствие. Послушать его — так школа диктует обществу законы, определяет будущность каждого. А на самом деле она подчинена законам, которые господствуют в обществе.

Он прав только в критической части своих рассуждений, но его нигилистическое предложение обесшколить общество абсурдно и потому совершенно неопасно. Вот отчего Иллича стала поднимать на щит буржуазная пропаганда (см., например, ноябрьский номер журнала «Америка» за 1974 г.).

Иллич именует все современное общество технократическим, наивно считая, что нет разницы между социализмом и капитализмом, поскольку обе системы стремятся увеличить производство материальных ценностей. Не представляя себе конкретно специфику школьного образования в социалистических странах, он мимоходом заявляет, что современная школьная система одинакова во всем мире. Почти с тем же успехом он мог бы направить свой гнев на родильные дома, ясли, общественный транспорт или адвокатуру и начать обличительную кампанию, доказывая, что все социальное зло происходит именно от них.

ИСЦЕЛИСЯ САМ...

Впрочем, так Иллич и поступил.

Небольшая книжка «Средства конвивиальности» вышла в респектабельной американской серии «Мировые перспективы», уже печатавшей Жака Маритэна, Эриха Фромма и других современных буржуазных философов. В их компанию Иллич попал благодаря тому, что, как утверждает, ему удалось разработать очередной глобальный прогноз исцеления человечества.

«Обесшколивание общества» рецензенты корили за отсутствие положительной альтернативы. В самом деле, нельзя же всерьез отнестись к предложению автора обучаться всем наукам по той же методике, по какой он выучился испанскому: прислушиваясь к разговорам на уличных перекрестках. Иллич предлагал вместо уроков в классе своеобразную эстафету. Хочешь стать врачом, строителем, пилотом — пойди к ним в подмастерья. Весьма скептически воспринимая всякого рода технику, он тем не менее обдумывал, как заменить учителя электронно-вычислительной машиной. В общем, концы с концами сходились плохо.

Видимо, отдавая себе отчет в изъянах своей концепции, Иллич задумал более подробно развить позитивную программу, для чего и написал новый трактат — «Средства конвивиальности». Но школа осталась и здесь моделью современного общества и поставлена в один ряд с промышленным производством, медицинским обслуживанием, гражданским строительством, транспортом, почтой. Сам автор

характеризует книгу как «эпилог промышленного века». В ней доказывается, что не только школа, но и другие общественные институты враждебны человеку и должны быть упразднены. Каждый из них, рассуждает Иллич, имеет тенденцию к расширению и, когда достигает определенного размера, становится нерентабельным и потенциально опасным.

Он начинает с такого примера: еще перед первой мировой войной человек, обращаясь к врачу, мог рассчитывать, что в 50 случаях из 100 тот ему поможет. Тогда казалось, что, если удвоить расходы на медицину, врач вылечит всех больных. Однако этого не произошло. Несмотря на множество медицинских достижений, положение больного ухудшилось, лечение стало очень дорогим и анонимным. Лечат с помощью процедур, но без человеческого участия одного доктора, заинтересованного в выздоровлении пациента. Иллич здесь лишний раз фиксирует феномен отчуждения, который возникает в силу того, что врач действует функционально и строго регламентированно, лечит не больного, а болезнь в соответствии с бюрократической системой медицинского обслуживания. Врачи, резюмирует он, научились не излечивать, а продлевать жизнь — иными словами, затягивать мучения, страдания, например с помощью трансплантации органов. В то же время смертность детей бедняков в США осталась на том же уровне, что и в слаборазвитых странах Африки и Азии. Раньше за больным ухаживали родственники, теперь им некогда: они заняты службой и зачастую по наущению врачей страшатся инфекции. Только очень богатые люди могут себе позволить уход на смертном одре, пригласив платную сиделку. Сходные идеи Иллич развивает и в другом своем трактате — «Медицинская Немезида» (1975 г.).

Разумеется, кое-что в этой критике справедливо, но какие же пути преодоления подмеченных им — и не только им — отрицательных явлений предлагает Иллич? Обругав всех медиков бюрократами, он предлагает заменить их народными целителями и даже медицинским самообслуживанием. Больные друг от друга получают элементарные сведения, а затем в случае нужды заглядывают в популярные справочники и, вооружившись шприцем, сами делают себе уколы. Хотелось бы представить, как последователь Иллича, проигнорировав бюрократическую хирургию, сделает себе сам, скажем, простейшую операцию!

Иллич умудрился найти пример, который, как он считает, подтверждает его теорию. Он ссылается на китайских «босоногих врачей», которые после краткосрочных курсов усваивают азы медицины и идут в народ, но при сем умалчивает, что вся эта затея была предпринята маоистами не от хорошей жизни в период пресловутой «культурной революции», когда и без того крайне несовершенная система медицинского обслуживания в Китае была окончательно дезорганизована. Впрочем, еще когда Иллич выступил ликвидатором школ, нетрудно было заметить в его патетике маоистский акцент. В «Средствах конвивиальности» он идет еще дальше. Напуганный научно-технической революцией и негативными сторонами буржуазного образа жизни, Иллич пытается противопоставить законам времени вымученную патриархальную догму. С его точки зрения, Китай тем и хорош, что не поддался индустриализации. При этом Иллич не берет в расчет, что реальные трудности возникли там не в последнюю очередь в связи с наращиванием военного потенциала, уродливым однобоким развитием экономики.

«Китаизм» становится основой рассуждений Иллича о пагубности промышленного прогресса. Он убежден, что в развитии любой отрасли науки или производства существуют два этапа. Поначалу, например, удается резко увеличить скорость автомобиля, но затем, на втором этапе, начинают возникать непредвиденные проблемы — транспортные пробки, загрязнение воздуха, необходимость вложения колоссальных средств в строительство и ремонт автотрасс. Иллич однажды подсчитал, что средний американец тратит несколько часов в день на свой автомобиль, включая сюда время, которое он проводит за рулем, и то, которое он расходует, чтобы оплатить издержки — стоимость машины, бензина, ремонт, налоги и все прочее. Если разделить расстояние, которое он проезжает ежедневно, на это затраченное количество часов, то скорость получится весьма умеренная: чуть больше скорости пешехода. Отсюда следует вывод, что автомобиль нерентабелен и общество надувает своих членов, заставляя их пользоваться. «Прежние достижения,— размышляет Иллич,— служат оправданием для эксплуатации всех членов общества во имя изжившей себя цели, которая давно устарела, но ее бессмысленность постоянно словесно обновляют» [5].

Из сконструированной им таким образом нелепой ситуации автор находит не менее смехотворный выход — посадить всех на велосипед. Одна из его кардинальных идей — замедление скорости в самом широком смысле, будь то передвижение человека, развитие науки, а тем более производство материальных благ. Это позволит человечеству, наставляет Иллич, уменьшить потребление энергии. Под такие увещевания подводится философская база, хотя, по сути, теоретик конвивиальности из-за разразившегося на Западе энергетического кризиса предлагает просто по одежке протягивать ножки.

Но фундамент всей концепции Иллича — самообслуживание. Тогда и скорость снизится, и энергии потреблять много не придется. Пусть каждый с помощью минимума машин, поучает он, сам создаст себе все необходимое: построит жилище, вырастит хлеб. «Прогресс,— утверждает он,— должен означать растущую компетентность в самообслуживании и самообеспечении, а не усиливающуюся зависимость от общества». Пусть человек конца XX столетия вновь, как во времена феодализма, заведет натуральное хозяйство! С индустриальным производством должно быть немедленно покончено, потому что иначе человека погубят машины.

Тщетные попытки вырваться из-под власти законов капиталистического общества приобретают порой самые фантастические формы. Последователи Иллича призывают строить самим себе жилища, добывать полезные ископаемые, вырабатывать электроэнергию. Так, вдохновленный идеями Иллича публицист Колин Уорд на страницах журнала «Листнер» призывает каждого строить самому себе дом, использовать в качестве источника энергии... ветряные мельницы, отказаться от водопровода, вместо которого можно собирать дождевую воду. Он утверждает, что архитекторы (подобно учителям и врачам в трактовке Иллича) продались буржуазному укладу, они строят скучные серийные сооружения. Типовому строительству К. Уорд предлагает противопоставить «политику строительного анархизма». Трудно сказать, чего больше в такого рода рассуждениях — оригинальничания или суеверного страха перед урбанизацией.

---

[5] *Ivan Illich. Tools for Conviviality,* p. 7.

Чуть [redacted] [redacted] [redacted] каждой странице своего сочине-[redacted] «Средства конвивиальности» Иллич рисует всевозможные апокалиптические беды, которые грозят человечеству со стороны взбунтовавшихся машин. Заканчивая книгу, он предрекает: «Дальнейший рост индустриальной технологии ведет [redacted] разрастанию катастрофы; может быть, речь идет о конце цивилизации» [6].

ЗАПОЛНЯЯ ВАКУУМ

Маститый западный буржуазный философ Эрих Фромм [redacted] предисловии [redacted] одному [redacted] немецких изданий книги Иллича, отметив противоречивость его взглядов, произнес [redacted] не менее [redacted] адрес автора похвальное слово, назвав его «человеком редкого мужества, большой энергии, исключительной и блистательной эрудиции и богатой фантазии» [7].

Эта оценка [redacted] некотором смысле типична: многие доверчивые читатели поддались на декларации Иллича, на первый взгляд будто бы [redacted] [redacted] самом деле продиктованные заботой о человеке. Что же до [redacted] учености, то, возможно, [redacted] эрудит, но знания свои применяет крайне умеренно: система его рассуждений, напротив, строится [redacted] том, что на окружающий сложный индустриальный мир надо смотреть наивно и простодушно.

Книги Иллича произвели на Западе сенсацию, секрет которой, очевидно, заключается [redacted] том, что [redacted] них говорится о вещах, близких [redacted] понятных каждому. Опытный проповедник, он умеет воодушевлять аудиторию, обладает недюжинным ораторским даром и, даже говоря банальности, умеет облечь их [redacted] эффектную велеречивую форму. [redacted] массовом потребительском обществе, насквозь пропитанном прагматизмом, его логические сальто-мортале пользуются спросом. Философ-богослов сходит за библейского пророка, предвещающего скорый конец света, если [redacted] [redacted] доводам [redacted] прислушаются. Поэтично [redacted] вдохновенно он повествует, [redacted] прекрасен был бы мир без школ [redacted] больниц, без автомобиля [redacted] [redacted]

Иллич [redacted] не надеется, что его по меньшей мере странные предложения будут приняты [redacted] внедрены [redacted] жизнь. Назойливо повторяя [redacted] броские тезисы, [redacted] заставляет с собой спорить, соглашаться, опровергать или подбирать [redacted] аргументы. [redacted] [redacted] сочинениях много полуправды, разматывать [redacted] противоречия, находить промахи [redacted] логике временами столь [redacted] занимательно, как отыскивать преступника [redacted] детективе. К тому же он остроумен, но его остроумие [redacted] столько веселит, сколько пугает, а, [redacted] давно уже замечено, [redacted] рынке коммерческой культуры страхи вымышленные пользуются спросом: они помогают забыть про реальные беды.

Концепции Иллича широко популяризируются средствами массовой коммуникации, чтобы создать видимость интенсивной духовной жизни. В Англии, в частности, в конце 1975 года начал выходить новый журнал «Практическое самообеспечение», [redacted] страницах которого последователи Иллича делятся опытом. [redacted] первом номере один из них, например, рассказывает, как ему удается обходиться без мыла, [redacted] другой в статье, озаглавленной «Назад, к земле!», утверждает, что уже двадцать лет ничего не покупает [redacted] продовольственных магазинах [redacted] [redacted] семью кормит только тем, что выращивает [redacted] приусадебном участке, причем без современных машин и удобрений.

Интервью Иллича, диспуты с ним, его диалоги [redacted] критиками — все это создает определенную нравственную атмосферу, которая на первый взгляд кажется исполненной вольномыслия, свободы слова и соответственно печати, [redacted] в действительности представляет почти что симпозиум ильфо-петровских пикейных жилетов [redacted] той лишь разницей, что [redacted] суда-[redacted] на досуге, [redacted] то время как буржуазные радио- [redacted] телекомментаторы, обозреватели газет [redacted] журналов сделали это своей профессией. Им конвивиальность Иллича очень удобна: [redacted] силу своей социальной беззобидности она позволяет судить да рядить сколько угодно.

«Массовая культура» создает не только свою беллетристику, попмузыку, кинофильмы, но и свою философию. Такого рода системы идей носят эпигонский характер, эффектность фраз прикрывает конформистский характер критики. Иллич только поначалу кажется оригиналом. По мере чтения возникает ощущение, что все это уже было, было, было. Еще [redacted] 50—60-е годы появились ниспровергатели западной системы образования. Были опубликованы [redacted] Пола Гудмана «Растем глупцами» [redacted] «Принудительное лжеобразование», Эдгара Фриденберга «Исчезающий подросток», Джона Холта «Как дети терпят неудачу». Но ни один [redacted] этих авторов не сумел создать себе такую рекламу [redacted] не добился такого коммерческого успеха, [redacted] Иллич. Что [redacted] касается «средств конвивиальности», то [redacted] тоже трудно считать изобретением Ивана Иллича. Скорее тут мы имеем дело с эклектической мешаниной из Руссо и утопических социалистов, толстовства и гандизма.

Для современных расхожих философских систем Запада характерен своеобразный «плюрализм»: они компилируются [redacted] ряда идей уже известных, зачастую взаимоисключающих философских школ. Для «плюрализма» Ивана Иллича, [redacted] частности, характерно то, что каждая его идея допускает столь многозначное и расплывчатое толкование, что [redacted] могут принять люди самой разной идеологической ориентации: от студентов и [redacted] до профессоров, от менэджеров «массовой культуры» до высоколобой интеллектуальной элиты.

«Антикапиталистическая» критика Иллича направлена на некоторые кризисные явления буржуазной культуры. Однако [redacted] отвергает социализм [redacted] альтернативу империалистическому механизму господства над личностью. Пытаясь защитить ее [redacted] все возрастающих бедствий [redacted] угнетения, Иллич разрабатывает серию радикальных, но практически неосуществимых реформ. Его религиозная по своей сути философия порождена бесперспективностью капитализма [redacted] страхом перед будущим. Абсолютизируя кризис буржуазного мира, Иллич выставляет его доказательством того, что история человечества якобы ведет [redacted] тупик. Поэтому, мол, бунт против несправедливых общественных основ бессмыслен.

Так и случилось, что «обесшколивание» [redacted] «конвивиальность» Иллича пришлись на Западе впору, заполнив интеллектуальный [redacted] идеологический вакуум, возникший в результате непрерывного углубления [redacted] расширения общего кризиса капитализма.

Ныне этот кризис сотрясает не только базис капиталистической системы, как это было, например, во времена «великой депрессии» 30-х годов, но уже распространился на [redacted] ее надстройку. «Усилился идейно-политический кризис буржуазного общества,— отмечалось [redacted] Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии.— Он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы... Продолжается упадок духовной культуры».

«Феномен» Ивана Иллича — один из многочисленных симптомов этого духовного кризиса.

---

[6] *Ibid. p. 107.*
[7] *Ivan Illich. Schulen helfen nicht... Hamburg. 1972, S. 9.*

ПОЧЕМУ БЫЛ УБИТ МОХАММЕД ТАГИ-ХАН

Д. АНАРКУЛОВА

Государство и духовенство в Иране

В СЕГОДНЯШНЕМ ИРАНЕ проводится широкая программа буржуазных преобразований, усиливается секуляризация жизни страны, предпринимаются меры, направленные на укрепление суверенитета государства. В этих условиях большую популярность приобрело имя крупного государственного деятеля середины прошлого века — мирзы Мохаммеда Таги-хана, более известного под именем Амир-Кабир. Это был смелый реформатор, который первым из министров иранского двора попытался предпринять решительные шаги, чтобы вывести страну из средневековой рутины. За три года пребывания на посту первого министра (с 1848 по 1851 г.) он сделал для этого немало. Он попытался осуществить серию прогрессивных социально-экономических и политических реформ для «модернизации» жизни Ирана, чтобы ограничить усиливавшееся проникновение в страну иностранного влияния, прежде всего Англии и России.

Биография Таги-хана необычна для иранских государственных деятелей того времени. Отец его был поваром, а затем управляющим в доме первых министров Мохаммед-шаха — мирзы Исы и его сына мирзы Абуль-Касыма Ферахани, известных прогрессивными взглядами. Незаурядные способности Таги-хана привлекли внимание семьи Ферахани. С помощью своих покровителей он получил первоклассное образование и начал быстро продвигаться по ступеням служебной лестницы.

В 1822 году Таги-хан становится личным секретарем первого министра и приобщается к решению важных государственных дел. В 1829 году он принимает участие в посольстве принца Хосрова-мирзы в Петербург, которое должно было принести извинения русскому правительству по поводу разгрома российской миссии в Тегеране и убийства А. С. Грибоедова. Пребывание в России и все увиденное там, в частности система образования, организация военного обучения, производство оружия, горнорудное, типографское дело, произвели огромное впечатление на Таги-хана. Поездка оказала в дальнейшем большое влияние на его деятельность на посту первого министра. Важной вехой на политическом пути Таги-хана явилось и его пребывание в Турции в 1843 году, когда он в качестве уполномоченного иранской делегации участвовал в Эрзерумской конференции. Здесь он познакомился с буржуазными реформами «танзимата». А в январе 1848 года Таги-хан был назначен везир-низамом (первым министром) наследника престола принца Насер-эд-Дина, правившего по установившейся в Иране традиции одной из крупнейших провинций страны — Азербайджаном. Он пользовался полным доверием 16-летнего принца. Авторитет мирзы Таги-хана еще более вырос после того, как он сумел в июне 1848 года быстро и решительно подавить мятеж в Тебризе, во время которого на Насер-эд-Дина было совершено покушение. Таги-хан становится близким советником молодого наследника, а когда принц в октябре 1848 года вступил на престол — первым министром с двумя титулами — Амир-Кабир (великий эмир) и Амир-Низам — (князь армии).

К этому времени Таги-хан был вполне сложившимся, опытным политическим деятелем. Он сумел реально оценить социально-экономическое и политическое положение страны. В экономике Ирана в основном господствовали феодальные производственные отношения, уровень производительных сил был низким, усиливалось проникновение иностранного капитала в страну, что вело к упадку ремесел, местной промышленности. Серьезный ущерб экономике страны наносили коррупция государственного аппарата, взяточничество, казнокрадство, расточительство правящей династии. Этому сопутствовало ослабление государственной власти. В армии появились признаки дезорганизации, усилились сепаратистские тенденции правителей отдельных областей и ханов племен. Прямым следствием ухудшения экономического и политического положения страны были резкое обострение социальных противоречий, рост недовольства трудящихся, что в 1848—1852 годах вылилось в крупные народные выступления, получившие название бабидских восстаний.

В этих условиях мирза Таги-хан выступил с программой преобразований, направленных на укрепление центральной власти, оздоровление государственного аппарата, улучшение финансового и экономического положения страны. Эти реформы в известной мере способствовали созданию предпосылок для развития буржуазных отношений, условий для втягивания страны в систему мировых общественных связей, что в свою очередь вело к распространению новых идей, противоречивших традиционному мировоззрению иранского общества, существовавшего по законам Корана и шариата. Тем самым реформы Таги-хана затрагивали интересы высшего иранского духовенства. Но он проводил в жизнь мероприятия и прямо направленные против безраздельной власти религии в обществе.

Он предпринял попытку ограничения вакфного землевладения *. Была объявлена также повсеместная проверка прав шиитского духовенства на владение имениями халесе, переданными духовенству при Мохаммед-шахе. Таги-хан отменил право «беста», по которому мечети, иностранные посольства и консульства, дом какой-нибудь священной особы считались неприкосновенными для властей и в них могли укрыться люди, преследуемые правительством. Бест считался богоугодным делом, материальная и моральная поддержка преследуемого была священной обязанностью. Это право нередко использовалось духовенством (как и иностранными державами) для вмешательства в политические дела страны.

Прямо против духовенства были направлены мероприятия по реорганизации судебной системы и образования, которое, по сути дела, было его мо-

---

* Вакф — земли, принадлежащие религиозным учреждениям.

нополией. Таги-хан намеревался если не совсем упразднить шиитский суд, то хотя бы добиться предельного ограничения сферы его юрисдикции. Он предложил проект отделения школы от религии, направил на учебу в Европу многих молодых иранцев, основал высшее учебное заведение Дар-эль-фунун (Дом наук), которое стало центром культурной жизни того времени. С деятельностью Таги-хана связан выход в феврале 1851 года первой в Иране официальной газеты — «Дневника случайных происшествий». Она была трибуной для критики старых порядков, средневековых традиций и обычаев, освященных исламом. В ней пропагандировались передовые идеи, призванные перестроить по-новому жизнь иранского общества.

Можно сказать, что в вытеснении духовенства с главных позиций в общественной и культурной жизни страны Таги-хан видел залог успешного осуществления своих социально-политических и экономических преобразований. Он заявил, что намерен последовать примеру турецкого правительства, которое добилось секуляризации многих сторон общественной жизни страны.

Следует, однако, отметить, что Таги-хан ни в коей мере не был противником самого ислама. Он, например, активно боролся против бабизма — учения, представлявшего собой попытку реформации мусульманской религии. Основоположник его Али-Мухаммед в своей книге «Беян» («Откровение») объявлял, что законы Корана и шариата устарели и их надо изменить в соответствии с историческими условиями. Бабиды требовали ликвидации прав и привилегий феодальных собственников, отмены частной собственности, установления общности имущества, освобождения от налогов и податей и т. д. В борьбе за осуществление этих идей они не раз поднимали восстания, которые Таги-хан беспощадно подавлял.

Тем не менее его реформы и его политика объективно вели к ограничению влияния духовенства в Иране — это было требование жизни. Естественно, эта его деятельность встретила ожесточенное сопротивление религиозных вождей. Уже вскоре после прихода мирзы Таги-хана к власти на его жизнь было организовано покушение. В 1849 году духовенство в союзе с феодальной аристократией спровоцировало мятеж войск тегеранского гарнизона, которые потребовали отставки первого министра. Мятеж был подавлен, однако духовенство развернуло среди населения открытую кампанию против Таги-хана и его реформ. Особое усердие проявляли видные религиозные лидеры — шейх-ислам Тебриза и имам-джума Тегерана. Размах кампании вынудил Таги-хана добиться смещения и высылки этих двух своих главных политических противников.

Потерпев неудачу, религиозная оппозиция активизировала свою деятельность против Таги-хана при иранском дворе, воспользовавшись резко враждебным отношением к нему матери шаха. Оппозиция при дворе, в которой значительную роль играла и феодальная аристократия (после того, как Таги-хан подавил основные очаги бабидских восстаний), развернула активную борьбу против Таги-хана.

Молодой Насер эд-Дин-шах вначале всячески поощрял и поддерживал своего министра. В знак дружеского расположения и полного доверия к нему он выдал за него замуж свою сестру. Однако вскоре высшему духовенству и феодальной аристократии не без поддержки дипломатических представителей Англии и России удалось убедить его в том, что Таги-хан хочет свергнуть его с престола и проводит все реформы только для завоевания популярности среди населения, и особенно армии. В ноябре 1851 года мирза Таги-хан был смещен с поста первого министра и сослан в Кашан, где в начале следующего года был убит.

В борьбе между Таги-ханом и высшим мусульманским духовенством выразилась известная проблема отношений между государством и религией, светской властью и духовенством. В Иране государственная власть всегда стремилась использовать ислам для укрепления своих позиций. В то же время она пыталась и ограничить вмешательство духовенства в дела государства. В рассматриваемый период светская власть, по сути дела, потерпела поражение в борьбе с духовенством. Имя мирзы Таги-хана было на длительный период предано забвению, а его реформы во многом сведены на нет. Это отрицательно сказалось на дальнейшем социально-экономическом и политическом развитии страны.

Однако последующая ее история показала, что это была последняя крупная победа духовенства в его борьбе за определяющие позиции в государстве. Ослабление его власти в дальнейшем вызывалось сдвигами в социально-экономическом и культурном развитии Ирана. К тому же среди духовенства начиная с последней четверти XIX века проявлялось все больше разногласий. В мировоззрении иранского общества и в социальной жизни страны происходили определенные изменения. Часть духовенства старалась примирить происходившие перемены с догмами ислама, другая, более радикальная, одобряя преобразования, стояла за реформацию, которая могла бы приспособить религиозные институты к новым условиям. Но высшее духовенство выступало в основном против буржуазных преобразований.

Борьба между светской властью и духовенством в Иране достигла апогея в начале 60-х годов нашего столетия, когда государство приступило к осуществлению обширной программы буржуазных преобразований, охвативших все области социально-экономической и политической жизни страны.

Особенно противилось высшее духовенство аграрной реформе и предоставлению избирательных прав женщинам. Оно стало в открытую оппозицию государству и объявило эти преобразования противоречащими духу ислама. В частности, в связи с проведением аграрной реформы один столичный профессор теологии писал, что «мусульманин не может молиться на земле, собственником которой он стал благодаря насилию».

Духовенству в союзе с крупными феодалами неоднократно удавалось спровоцировать выступления народных масс против «нарушения законов ислама». Так, 21 марта 1963 года, в день новруза, в Тегеране, Мешхеде, Куме, Тебризе, Ширазе, Исфахане и других городах оно инспирировало демонстрации против аграрной реформы и предоставления избирательных прав женщинам. Против демонстрантов были двинуты полиция и войска, с обеих сторон были убитые и раненые. Весьма серьезный характер приняли выступления в дни ашуры — религиозного траура шиитов, в них участвовали широкие слои городского населения. В эти дни религиозные авторитеты читали в мечетях проповеди, которые содержали открытую угрозу в адрес шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Возбужденные проповедями верующие выходили на улицы с криками: «Смерть диктатору!» Власти арестовали около 30 представителей духовенства, но это лишь усилило антиправительственные

волнения, в которых участвовали рабочие, ремесленники, мелкая буржуазия. Нужно сказать, что участие этих социальных слоев в волнениях объяснялось не столько стремлением противодействовать правительственным преобразованиям, сколько стихийным протестом против тяжелого материального положения и политического произвола, царившего в стране. По официальным данным, в результате этих выступлений было убито несколько сот человек.

После решительного подавления властями этих выступлений высшее духовенство перешло к скрытой борьбе со светской властью. Оно распространяло прокламации и памфлеты, порой в этой борьбе против правительства прибегало и к индивидуальному террору. В январе 1965 года один из члеиов религиозной политической организации «Федаяне-е ислам» смертельно ранил премьер-министра Х. Мансура. Однако эти действия ослабляли авторитет и влияние духовенства в стране.

Правительство принимало довольно жесткие меры по отношению к своим противникам, учитывая, однако, что в Иране — стране с глубокими религиозными традициями, с невысоким материальным и культурным уровнем — роль ислама велика. Общественные преобразования проводились, как правило, под лозунгом триединой формулы: Аллах, шах, родина.

В деревнях было построено много новых мечетей, по инициативе шаха и правительства неоднократно переиздавался Коран, государство вносило крупные пожертвования в пользу священных мест шиитов — Неджефа и Кербелы (Ирак). Оно стремилось превратить духовенство в лояльную по отношению к центральной власти силу, ограничить его общественно-политическую деятельность выполнением религиозного долга.

Все эти и другие мероприятия правительства создавали предпосылки для ослабления противоречий и известного сближения светской и духовной властей. Толчок к этому сближению, подготовленному также заметными изменениями во взглядах среди части высшего духовенства, в немалой степени дали следующие события. В октябре 1971 года между духовеиством Кербелы и Неджефа (центров оппозиционного шиитского духовенства) и властями Ирака разгорелся серьезный конфликт. Основной его причиной послужило изгнание с территории Ирака (в связи с обострением отношений с Ираном) около 30 тысяч лиц иранского происхождения. Духовенство Кербелы и Неджефа, Мешхеда, Кума и Тегерана выразило протест, поддержанный иранским правительством. Многие религиозные лидеры покинули Ирак и нашли благожелательный прием у властей и населения Ирана. Тем самым оппозиционно настроенное духовенство Ирана лишилось опоры, которую оно всегда находило в лице религиозных лидеров Неджефа и Кербелы. В дальнейшем, несмотря на сохранившиеся разногласия по некоторым важным вопросам, деятельность высшего духовенства свидетельствовала об отказе от борьбы против программы преобразований. Более того, для укрепления своего влияния духовенство стало на путь сотрудничества с государством в осуществлении ряда экономических мероприятий.

В начале 1973 года в иранской деревне развернула деятельность первая группа в составе 40 членов «религиозного корпуса», сформированная из выпускников теологических факультетов высших учебных заведений, прошедших специальную подготовку, которая предусматривала изучение не только догм ислама, но и основ обширного комплекса общественных преобразований, известных под названием «белой революции». Главной целью этих преобразований было ускорение капиталистического переустройства Ирана, некоторое облегчение положения широких слоев населения. Только так можно было достигнуть разрядки напряженной внутриполитической обстановки, создавшейся в стране в конце 50-х — начале 60-х годов. «Белая революция» предусматривала также осуществление ряда внешнеполитических и социально-культурных мероприятий.

Участие духовенства в осуществлении различных экономических и других государственных мероприятий свидетельствует о победе светской власти над духовенством — одним из главных противников общественных преобразований.

В такой обстановке было возвращено из забвения имя первого иранского буржуазного реформатора середины XIX века Мохаммеда мирзы Тагихана, убитого стараниями духовенства именно за его деятельность в области социально-экономических преобразований.

Изменение социальных условий привело к сдвигам в массовом сознании мусульман, и это определило линию поведения высшего духовенства в Иране. Это еще раз наглядно показало, что функции религиозных институтов определяются не только догмами религии, но и законами социального и экономического функционирования общества в данных исторических условиях.

Иранские теологи вынуждены мириться с вмешательством светской власти в сферу деятельности духовенства. Чтобы предотвратить окончательное подчинение религиозных институтов государству, сохранить влияние религии на общественную жизнь государства и населения страны, современные шиитские теоретики все чаще высказывают мысль о необходимости приспособиться к современным условиям, пересмотреть отдельные устаревшие нормы, разделить «духовную и политическую» сферу между духовенством и государством.

ПАЛОМНИКИ, ОСТОРОЖНО!

Еще не так давно мусульмане со всех концов света тянулись в Мекку кто на верблюде, кто на лошади, а кто и пешком. Сегодня паломников доставляют сюда сотни самолетов, тысячи автобусов. Коран предписывает правоверным хотя бы один раз в жизни побывать в Мекке, поцеловать знаменитый черный камень Каабы, принять участие в священных обрядах, которые якобы даруют приобщенным к ним блаженство после смерти.

Мусульманская святыня процветает — паломнкки оставляют в Мекке немало своих сбережений. Недавно главная мечеть мусульман Кааба была капктально обновлена и значительно расширена — теперь вокруг Каабы могут одновременно молиться 300 тысяч человек. Работы обошлись в 50 миллионов риалов. Но вот беда — иные паломники рискуют никогда не вернуться домой: их подстерегают работорговцы, действующие здесь весьма активно.

Жертвами их чаще всего становятся неграмотные бедняки, прибывшие в Мекку, не оформив соответствующих документов. Официально работорговля в Саудовской Аравии, разумеется, запрещена (впрочем, лишь с 1963 года), но запрет привел лишь к тому, что повысилась цена на рабов. По данным ООН, ежегодно в рабство продается примерно 80 тысяч человек, и среди них немало тех, кто пришел поклониться святыням в Мекке...

Разные решения одной задачи

УЧЕНИКИ бывают разные: одни схватывают материал на лету, другим необходимы долгие объяснения. Но учебник на всех один, и создать его таким, чтобы он удовлетворял каждого, — задача далеко не простая, тем более когда речь идет о предмете мировоззренческом, требующем проникновения в суть сложнейших явлений и процессов.

Сейчас учащиеся средних специальных учебных заведений Российской Федерации, Украины и Белоруссии знакомятся с курсом «Основы научного атеизма» по трем разным книгам, изданным в Москве, Киеве и Минске *. Можно представить, с какими трудностями столкнулись авторы — известные своими работами в области марксистского атеизма и религиоведения ученые, — приступая к этой работе: практически впервые в максимально популярной форме им предстояло обобщить для учащихся средних специальных учебных заведений «как новейшие достижения научной мысли, исследующей историю и теорию атеизма, так и многолетний опыт преподавания данного учебного предмета в советских вузах, техникумах и училищах».

И надо сказать, сделать это авторам в большой степени удалось. В учебниках, написанных в соответствии с программой курса «Основы научного атеизма» для средних специальных учебных заведений, лаконично, но емко излагаются актуальные проблемы научного атеизма, дается критический анализ наиболее распространенных в нашей стране религиозных направлений, рассматриваются основные вопросы теории и практики атеистического воспитания, определяются задачи системы среднего образования в формировании у молодежи научно-материалистического мировоззрения и твердых коммунистических убеждений. Кроме того, учебники написаны хорошим литературным языком, в котором популярность изложения счастливо сочетается со строгой научностью и аргументированностью мысли.

В то же время каждый учебник сделан в своей, только для него характерной манере. Московский, например, отличается достаточно высоким теоретическим уровнем, удачным отбором материала, хорошо продуманной, методически обоснованной логикой изложения, устремленностью в современность, хорошим вспомогательным аппаратом. Единственно, в чем, пожалуй, можно упрекнуть авторов, — в тезисности и определенной сухости изложения. Особенно это заметно при чтении второго раздела книги, в частности, главы седьмой — «Атеизм и общественный прогресс», в которой разбор атеистических концепций сведен подчас лишь к перечислению имен.

Неоправданно кратко, на наш взгляд, раскрывают авторы и содержание научного атеизма как части философского знания:

> **«Атеизм входит в число определяющих признаков материализма и составляет существенную черту материалистического мировоззрения». «Именно диалектический и исторический материализм поднял атеизм до подлинно научного уровня — сделал его неотразимым по убедительности и наступательным по духу» (стр. 5). «Научный атеизм... неразрывно связан с теорией... научного коммунизма» (стр. 9).**

А ведь от того, как изложена эта тема, в значительной мере зависит понимание учащимися многих принципиально важных вопросов: скажем, почему марксистская философия атеистична или каковы цели атеизма и курса основ научного атеизма в частности и т. п.

Впрочем, столь же лаконично и минское пособие, по сути дела, ничего не добавляющее к тезису, что «теоретической основой атеизма является материализм» (стр. 9). И только В. К. Танчер подробно объясняет, что научный атеизм — это одна из наук, обособившихся в ходе развития философии; диалектический и исторический материализм выступают «одновременно и как мировоззренческая его основа, и как метод познания» (стр. 5—6).

Стремление возможно полнее объяснить читателю исходные положения предмета — лишь одна из отличительных черт киевского учебника. Для автора характерна также максимально доступная форма изложения. Так, раскрывая марксистско-ленинское определение религии, он объясняет, как вообще в сознании человека могут появиться превратные представления о действительности. И приводит пример, на удивление простой и доходчивый:

> **«Каждый предмет, каждое явление весьма богаты по содержанию и могут иметь разное значение... Так, например, книга может быть учебником, справочником, сборником законов, содержать литературные произведения или же религиозные тексты, использоваться как пресс, как украшение и т. д. и т. п. Если мы из огромного множества возможностей применения книги... возьмем одно какое-нибудь и абсолютизируем его, будем, например, считать, что книга — это только украшение, то этим мы обедним и сузим понятие «книга», сделаем его несоответствующим действительности и, таким образом, извратим наше знание. Этим же мы извратим и нашу практическую деятельность — книгу мы не будем читать, а только украшать ею нашу комнату. Это нелепо, бессмысленно, кажется диким, но ведь так бывает» (стр. 17).**

Кстати, этот пример позволяет не только понять, как может существовать превратный взгляд на мир. В приведенном отрывке нетрудно разглядеть и другую не менее важную мысль: мировоззрение как обобщенное понимание и толкование человеком окружающей его действительности включает в себя не только философские, политические, правовые, нравственные, эстетические, религиозные взгляды и представления. Это лишь основа мировоззрения, которое, как отмечал К. Маркс, включает в себя, помимо того, еще и самочувствование человека, то есть его внутреннюю убежденность в правильности своего взгляда на мир. К сожалению, эта очень важная мысль не получила в киевском учебнике развития. Отсутствует она и в московском пособии. А в итоге разговор о несовместимости научного и религиозного мировоззрений фактически свелся в обоих изданиях лишь к противопоставлению науки и религии как форм общественного сознания.

Безусловно, по мере распространения научных знаний религиозная вера размывается. Но до определенной границы, ибо наука — еще далеко не все для человека. Это, кстати, прекрасно понимают современные богословы, которые ведут сегодня дискуссию с атеистами не по естественнонаучным, а прежде всего по социально-нравственным проблемам.

Что такое добро и зло? В чем смысл жизни? Почему желательны одни поступки и недопустимы дру-

---

* «Основы научного атеизма». Под ред. Н. С. Гордиенко. Учебное пособие для средних специальных учебных заведений. М. «Высшая школа», 1975, 183 стр., 100 000 экз., 29 коп.; В. К. Танчер. Основы научного атеизма. Учебник для средних специальных учебных заведений. Киев, «Вища школа», 1975, 183 стр., 70 000 экз., 24 коп.; «Основы научного атеизма». Учебное пособие для средних специальных учебных заведений. Изд. 3-е, испр. и доп. Минск, Изд-во БГУ, 1975, 222 стр., 43 000 экз., 40 коп.

гие? — эти вопросы издавна волнуют людей. Естественно, не остались они и вне внимания религии. Тысячелетиями проникала она в нравственную сферу, стремилась монополизировать ее. И не без успеха: даже сегодня еще можно встретить людей, которые совершенно искренне считают, что «если бога нет, то все дозволено».

Процесс высвобождения общечеловеческих норм морали от религиозной оболочки сложен и труден, однако каждый из этапов этого процесса становится очередным триумфом атеизма, нравственное содержание которого, по словам К. Маркса, состоит в том, что как наука он способствует развитию «теоретического гуманизма», и претворяемый в жизнь «означает становление практического гуманизма».

Это нашло, в частности, свое воплощение в гарантированном советской Конституцией принципе свободы совести. Впервые осуществленный не на словах, а на деле, этот принцип является для человека социалистического общества таким же неотъемлемым, как право на труд, образование, отдых и другие права и свободы.

«В нашей стране лица, которые препятствуют верующим в отправлении религиозных служб и церемоний, подлежат уголовной ответственности. Нарушением свободы совести считается отказ в принятии на работу или учебу, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, лишение установленных законом льгот и привилегий, а также другие ограничения прав граждан ввиду их религиозности» (киевский учебник, стр. 168).

Это ли ни одно из наиболее ярких проявлений огромной нравственной силы марксистско-ленинского атеизма? В. К. Танчер подчеркивает ее, цитируя слова, сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым с трибуны партийного съезда:

«Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека... Не могут быть терпимы и нарушения прав личности... Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа».

Гуманизм марксистско-ленинского атеизма проявляется не только в его содержании, но и в форме, в которой он излагается. И в этой связи вызывает удивление тот факт, что тексты киевского учебника, а особенно минского, пересыпаны такими словами и словосочетаниями, как «церковники», «религиозники», «религиозные вербовщики» и т. п. Правда, авторы не забыли напомнить слова В. И. Ленина о необходимости уважительно относиться к верующим, к их религиозному чувству. Это оставляет надежду, что преподаватели критически воспримут неудачную терминологию и заявления такого рода: «Верующий человек при всем своем желании не может быть высоконравственным...» (минское пособие, стр. 12).

Вряд ли в данном случае нужен какой-либо комментарий — издержки слишком уж очевидны; тем более они непростительны, что авторский коллектив минского пособия допустил их в третьем издании. В этой связи следует, очевидно, остановиться и на других недочетах.

Во-первых, отмечая в качестве положительного факта использование в нем новейших данных об особенностях современного религиозного сознания, приходится в то же время констатировать, что эти слова ни в коей мере не относятся к разделам, посвященным исламу и буддизму. Авторы ограничились тут изложением истории и вероучения этих религий и обошли вопрос об их современном состоянии, даже не указали географию распространения этих религий в СССР.

Во-вторых, в отдельных темах, на наш взгляд, нарушена логика изложения. Так, в параграфе «Протестантизм» сначала раскрывается сущность этой разновидности христианства, ее основные особенности и лишь затем излагается его история. Анализ же современных протестантских течений дается почему-то после тем «Ислам», «Буддизм», «Иудаизм». Логичнее было бы также поменять местами параграфы 10 и 11, поскольку, как известно, экуменизм представляет собой лишь одну из попыток преодолеть кризис религии, и уяснить сущность и противоречивый характер экуменического движения студентам будет гораздо легче после того, как они изучат вопрос о кризисе религии в современном мире.

Следует, очевидно, также отметить встречающиеся в тексте неточности, неудачные выражения. Непонятно почему, например, к эпохе средневековья отнесены XVI и даже XVII века (см. стр. 134). На странице 129 утверждается, что «господствующим мировоззрением средневековья являлась схоластика». Вряд ли схоластику следует возводить в ранг мировоззрения, это скорее ставший одиозным тип мышления, форма религиозной философии. Что же касается мировоззрения средневековья, то оно, как известно, было религиозно-идеалистическим. Не совсем точно передан смысл богословской теории «двойственной истины» (кстати говоря, истины, а не истин, как трактуют авторы на стр. 152). Несколько упрощенно в ряде мест звучит критика религиозной морали: «Религия не признает производственного коллективизма» (стр. 168), труд рассматривается как божье наказание (стр. 166) и т. п.

А одно из положений пособия вызывает даже принципиальное возражение:

«В условиях развитого социализма на первое место в борьбе с религией выдвигается не разоблачение реакционной социальной роли религии, а критика научной несостоятельности религиозных представлений. Объясняется это тем, что с изменением классового состава нашего общества и вызванным им изменением политической ориентации духовенства религия в нашей стране уже утратила функцию защиты эксплуататорского строя» (стр. 197—198).

Как следует понимать этот текст? Что с утратой религией отдельных функций в условиях социалистического общества может коренным образом измениться ее социальная роль? Или просто религия утрачивает реакционную роль и становится нейтральным, безобидным социальным явлением? Тогда зачем же тратить усилия на ее преодоление, стремиться освободить людей от системы религиозных идей и религиозных жизненных установок?! В общем хотелось бы пожелать авторам точнее формулировать свои мысли.

Однако не подобного рода «накладки» определяют лицо минского учебника, который отличает прежде всего метод подачи материала. Особенно это видно на примере раздела, где дается характеристика все тех же основных религиозных конфессий. Если, скажем, московское издание фактически ограничивает свой рассказ сегодняшним днем, а украинский учебник, наоборот, — историей, то белорусский — излагает материал в их органическом единстве.

Возьмем, к примеру, параграф «Православие» (стр. 33—51). Авторы минского учебного пособия решают тут сразу несколько задач: раскрывают социальную роль русской православной церкви, в частности ее противодействие национально-освободительному и революционному движению; объясняют суть идеологии православия; наконец, показывают, что происходящие сегодня внутри церкви процессы отражают ее стремление сохранить свое влияние на паству. Разумеется, такой подход потребовал отвести теме столько места, что поначалу это даже кажется расто-

чительством. Однако, познакомившись с разделом, понимаешь, что любое иное решение не позволило бы столь содержательно и наглядно показать место и социальную роль религии в обществе.

Одна из наиболее сложных тем учебного курса (если не самая трудная) — причины существования религии в развитом социалистическом обществе. Понять ее, особенно человеку молодому, неподготовленному непросто. В самом деле, почему и сегодня, через шесть десятилетий после Октября, все еще сохранились и, больше того, оказывают влияние на определенную часть людей идеи, которые в корне противоречат самому существу социалистического строя? Объяснить этот социальный феномен лишь активизацией деятельности религиозных организаций, влиянием буржуазной пропаганды или неудовлетворительным уровнем атеистической работы недостаточно. Эти причины, хотя и безусловно важные, но далеко не единственные, которые обусловливают живучесть религиозных пережитков в нашем обществе.

Перечисление объективных причин сохранения религии при социализме во всех трех учебниках начинается с констатации факта отставания общественного сознания от развития общественного бытия. Но ведь этот фактор, хотя и существен, скорее констатирует, что религиозная форма сознания принадлежит прошлому, и объясняет, как она оказалась в социализме, нежели отвечает на вопрос, который прямо-таки напрашивается при чтении, например, следующего отрывка из московского пособия:

«Возможности социалистического общества в деле преодоления религии не безграничны. С некоторыми причинами возникновения и сохранения религиозных пережитков в ограниченных масштабах оно пока еще покончить не в состоянии» (стр. 160).

Казалось бы, налицо противоречие. С одной стороны, социализм, его принципы не порождают и не могут порождать религиозный взгляд на мир. С другой, — как справедливо замечают авторы минского пособия, существуют объективные факторы, которые не только поддерживают, а даже «укрепляют религиозные предрассудки» (стр. 185). Таким образом, констатация факта относительного консерватизма общественного сознания, особенно его религиозной формы, которая, по определению Ф. Энгельса, «всего дальше отстоит от материальной жизни и кажется наиболее чуждой ей», лишь частично разрешает проблему.

«Живучесть религиозных пережитков в советском социалистическом обществе,— писал, в частности, подводя итог анализу этой проблемы В. И. Евдокимов, один из авторов сборника «Вопросы научного атеизма», посвященного 50-летию Великого Октября,— обусловлена не только отставанием сознания людей от изменения их общественного бытия и влиянием буржуазной пропаганды, но и рядом социальных факторов. Эти факторы способствуют закреплению религиозности, затрудняют ее преодоление. К их числу относятся не сами принципы, закономерности социализма, а... отдельные недостаточно зрелые элементы социалистического общественного бытия...» (вып. 4, 1967, стр. 116).

Разумеется, сохранение религиозных пережитков в социалистическом обществе может быть объяснено лишь целым комплексом факторов. однако главный из них —

«что социализм как первая, низшая фаза коммунистического общества не исключает возможности религиозного отражения отдельных сторон природного и социального бытия, закрепления, усиления на этой основе религиозных предрассудков, приобретенных вследствие отставания сознания от бытия, по традиции, через влияние семьи, окружающих и т. п.» (там же, стр. 109—110).

Отсутствие серьезного, обстоятельного разговора о причинах существования религиозных пережитков в социалистическом обществе является, как нам кажется, одним из основных недостатков рассматриваемых книг.

Правда, автор киевского учебника профессор В. К. Танчер — единственный, кто все же упомянул о наличии социальных факторов, или, если строго следовать тексту, «социально-этических причин» существования религиозного сознания в социалистическом обществе (стр. 155). Однако этого явно недостаточно.

Итак, какие главные требования предъявляются к учебнику, учебному пособию вообще? Во-первых, он должен методически обоснованно излагать учебный материал, быть на уровне последних достижений науки, а также помогать преподавателям преодолевать трудности каждой темы. Это требование, пожалуй, лучше всего удалось реализовать авторам московского издания, которые, кроме того, оперируют новейшими данными об особенностях современной религиозной идеологии, о новых приемах апологетики, тактике церкви, о кризисе религии в современном мире. Но главное — в центре внимания авторского коллектива находятся вопросы, раскрывающие подлинно научную, гуманистическую, позитивную, жизнеутверждающую сущность атеизма.

Во-вторых, учебник должен быть хорошим рассказчиком. Здесь, по сравнению с другими, явно выигрывает украинское издание. Кроме того, хотелось бы отметить еще одну отличительную особенность учебника В. К. Танчера: тесную взаимосвязь текста с материалом других учебных предметов — обществоведения, истории, естественных наук. Это, с одной стороны, делает атеистическую аргументацию более доказательной, а с другой — помогает учащимся на новом, мировоззренческом уровне осмыслить ранее приобретенные знания.

Наконец, текст учебника не должен вызывать никаких сомнений в достоверности — требование, на первый взгляд, настолько элементарное, что о нем, вроде, неловко даже вспоминать, не будь для того поводов. А они, к сожалению, есть.

Так, на странице 39 белорусского пособия говорится: «В академиях и семинариях преподаются церковные предметы, из светских наук — только Конституция СССР и различные языки». Однако авторы московского учебника информируют читателя несколько иначе: «...Преподаются там... только религиозные дисциплины за исключением Конституции СССР, истории СССР, логики, стилистики, русского и иностранных языков» (стр. 143). Или, если, скажем, В. К. Танчер слово «мусульманин» переводит как «покорный» (стр. 60), то московские и минские авторы переводят так слово «ислам» (стр. 60 и 77—78).

Еще один пример: рассказывая легенду о Будде, белорусские авторы пишут, что сын правителя шакьев из знатного рода Гаутама стал Буддой после шести лет странствования (стр. 85), а московские — «спустя 7 лет» (стр. 56). На странице 43 московского пособия, наряду с иконами, мощами, крестами и т. п., к фетишам причислены также лампады и кадила, хотя, как известно, они не являются объектом поклонения.

Есть даже противоречия внутри одного учебника. На странице 69 минского издания сказано: «У протестантов... бог выступает в качестве триединого бога-отца, бога-сына и бога-духа святого». А затем, справедливо отнеся «свидетелей Иеговы» к верующим протестантского направления, заявляют: «...Иеговизм отрицает троичность бога и считает Иегову единственным всемогущим богом» (стр. 107).

Мелочи? Все эти промахи можно при желании и так квалифициро-

вать. Но в учебной литературе, как известно, мелочей не существует. Недаром в такого рода изданиях даже самая незначительная ошибка всегда фиксируется во вкладыше «Замеченные опечатки». Так пусть таким вкладышем в анализируемые издания будет сказанное здесь, к чему следует присовокупить: в минской книжке — «молельные дома» (стр. 71) вместо «молитвенные», в московской — «католитические соборы»(стр. 44) вместо «католические».

К сожалению, наш обзор используемых в настоящее время учебников получился более критическим, чем нам того хотелось. Однако этому есть свои объяснения: во-первых, мы старались помочь преподавателям отобрать все лучшее, что есть в каждом из вышедших изданий, а во-вторых, по мере сил, содействовать скорейшему созданию стабильного и свободного от недостатков учебника по основам научного атеизма для учащихся средних специальных учебных заведений.

Р. ДАНИЛЬЧЕНКО,
кандидат философских наук,
К. СИНЮТКИНА,
кандидат философских наук,
К. СТЕПИН,
заведующий отделом редакции журнала «Наука и религия»

Полезный справочник

Г. А. Шпажников. РЕЛИГИИ СТРАН ЗАПАДНОЙ АЗИИ. М., «Наука», 1976, 326 стр., 10 000 экз., 1 руб. 60 коп.

Книга эта будет нужна всем, кто интересуется современной религиозной ситуацией в Западной Азии. Здесь, как известно, когда-то возникли и сформировались иудаизм, христианство и ислам. Тут сегодня находятся главные культовые центры этих религий, куда тянутся тысячи паломников и просто туристов, чтобы постоять у «стены плача» в Иерусалиме, семикратно обойти задрапированный в черную ткань куб главной мечети мусульман Каабы в Мекке или посетить Вифлеем, где, согласно евангельскому преданию, родился Иисус Христос.

Вот почему задача автора такого справочника довольно сложна. Из обилия материалов, в основном тенденциозного характера, издаваемых правительственными учреждениями или клерикальными организациями зарубежных стран, надо было выбрать лишь те факты и цифровые данные, которые давали бы наиболее полное и точное представление о численности приверженцев той или иной религии, их расселении, месте и влиянии в стране. И, можно сказать, Г. А. Шпажников справился с этой сложной задачей. Судя по вступлению и приведенной в конце книги библиографии, он обращался к наиболее авторитетным источникам, а сравнительный анализ полученных данных стал основным методом при работе над ними.

К сожалению, здесь не нашлось места даже для беглого описания культовых центров, а оно бы явилось ценным материалом для пропагандистов, которые, несомненно, будут широко использовать книгу в своей работе.

Читатель найдет в справочнике общие сведения о каждой стране рассматриваемого региона, подробную этническую характеристику ее населения, рассказ о главных этапах ее истории и характеристику религиозной ситуации — конфессиональный состав населения, все бытующие в стране направления и секты, структуру религиозных организаций, имена духовных вождей и т. д. Рассказывается и о той роли, какую играет религия в общественно-политической жизни государства, о ее влиянии на систему народного просвещения, быт и нравы народа. Словом, в книге содержится немало информации, позволяющей разобраться в обстановке, существующей в различных странах Западной Азии.

Ценность любого справочника во многом зависит от наличия в нем карт, схем и статистических таблиц. Г. А. Шпажников проделал огромную работу, сведя всю приведенную в тексте информацию в специальное приложение, где даются религиозные направления и секты вместе с указанием времени их возникновения, структура религиозных организаций, список восточных и западных христианских церквей, наименования религиозных обществ, дервишеских орденов и т. д. Систематизированные таким образом ценные сведения помогают легко ориентироваться в материале. Названия ряда западных церквей, религиозных обществ и миссий приводятся и на языке страны их происхождения, что снимает сомнения в правильности перевода или написания.

Все, кому адресована эта книга, — религиоведы, востоковеды, этнографы, историки, журналисты-международники, преподаватели, студенты и, конечно, пропагандисты атеизма— найдут в ней немало необходимых в их работе материалов.

О. ГЕРАСИМОВ

Торжествующая наука

Семен Резник. РАСКРЫВШАЯСЯ ТАЙНА БЫТИЯ (эволюция и эволюционисты). М., «Знание» (серия «Жизнь замечательных идей»), 1976, 158 стр., 100 000 экз., 31 коп.

Диапазон этой книги значителен как по времени — он охватывает более столетия, так и по широте научных идей — автор прослеживает становление эволюционной теории, нашедшей свое продолжение и в работах основоположника генетики Грегора Менделя, и в достижениях современной молекулярной генетики. Причем мы видим не отвлеченное развитие идей как таковых, перед нами проходят несколько поколений ученых-борцов, разрабатывавших принципы эволюционной теории, смело отстаивавших научные выводы от посягательства на них защитников религиозного мировоззрения самого высокого ранга. Ибо познание теоретических разработок законов эволюции, объясняющих естественные, природные причины происхождения видов животных и растений, в корне противоречило ведущим, основополагающим догмам религии о божественном творении мира и всего живого. Страницы книги, где описаны эпизоды прямого столкновения двух мировоззрений — ученых эволюционистов и видных богословов, читаются с неослабным вниманием.

В центре повествования — диалектическое развитие широкого и разветвленного древа биологических наук, имеющих в своей основе всеобщую взаимосвязь явлений, выражавшуюся первоначально в лаконичной триаде эволюционистов — наследственность, изменчивость и отбор в условиях борьбы за существование.

С. Резник ведет читателя по сложной дороге развития идей современной материалистической биологии, не упрощая ее повороты, показывая и попятное движение, тупики. Интересны в его обрисовке Чарлз Дарвин и его соперник по открытию естественного отбора А. Уоллес. Мы узнаем новые факты из научной жизни А. Уоллеса, оставшегося в тени гения. А вот прямолинейный и непримиримый борец за дарвинизм в биологии Т. Гексли и его религиозные противники. Э. Геккель, который, по словам автора книги, яростно защищал дарвинизм и больше, чем кто-либо другой способствовал его распространению в Германии, однако это был не Дар-

вичное дарвинизма, и его собственный, вошедший в науку под названием «геккелевского дарвинизма».

Книга С. Резника органично связывает с дарвинским учением продолжение и развитие новой отрасли биологии — генетики. Здесь автор привлекает труды Г. Менделя, открывшего причину статистической закономерности передачи наследственных признаков в поколениях, работы таких ученых, как Гуго де Фриз, Бэтсон и другие.

Описывая победное и полное драматизма шествие идей дарвинизма в разных странах, автор выделяет среди их популяризаторов К. А. Тимирязева, соединение классического дарвинизма с классической генетикой, осуществленное советским ученым С. С. Четвериковым, основателем популяционной генетики. О работах академика Н. И. Вавилова автор пишет: «В законах генетики он видел развитие и углубление дарвинского эволюционного учения... В его понимании наука о наследственности — это не только средство познания природы организмов, но и орудие для их переделки в нужном для человека направлении».

Огромное значение имела разработанная Н. И. Вавиловым теория гомологических рядов в наследственной изменчивости. С. Резник особо отмечает, что ценность этого закона ученый видел не в заполненных клетках схемы, а в пустых, что обеспечивало правильное планирование поисков новых полезных видов растений. Далее читатель знакомится с работами советских ученых Б. Л. Астаурова, Н. П. Дубинина, П. Ф. Рокицкого, Д. Д. Ромашова, Н. В. Тимофеева-Ресовского.

Интересен рассказ о работах школ академиков С. С. Шварца и В. Н. Сукачева. Первая изучала эволюционные сдвиги разного характера в популяциях животных, которые под влиянием окружающей среды создают запас генов на все случаи жизни. Стержень исследований второй — изучение растительных сообществ, в том числе лесной типологии. На их основе показана ведущая роль отбора в эволюционном процессе, сложились основы науки о растительных сообществах, которые существуют в тесном взаимодействии со всеми факторами живой и неживой природы.

Отсюда идет линия к понятию о биогеоценозе как едином комплексе природы, предложенном академиком В. Н. Сукачевым, и к учению о биосфере академика В. И. Вернадского. Вершиной же их стала теория ноосферы — сферы взаимодействия природы и общества, где главным, определяющим является разумная, основанная на познании естественных законов преобразующая деятельность человека.

Рассказывая о научных поисках, ведущих в тайне бытия живой природы, противостоящих самому духу религиозных установлений, книга С. Резника удачно связывает разные этапы становления и современной жизни эволюционного учения и дает богатую канву развития науки в формировании видовых особенностей живых организмов, передает характер и колорит эпохи этого крупнейшего открытия, рассказывает о борьбе научного, материалистического мировоззрения, отразившего атаки церковных идеологов. Эта книга — о поисках и торжестве научной истины, о преданных рыцарях науки.

И. ФОРТУНАТОВ,
кандидат биологических наук

г. Пушкино
Московской области

Американское просвещение и революция

А. М. Каримский. РЕВОЛЮЦИЯ 1776 ГОДА И СТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ. М., «Мысль», 1976, 296 стр., 8 000 экз., 1 руб. 27 коп.

Какова роль религии и атеизма в общественном развитии? Этот вопрос, стоявший перед людьми с давних пор, не утратил остроты и в наше время. Философы-марксисты на основе глубокого анализа общественной жизни разных народов подтверждают ту мысль, что религия была препятствием на путях социального прогресса, в то время как свободомыслие, атеизм, будучи составной частью идеологии передовых классов, прокладывали дорогу в будущее.

В этом плане большой интерес представляет книга А. М. Каримского, в которой осмысливается роль американской буржуазной культуры и идеологии Просвещения в подготовке и осуществлении буржуазной революции XVIII века. Основное положение книги — доказательство тезиса о том, что преимущественным направлением американской общественной мысли, подготовившим революцию, была философия Просвещения, возникшая на местной почве под влиянием европейских идей, но обладавшая своей самобытностью.

Автор критикует современных буржуазных идеологов, пытающихся представить в качестве духовного источника американской демократической традиции не Просвещение, а пуританскую идеологию. В связи с этим в книге рассматривается социальная сущность американского пуританизма. Конкретный анализ свидетельствует о том, что религиозные идеи играли сложную и подчас противоречивую роль в истории американского общества. В книге отмечается, что «в ранний период американской истории пуританизм в целом освящал и обосновывал прогрессивный буржуазный социальный уклад». Но поскольку пуританизм с самого начала был поставлен на службу узкокорпоративным интересам буржуазно-теократической касты, он быстро трансформировался в «консервативный политический фактор».

Активизация демократических слоев населения Америки в конце XVII и начале XVIII века привела к разложению пуританской идеологии, что подготовило почву для развития светской философской мысли. Вывод автора о том, что кризис религиозного сознания связан с потребностями прогрессивного социального развития, вызвавшими к жизни философию Просвещения, сделан на основе тщательного анализа пуританских документов. Возникшая в этот период субъективно-идеалистическая философия, испытавшая на себе влияние Дж. Беркли, считала своей задачей апологетику религии и защиту «социально-политического консерватизма». Реабилитация религии, христианских социально-этических ценностей, нейтрализация социальной активности — вот главная социальная функция субъективного идеализма С. Джонсона и Дж. Эдвардса.

В противовес религиозному мировоззрению, Просвещение выдвинуло лозунг: не потустороннее спасение, а земное человеческое счастье, реализуемое посредством разумного социального строя, предпосылкой которого является завоевание независимости. Конечно, под разумным социальным устройством понималось буржуазное общество, но на ранних ступенях развития американской истории этот лозунг имел исторически прогрессивное значение.

Плодотворным представляется предложение автора принять в качестве критерия того или иного направления философии американского Просвещения социальную ориентацию мыслителя. В частности, если речь идет о революционном и умеренном направлениях, это должно характеризовать не только политическую, но и философскую ориентацию. Разумеется, отмечает автор, при этом следует осознавать услов-

ность деления на направления из-за сложности и противоречивости как самих философских учений, так и политических позиций мыслителей. А. М. Каримский воздает должное нередко забываемым буржуазными историками революционным деятелям, мыслителям Просвещения.

Удачной следует признать конкретную разработку автором проблемы связи политической борьбы с философией. Он убедительно показал, что «главная для буржуазной политической мысли предреволюционной поры проблема — являются ли источником права традиция, бог или вечные законы природы — могла получить удовлетворительное решение лишь на базе широкой философской картины мира». Признание материалистической картины мира соответствовало стремлению буржуазии перестроить общество, опираясь на естественные законы. Материализм в Америке проявлялся в то время главным образом в деистической форме. И Франклин, и Джефферсон, признавая бога лишь формально, считали, что сверхъестественное начало не может вмешиваться в ход природных и общественных процессов. Следует отметить, что признание активности материи подрывает деистическую позицию, ибо тем самым устраняется идея первотолчка, с которой неразрывно связан деизм.

Интересен тезис А. М. Каримского о том, что признание активности материи обусловливалось не только прогрессом естествознания, но и «было, по сути дела, философской формой признания и утверждения диалектики социального бытия, то есть своеобразной идеологической формулой, отвечающей запросам революционной буржуазии». Значительную роль в борьбе с религией сыграло также естественнонаучное обоснование материалистического монизма, отрицание духовной субстанции. Все эти соображения позволили автору охарактеризовать американскую материалистическую философию, как основательное, глубокое, самобытное течение, отличавшееся воинственным характером.

Наряду с политическими, правовыми теориями и философией А. М. Каримский детально разбирает научные теории XVII—XVIII веков, справедливо полагая, что существует несомненная связь между достижениями научной мысли и революционизированием сознания людей. Так, открытия Франклина в области электричества, раскрытие тайны молнии и изобретение громоотвода были «эффективнейшим подтверждением истинности материалистического миропонимания, символически изгоняющим с неба всевышнего».

Материалистические принципы объяснения природы американские просветители пытались распространить и на социальное бытие. Их подход к явлениям общественной жизни можно назвать натуралистическим. Он исключает сверхъестественные факторы, но вместе с тем является специфической формой исторического идеализма. В силу этого натурализм был прогрессивным только в определенный исторический отрезок времени — в XVIII веке.

Для пропагандиста атеизма особо интересен материал об особенностях критики религии в Америке в рассматриваемую эпоху. Автор отмечает ее ограниченность, недостаточную разработанность. Ведь в целом американские просветители признавали позитивные элементы в религии, причем видели их в нравственных нормах, зафиксированных в Библии. Эта непоследовательность связана с общим деистическим характером американского материализма и с ограниченностью критики религии с позиций буржуазного просвещения.

Роль американского Просвещения в общественном прогрессе очевидна — читатель приходит к этому выводу после знакомства с самыми различными сторонами духовной культуры Америки, исследованными автором. Он показывает, что американское Просвещение оказало положительное влияние на многих передовых мыслителей Старого и Нового света. Нужно также учитывать, подчеркивает автор, что существует идейная связь и преемственность мировоззрения народа и пролетариата США с демократическим наследием обеих американских революций.

И вместе с тем Просвещение рассматривается в книге не как некое неизменное явление, но в эволюции — в эпоху его формирования, расцвета и кризиса в конце XVIII — начале XIX века. Автор показывает, что, добившись власти, буржуазия и не подумала осуществлять провозглашенное ею равноправие. При этом в конце XVIII — начале XIX века резко активизировалась деятельность церкви. Атеизм преследовался, обострилась религиозная нетерпимость. Религия понадобилась господствующему классу для смягчения протеста социальных низов.

Таковы некоторые основные положения этого интересного исследования, позволяющие представить себе социальную роль религии и свободомыслия в развитии американского общества.

М. ДАНИЛОВА

Естествознание Древней Руси

В. К. Кузаков. ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА РУСИ В X—XVII ВВ. М., «Наука», 1976, 316 стр., 5350 экз., 1 руб. 26 коп.

Обобщающих работ по древнерусскому природознанию и технике очень немного, а временной интервал между их появлением довольно значителен. Поэтому вполне понятен интерес к рецензируемой книге специалистов и широкого читателя.

Работа эта рассказывает о ранних этапах развития таких областей знания, как астрономия, математика, физика, метеорология, механика, химия, геология, география, биология, медицина. Читателя ждут интересные сведения о соотношениях между языческими, христианскими и зарождавшимися естественнонаучными взглядами на природу небесных светил, дождя и града, грома и молнии; узнает он о животном и растительном мире «заморских» стран в пересказе русских путешественников; получит представление о древних рецептах приготовления красок, стекла, железа, лекарственных снадобий; наконец, сможет проследить исторически менявшуюся роль православной церкви в развитии природознания на Руси.

Наиболее полно и увлекательно написан раздел «Астрономия», где обобщен большой материал, главным образом из русских летописей. Меньше внимания В. К. Кузаков уделил древнерусскому календарю и счислению времени[1]. В связи с этим уместно напомнить о любопытных выводах Н. А. Мещерского, отмечающего в свете кумранских находок, что «славянская книга Еноха сохранила именно древний жреческий солнечный календарь, обычный в среде иудейского сектантства около начала нашей эры»[2].

Как попал он на русскую почву, ведь сведений о нем нет в других версиях названного апокрифа, и какими вообще путями проникала на Русь ближневосточная литература? Есть предположения, что непосредственно на Руси делались переводы с древнееврейского, и не случайно в «Слове о законе и благодати» мит-

[1] Не потеряла значения работа: Д. Прозоровский. О старинном русском счислении часов. «Труды II Археологического съезда в СПб.», в. 2, 1881.

[2] Н. А. Мещерский. К вопросу об источниках славянской книги Еноха. «Краткие сообщения Института народов Азии», т. 86. М., 1965, стр. 77.

рополита Илариона усматривают отголоски противоиудейской полемики... Эти обстоятельства особенно интересны для поднятой В. К. Кузаковым проблемы «порубежья» в истории науки и культуры, конкретнее — Западной Руси и Новгорода как источника новых взглядов.

Особое внимание автора привлекает Новгород — рассадник свободомыслия, республиканских и еретических идей. Ряд исследователей склонны были видеть в деятельности новгородских еретиков конфликт науки (отождествляемой с рационализмом) и религии (христианства). Приводимый В. К. Кузаковым материал убедительно показывает, что на ранних этапах русской истории говорить о конфликте между наукой и религией еще нельзя, ибо он, как правило, носил конфессиональный характер: в пунктах обвинения, выдвинутых, например, против новгородских еретиков, «астрономический» был не самым главным (стр. 19). «Бог был у всех. Даже у еретиков» (стр. 27). Споры шли лишь о том, как представлять его и как почитать.

В плане отношений науки и религии значительный интерес представляет становление научного стиля мышления, укрепление авторитета научного аргумента и логического вывода, их влияние на внутрицерковную жизнь. Такие факты, например, как наличие сочинений одного из идеологов Реформации Меланхтона в библиотеке основанного патриархом Никоном Воскресенского Новоиерусалимского монастыря и научно-филологические аргументы в процессе исправления церковных книг, могли бы по-новому выявить отношения науки и религии в России. Но подобной, достаточно частной задачи В. К. Кузаков не ставил. Не без оснований исследователь считает, что для церкви представлялось опасным не столько содержание светской и апокрифной литературы, сколько ее бесконтрольное распространение и толкование за пределами монастырских стен, в миру (стр. 192—193).

Переводная литература долгое время была основным источником сведений о представлениях древнерусского человека в области естествознания. В. К. Кузаков относится к этой традиции довольно критически. Так, отмечая небольшую распространенность «Устава ратных, пушечных и других дел», он подчеркивает, что «русские мастера-химики, военные хорошо знали главное, что давал «Устав», и помимо него» (стр. 191). Этим обстоятельством отчасти объясняется предпочтение, отдаваемое автором летописным источникам. Летописи отражают непосредственное отношение наблюдателя к природным явлениям, их сведения менее официальны, чем в других источниках. В то же время сопоставление мнений летописцев со взглядами авторов некоторых переводных сочинений указывает на определенные отличия их идейных установок: если в русских летописях единственная причина землетрясений — «кара божия», то в переводном «Луцидариусе» — движение ветров (стр. 221).

Термин «наука» для обозначения совокупности знаний рассматриваемого периода, безусловно, нельзя считать удачным. Но избранный В. К. Кузаковым оборот «естественнонаучные представления» также вызывает сомнения. И исторически, и филологически очевидно, что в Древней Руси были определенные знания («ведения») о природе, о «естестве», поэтому правомерны «естество-знание», «природо-ведение». Однако степень их «научности», с современной точки зрения, весьма различна, и, говоря о «естественнонаучных» представлениях, приходится так или иначе упоминать о сверхъестественных, фантастических, тесно с первыми переплетенных и от них неотделимых.

В. К. Кузаков решительно и аргументированно выступает против отождествления культуры с «грамотностью», «образованностью», научными знаниями (стр. 134—135). Уровень культуры домонгольской Руси основывался отнюдь не на массовой грамотности, не на письменной передаче опыта, а на непосредственной живой традиции искусств и ремесел. То обстоятельство, что с распространением грамотности, ростом городов отдельные рецепты, умения, традиции приходили в упадок и исчезали, подтверждается археологическими данными.

Книга В. К. Кузакова не свободна от недостатков, но в целом она, безусловно, является значительным шагом на пути изучения истории знаний России раннего периода.

Н. ГАВРЮШИН,
кандидат философских наук

В местных издательствах

А. И. Артемьев. О КОМПЛЕКСНОМ, СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К АТЕИСТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ. Алма-Ата, об-во «Знание» КазССР, 1977, 68 стр., 9 000 экз., 11 коп.

Комплексный подход к постановке всего дела коммунистического воспитания — вот тот путь повышения эффективности идеологической работы, который указал XXV съезд КПСС. Партия ставит задачу — обеспечить тесное единство идейно-политического, нравственного, патриотического, интернационального и других направлений воспитательной работы. В этом комплексе находят свое органическое место и атеистическое воспитание, работа по преодолению религиозных пережитков, по формированию у всех советских людей научного, материалистического мировоззрения.

Как видим, круг вопросов, которым посвящена брошюра руководителя лекторской группы ЦК КП Казахстана А. И. Артемьева, весьма актуален. Обобщая богатый опыт казахстанских атеистов, автор показывает, что комплексный, системный подход представляет собой методологическое выражение объективных требований общественного прогресса, в атеистическом воспитании он помогает наиболее эффективно решать весьма насущную в современных условиях задачу полного освобождения сознания и поведения людей от взглядов, традиций и обычаев, связанных с религией.

Принцип комплексного, системного подхода нашел отражение в важнейших документах партии по атеистическому воспитанию. Автор отмечает, что уже на первом этапе коммунистического строительства проявился системный подход к атеистической работе среди населения. По мере того, как система атеистического воспитания совершенствовалась, отмечается в брошюре, произошло перемещение акцента с объективных на субъективные факторы процесса воспитательного воздействия, от антирелигиозной агитации к атеистической пропаганде. Причем в рамках этой системы специфическую направленность приобретает сознательная деятельность людей.

В брошюре дано определение системы атеистического воспитания, подробно анализируются ее компоненты, к которым автор относит содержание работы, ее организацию и методику проведения, а также отдельные звенья, элементы системы — научную разработку проблем атеизма, изучение состояния религиозности, подготовку квалифицированных кадров атеистов, работу по месту жительства, атеистическое воспитание детей и молодежи, индивидуальную работу, лекционную пропаганду, внедрение в быт новых, безрелигиозных праздников, обрядов и ритуалов и т. д.

Автор обращает особое внимание на необходимость учитывать специфику атеистической работы среди различных групп нерелигиозного и религиозного населения. «Чтобы дейст-

вовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать». Эта мысль К. Маркса весьма актуальна и для практики современной атеистической работы. В этой связи в брошюре отмечается важность проведения различных атеистических мероприятий на родном языке тех, к кому они обращены. В ряде областей Казахстана пропаганда научного атеизма сейчас ведется на казахском, русском, немецком, уйгурском и других языках.

Автор обращает внимание и на некоторые типичные недостатки в постановке атеистического воспитания в Казахстане. Например, определенный вред наносит ошибочное, но тем не менее разделяемое даже некоторой частью интеллигенции мнение о том, будто существуют религии «более вредные» и «менее вредные». В частности, основываясь на том факте, что в Алма-Ате молодежь не посещает мечеть и синагогу, отдельные товарищи не видят надобности в идейной борьбе с исламом и иудаизмом.

Не менее ошибочны и вредны также попытки истолковать многие религиозно-бытовые обряды и обычаи как национальные традиции. Были случаи, когда люди, работающие даже в идеологических учреждениях, участвовали в религиозных обрядах. На XIV съезде Компартии Казахстана приводился пример, когда один из работников Энбекшильдерского райотдела культуры Кокчетавской области в жаркий июльский день зарезал черного барана и вышел в поле вместе с верующими «просить дождя у Аллаха». Автор делает справедливый вывод, что серьезную атеистическую пропаганду необходимо вести и среди интеллигенции.

Характеризуя сложившуюся в настоящее время систему атеистического воспитания, автор справедливо считает, что она является важной органической частью всего комплекса коммунистического воспитания, неразрывно связана с другими его направлениями. Атеистическое воспитание должно способствовать политическому, трудовому и нравственному воспитанию советских людей. В этом — суть, главное во всей системе и в самом комплексном подходе к работе по атеистическому воспитанию населения. Реализация этого принципа позволит более эффективно вести всю работу по полному преодолению религиозных пережитков.

Я. БЕЛОУСОВ,
кандидат философских наук

г. Алма-Ата

И. М. Квашнина. ПОЗИТИВНОЕ И КРИТИЧЕСКОЕ В АТЕИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ. Минск, Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1976, 144 стр. 3250 экз., 68 коп.

Проблема единства позитивного и критического в атеистическом воспитании, которой посвящена книга И. М. Квашниной, всегда занимала важное место в теории научного атеизма, а в современных условиях приобрела особую актуальность. В различных республиках нашей страны имеется немалый опыт успешного сочетания этих двух аспектов атеистического воспитания. Такой опыт, накопленный в Белоруссии, обобщен в рецензируемой книге.

Выступая против попыток защитников религии и глашатаев антикоммунизма представить марксистский атеизм как разрушительную силу, обедняющую духовный мир человека, лишающую его высоких целей и идеалов, ведущую к «дегуманизации» личности, автор убедительно раскрывает жизнеутверждающий, созидательный, оптимистический характер марксистского атеизма, делает удачную попытку показать единство критического и позитивного аспектов атеистического воспитания. Давая развернутую характеристику двух неразрывно связанных между собой сторон, И. М. Квашнина показывает, как критическая задача — изживание религиозных предрассудков — решается в марксистском атеизме позитивными средствами: распространением научных знаний о мире, активизацией социальной деятельности членов общества, в том числе и находящихся под влиянием религии. Как справедливо подчеркивает автор, критическая и позитивная стороны атеистического воспитания должны рассматриваться не только в теоретическом плане, но и в плане практическом — как деятельность, направленная на преодоление причин сохранения религии.

Автор раскрывает диалектику развития критического и позитивного аспектов научного атеизма в истории атеистического движения в СССР, обосновывает мысль о том, что в атеистическом воспитании позитивный аспект все более и более выступает на первый план. В то же время в книге показывается, как критический аспект атеистического воспитания, опирающийся на марксистско-ленинскую теорию и конкретно-социологические исследования, становится все более глубоким и доказательным.

На основе обширного фактического материала автор анализирует формирование системы атеистического воспитания в Белоруссии, показывает тесную связь атеистической работы с другими направлениями коммунистического воспитания: политическим, трудовым, нравственным, патриотическим, интернациональным.

Особый интерес представляет анализ того, как критический и позитивный аспекты атеистического воспитания находят свое воплощение в различных его формах и методах. Большое внимание автор уделяет рассмотрению деятельности школ начальных знаний о природе, обществе и человеке, впервые возникших в Брестской области, а затем получивших распространение во многих областях и республиках. Школы начальных знаний зарекомендовали себя как действенная форма атеистической работы с людьми, не получившими систематического образования и находящимися под влиянием религии или не имеющими твердых научно-материалистических убеждений. В ряде таких школ значительную часть слушателей составляют верующие. В книге рассказывается, например, о школе начальных знаний в поселке Воропаево Поставского района, где занималась вся местная община евангельских христиан-баптистов — около 50 человек.

Этот пример наглядно показывает, как в практике атеистического воспитания в полной мере выражается позитивная, созидательная сторона атеистического воспитания и одновременно закладывается фундамент, на котором проявляется критический аспект — разрушается, размывается религиозное миропонимание и мироощущение верующего, воспитывается новый человек.

Всем изложением материала автор последовательно подводит читателя к главной идее книги: «Только диалектическое единство позитивного и критического в атеистической пропаганде может обеспечить ее эффективность и действенность, причем позитивная сторона по мере дальнейшего развития нашего общества должна и будет приобретать все большее значение».

Предпринятая И. М. Квашниной попытка раскрыть диалектику критического и позитивного применительно к процессу атеистического воспитания представляет и теоретический и практический интерес. Книга принесет несомненную пользу пропагандистам атеизма, организаторам атеистической работы.

Ю. МАНИН,
кандидат философских наук

г. Минск

НАПЕЧАТАНО В 1977 ГОДУ

60 ЛЕТ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

П. Азизбекова. Вечно живые 5 16
И. Беленкин. По ленинскому пути 11 20
О. Брушлинская. Слова на обелиске 11 42
Завершая год 12 2
В. Долгова. Памяти светлый родник 10 16
А. Иванов, Е. Шехтерман. Великий Октябрь и торжество научного мировоззрения 10 2
Г. Иванова, В. Зыбковец. Сказание о Златоусте 11 22
П. Каушанский. Последняя стадия капитализма — канун социалистической революции 7 12
Ф. Константинов. Главное событие века 11 51
А. Маслова. Атеизм в обществе реального гуманизма 10 12
С. Мокин. В защиту родины Октября 10 91
О. Немиро. Об этом мечтали в ссылках... 11 4
А. Окулов. Историческая значимость сделанного 8 4
Основной закон развитого социализма 8 2
В. Папунидзе. Обретение «золотого руна» 10 6
В. Пузиков. А было два плуга... 11 36
Революции год шестидесятый 1 2
Свет Октября 11 2
А. Шамаро. Москва. 1917. Десять дней 11 8
В. Шевелев. «Все силы на устройство общей жизни» 11 14
М. Юнусов. Там, где течет Агидель 8 10
М. Яровой. Меняется жизнь, меняются люди 1 46
М. Яровой. Самое святое 9 4

ОБЩЕСТВУ «ЗНАНИЕ» — 30 ЛЕТ

И. Артоболевский. Наука, техника, прогресс 5 2
Итоги и задачи 9 2
В. Маслин. Академия миллионов 5 12

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Л. Айзерман. Уроки нравственного прозрения 2 32; 3 17; 4 20
И. Баллод. Жизнь против формул 12 38
М. Блок. Сила добра 1 43
О. Брушлинская. Дорога к свету 3 2
В. Война. Музеи под открытым небом 6 25
Г. Волков. Мастерство человечности 12 5
П. Гаврилов. Орудие на постаменте 5 10
В. Добрынина. Возможности экскурсовода 4 12
М. Зараев. Вторая жизнь Афанасия Тютюника 8 36
В. Иванов. Достояние народа 4 2
Клады Путорана (репортаж из Норильска) 1 4
М. Лепешинская. По Суздалю с Василием Ивановичем 8 40
Э. Мелдере. Не обходить вниманием 5 35
Т. Мельникова. У святынь Волгограда 11 47
С. Орлова, В. Метревели. Частица души народной 4 16
М. Разоренова. Быль партизанского леса 5 4
Ю. Скорлупкин. Восстанавливаем красоту 4 18
М. Ученик. Сад в пустыне 8 32
А. Шамаро. Воздух былых времен 7 2
В. Шевелев. Семейная хроника 5 36
В. Шевелев. Разговор по душам 9 41

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Н. Абакаров. Для верующих и неверующих 5 28
М. Аверьянова. Наши народные 7 27
А. Авксентьев, Н. Горохова. На калужской всесоюзной... 3 30
Дж. Аралбаев. И словом, и делом 6 20
Т. Ахунзянов. Предмет особого внимания 4 35
С. Батыев. Наши идеалы — юным гражданам 9 18
И. Васильева. Становление темы 5 27
В. Герасименко. Диктует время 3 22
Л. Грицкевич. Если подходить комплексно... 6 18
В. Гужинов. Учитывая веление времени 10 47
М. Данилова, З. Тажуризина. Научный атеизм в высшей школе 3 32
В. Долгова. В обычной средней школе 9 22
В. Евсеев. За пять минут до передачи 7 29
В. Евсеев. «Побольше бы о практике...» 10 50
В. Евсеев. Школа «Силуэта» 8 24
И. Евсикова. Сегодня и каждый вечер 2 28
Н. Каверин. Транслируется... свадьба 5 32
И. Карпенко. Из реки по имени «Факт» 3 30
П. Каушанский. Языком одиннадцатой музы 8 23
Г. Косова. Делать жизнь с кого? 12 18
А. Левант. Верю в человека 6 21
Н. Люстгартен. Молодежный клуб 8 30
Л. Мельникова. Наша общая забота 4 30
С. Минаев. Какой оставлю след 3 20
Н. Михайлова. О нашем кабинете 8 38
А. Останин. В мир, открытый настежь 10 52
В. Петров. Сердце, открытое людям 3 26
Л. Попов. Дело коллектива 4 41
А. Пржиалковский. Связь поколений 10 49
В. Пузиков. Энтузиаст 3 28
П. Пэнэжко. Монолог на рассвете 2 23
А. Савотин. За строкой плана — человек 2 16
К. Садвакасов. Приглашаем на чабан-той 8 27
К. Константинов. «Не научив любить, мы ничему не научим...» 12 10
К. Степин. Четвертая весна 3 24
З. Тажуризина. Нравственный подвиг древних 9 25
Н. Тинякова. Горянка на работе и дома 12 22
У нас в гостях «Хорпуштак» 6 20
В. Харазов. Гремит и кружит ледоход 7 36
А. Черний. Молодым — научное мировоззрение 12 24
Н. Шатилов. Дом культуры в Сысоях 4 43
В. Шевелев. Обыкновенная лекция 12 15
М. Щикинева, Ю. Яхонтов. Верность земле 10 53
Г. Ярмыш. А начиналось все 20 лет назад 7 52

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ

В. Галкина. Как сложили песню 5 36
В. Долгова. Желаем счастья! 12 30
И. Евсикова. Летние дни молодежи 7 43
Н. Зорин. Рожденный из легенды 12 27

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

И. Житлов. Привычные блага 10 45
С. Коренкин. Землячка 11 40
В. Леонидов. Тема вызвала интерес (отклики читателей на беседу с В. Гарбузовым) 2 38
Е. Сергиенко. О вещих снах и всезнающем блюдечке 12 33
Е. Сергиенко. Останемся верны 10 41
Е. Сергиенко. Помните о детской душе 6 43
Е. Сергиенко. Путь к атеизму 2 36
Е. Сергиенко. «Святые письма» 4 55
Е. Сергиенко. Совет да любовь 8 42
Письма читателей 2 40; 4 60; 6 47; 8 45

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

А. Белов. Мери Бекер и ее «христианская наука» 9 46
А. Емельянов. В миру и в келье 3 49
В. Ерасов. Поиски и тупики религиозной интеграции 7 40
Г. Керимов. Милостыня 8 59
З. Косидовский. Сказания евангелистов 8 61; 9 49; 10 64; 12 59
И. Свенцицкая. О новой книге Зенона Косидовского 12 64
Р. Мавлютов. Когда читают джаназу 4 70

И. Малахова. Заповедники домостроя 3 54
М. Попова. Сквозь призму психоанализа 3 56; 4 65
Н. Секретов. Душеспасительная музыка 6 40
В. Старкус. Почему я свернул с ложного пути 10 60
Д. Угринович. Культовое искусство и его противоречия 1 50; 2 42; 3 60
В. Харазов. «Третья весть» Михаила Карагяура 11 62
В. Шевелев. «Лети с приветом, вернись с ответом...» 3 12
М. Шейнман. Зачем бог создал дьявола? 5 48
А. Юхименко. Под влиянием нашей действительности 4 62

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. Аболтин. Осколки колчаковщины 9 15
А. Амирханова, Ф. Никитина. Противник царизма и теологии 2 58
Д. Анаркулова. Почему был убит Мохаммед Таги-хан 12 82
Б. Быховский. Бессмертная Гипатия 3 39
Б. Вампилов. Барон в павлиньих перьях 2 55
С. Владимиров, В. Волков. Судебное дело Павленкова 7 23
В. Долгова. Последнее подполье 4 6
Г. Дрюбин. Формула [illegible] Вардапета 1 40
Б. Иванова. Здание ВЦИК, VIII отдел Наркомюста... 7 16
С. Кайдаш. Царевна-рукодельница 8 50
Л. Калита. Актрисы 9 44
В. Лещенко, Я. Шурыгин. Деревянные посредники 6 58
Н. Лощенкова. Вопреки фактам 4 51
С. Львов. Примечательное и удивительное из истории [illegible] 5 51
Ш. Магидов. Путь к просвещению 9 9
П. Мкртычев. Явление скрытого имама 9 13
Ф. Никитина. «Возьми барабан, да не бойся!» 12 54
А. Новицкий. Из истории атеизма и свободомыслия в Португалии 1 81
Н. Парнякова. Судьба «красного» священника 2 52
Е. Рыбина. Берестяная библиотека 4 46
Я. Садовский. Второй родной 6 35
Ш. Трофимов. «Далеко не благоденствует...» 4 8
А. Шамаро. Дом у Покровских ворот 3 34
А. Шамаро. Поселок Свобода 8 34
А. Шамаро. Раньше называлось Покровское... 1 34

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

И. Артоболевский, А. Кобринский. Знакомьтесь — роботы! 12 42
Я. Голованов. Не все дороги ведут в Рим 10 36
В. Губарев. Конструктор Космоса 1 26
Интервью дает наука Армении 2 2
Космонавты [illegible] космо[illegible] 4 30
В. Кузнецов. Явление в истории исключительное 11 53
Л. Лифшиц. Тайны подземного [illegible] 1 32
Наука страны гор (Дагестанский филиал АН СССР) 5 41
И. Нехамкин. В глубины материи 12 46
Октябрем рожденная (АН Каз. ССР) 8 40
«Радуга» служит людям 4 25
Н. Романова. Музей в Большом Никульском 4 33
У берегов Тихого океана (Дальневосточный научный центр) 6 9
А. Харьковский. Впередсмотрящие планеты 11 57
В. Цаплин. Маяки землян 10 30

Человеку — человечье

Ф. Вуль. Небесные корни «священной болезни»? 2 48
Т. Меринг. Эмоции 12 50
М. Тартаковский. Вектор эволюции 4 73

Земные корни сверхъестественного

В. Астахова. Божественные растения: правда и вымысел 9 56
А. Харьковский. Тайна озера Каали 7 52

СТРАНИЧКИ ЮНЫХ

Л. Аркадьев. Мальчишки той войны 5 54
Н. Вьюкова. Хроника бабки Дарки 7 57
В. Комаров. Внушить жизнь! 3 70
В. Комаров. Чудес на свете не бывает 1 56
П. Леснов. «Божья коровка, полети на небо!..» 9 55
Г. Литинский. Бармицво 5 60
Мы не могли остаться равнодушными 5 59
В. Разин. Смерть пионерки 7 61
Е. Сергиенко. Наговоренная ниточка 1 56
Е. Сергиенко. Пятак под пяткой 5 58
В. Харченко. Приносят ли совы несчастье? 5 62
Л. Шарманова. Верных благ залог 7 59
М. Юнусов. Цветник у одинокого карагача 3 66

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

Д. Дагвадорж. Основное направление 6 76
Ф. Джорджеску. Позитивная альтернатива 8 65
Н. Жуковская. Три игрища мужей 7 83
В. Круль. Выполняя решения партийного съезда 6 84
Л. Лазарова. Новые ритуалы 7 81
В. Мазохин. Беседа со словацким атеистом 4 81
И. Мараш. Борец за атеистическое воспитание 12 70
Б. Марьянов. Венгерские интервью 5 60
А. Мудрунька. Школа революции 11 84
Ян Мучко. Религиозные организации в социалистическом государстве 4 83
В. Мыслэк. Диалог по-польски 10 89
К. Науманн и Г. Пайне. Симпозиум в Гюстрове 12 75
А. Сикорский. Традиции и задачи 10 67
З. Скворцов. Уверенной поступью 2 76
М. Танев. Призвание и долг 7 80
Т. Ярошевский. Новая стратегия и новые перспективы развития 3 78
Ежи Штахельский — человек, патриот, государственный деятель 3 80

ЗА РУБЕЖОМ

Н. Александров. Международный мир и церковь 6 60
З. Балевиц. Политика под видом религии 5 68
Т. Благова. Женщины сегодня и завтра 3 82
Л. Борисоглебский. На грани раскола 8 91
Л. Борисоглебский. Судьба одного мифа 4 92
Т. Галечка. Против ревизии научного атеизма 1 87
Г. Гальперин. Эфиопия: революция и церковь 4 84
М. Гольденберг. Орудие «психологической войны» 2 82
М. Гольденберг. Успехи социализма и клерикальные злопыхатели 11 88
Ю. Ионов. В гостях у табиба 7 90
Ю. Каграманов. Старые новые боги Америки 9 86
И. Крывелев. Патер Кюнг вольнодумствует 3 86
В. Култыгин. Диалог: новая страница 9 79
В. Лимановская. Телепроповедники 5 88
В. Люстиберг. Игра с огнем 2 87
Д. Малышева. «Апартхейд» значит «раздельность» 8 88
В. Мишин. Между Тигром и Евфратом 1 89
С. Никишов. Против фальсификаций 6 86
К. Полькен, Х. Сцепоник. Оборотни 7 85
В. Прищепенко, В. Пчела. Просвещение и церковь в Колумбии 9 82
В. Пронин, А. Чернышев. Конвивиальность Ивана Иллича 12 78
Ю. Русанов, А. Трушин. Чили: хунта и церковь 1 85
Р. Соболев. Суперзвезды «масскульта» 4 88
З. Трофимова. Арчибалд Робертсон 4 59
В. Шихирев. На правом фланге клерикализма 2 66

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

О. Антонова. И музыка старинная звучит о времени и о себе... 12 66
Д. Буланже. Родственники (новелла) 5 77
К. Горюнов. Из плена алтарей (отрывки из повести) 1 62
Н. Гуро, А. Андреев. Выстрел в Терновке (повесть) 9 60; 10 76; 11 72
Р. Джилл. Без костыля (рассказ) 2 71
С. Иваницкий. Портрет эпохи 9 31
К. Икрамов. Расплата (отрывок из повести) 10 70
М. Маношкин. Мать (рассказ) 5 66
С. Марков. Солдаты свободы (об одноименном фильме) 9 71
А. Матвеев. Росселлини и Евангелие (о фильме «Мессия») 4 63
А. Матвеев. «Слава богу я — атеист» (о фильмах Л. Бунюэля) 3 72
Ш. Мирзоева. Сидящий на ковре (рассказ) 1 73
В. Новохатко. Книги о людях доброты и долга (серия «Пламенные революционеры») 9 58
В. Разин. Клятва (рассказ) 11 70
В. Степанов. В родных местах (рассказ) 12 68
А. Тархов. Повесть о петербургском Иове 2 62
А. Уайз. Мелкие рыбки (роман) 6 58; 7 64; 8 68
В. Война. Бизнес на «конце света» 8 83
М. Файзи. Вестник Победы (рассказ) 5 2

С. Черток. Сестра милосердия (о фильме «Юлия Вревская») 2 65
М. Эме. Благодать (рассказ) 1 75
М. Юнусов. Верю в гармонию и красоту (о художнике А. Х. Мусалове) 2 67

ЛИСТАЯ КАЛЕНДАРЬ

И. Колесников. «Быть светлым лучом для других» (100 лет со дня рождения Ф. Э. Дзержинского) 9 74
Б. Михелева. «Душу свою за друзей своих» (125 лет со дня рождения В. Н. Фигнер) 7 20
И. Прусс. «Гомер живописи» (400 лет со дня рождения Рубенса) 6 76
М. Скибицкий. Величие Исаака Ньютона (250 лет со дня смерти) 3 74
А. Шамаро. Крест в ледяной пустыне (100 лет со дня рождения Г. Седова) 6 80

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ал. Белов. С наукой несовместимо («Черный туман») 9 92
К. Варварин. Об инженере Климове, баптистке Лине и их любви (повесть А. Черноусова «Чужие») 12 70
О. Вилните. Англиканство в прошлом и настоящем (Я. Я. Вейш. Религия и церковь в Англии) 8 93
Н. Гаврюшин. Естествознание Древней Руси (В. К. Кузаков. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв.) 12 90
О. Герасимов. Полезный справочник (Г. А. Шпажников. Религии стран Западной Азии) 12 88
М. Данилова. Американское просвещение и революция (А. М. Каримский. Революция 1776 года и становление американской философии) 12 89
М. Данилова, З. Тажуризина. Естествознание — атеисту (Е. П. Левитан. Физика Вселенной) 4 94
Р. Данильченко. За комплексный подход («Вопросы научного атеизма», вып. 19) 3 93
Р. Данильченко, К. Синютина, К. Степин. Разные решения одной задачи («Основы научного атеизма». М., 1975. В. К. Танчер. Основы научного атеизма. Киев, 1975. «Основы научного атеизма». Минск, 1975) 12 85
В. Долгова. Духовное богатство общества (И. В. Суханов. Обычаи, традиции и преемственность поколений) 1 92
Е. Дубровский. Основа всякого прогресса («Наука и человечество». 1977) 11 92
А. Иванов. Важная сторона социалистической демократии (В. А. Куроедов. Советское государство и церковь) 6 94
Н. Козлов. Атеистическое наследие Герцена (А. И. Герцен. Об атеизме, религии и церкви) 7 93
Н. Красников. Духовная культура и церковь (В. Зоц. Несостоятельные претензии) 5 93
В. Левин. Зачем небо человеку? (А. Урсул, Ю. Школенко. Человек и Космос; их же: Обитаемая Вселенная) 7 94
А. Лепихов. Земля людей (одноименный сборник) 2 91
В. Мазохин. Две реформации (Д. Форте. Мартин Лютер и Томас Мюнцер) 12 73
Н. Митрофанов. Архив из Цебельды (И. П. Лейберов. Цебельдинская находка) 11 94
Л. Поликовская. Герои Шукшина в книге и на сцене (спектакль «Беседы при ясной луне») 6 73
В. Рупец. Пролетариат и церковь (М. Я. Домнич. Очерки истории христианского синдикализма) 2 94
М. Скибицкий. Анализ кризиса («Религия и церковь в современную эпоху») 5 94
М. Скибицкий. Атеистическое наследие революционной социал-демократии («Деятели международного рабочего движения о религии и церкви») 2 93
Ю. Субботин. Союз креста и свастики (К. Е. Дмитрук. Свастика на сутанах) 7 93
З. Тажуризина. Надежные союзники («Да скроется тьма!») 1 94
Ю. Тимофеев. Наследники мировой культуры (репортаж с выставки книги) 11 90
Е. Филиппова. Духовный мир личности и религия (М. Г. Писманик. Личность и религия) 8 93
И. Фортунатов. Торжествующая наука (С. Резник. Раскрывшаяся тайна бытия) 12 88
И. Фурсин. Живая ткань нового обряда (Ю. Н. Ельченко. Новому человеку — новые обряды) 3 92
Г. Шаймухамбетова. Ислам и средневековая Европа (У. Монтгомери Уотт. Влияние ислама на средневековую Европу) 9 93
М. Шахнович. У истоков советской атеистической науки (Л. Андриенко. (Ворожцова). Атеист ленинской школы) 1 93
Ю. Школенко. Открылась бездна, звезд полна... («Икары и Дедалы») 10 39
К. Ям. Проблемы решаются комплексно («Вопросы научного атеизма», вып. 20) 5 91
В местных издательствах 2 94; 3 94; 4 95; 8 94; 95; 9 91, 94; 10 95; 11 91; 12 91
Этимологические заметки 1 73, 80; 2 51, 70; 3 69, 73; 4 72, 80; 5 63; 6 76; 7 79; 8 87; 9 90, 10 63, 69; 12 72.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Киткаускас. ВИЛЬНЮССКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР. Вильнюс, «Минтис», 1977, 63 стр. с илл., 40 000 экз., 27 коп.

Б. Н. Коновалов. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. М., «Знание» (серия «В помощь лектору»). 1977, 48 стр., 10 000 экз., 7 коп.

В. Лебедев. «ТАЙНЫ» ПСИХИКИ БЕЗ ТАЙН. М., Политиздат, 1977, 88 стр., 200 000 экз., 15 коп.

В. Е. Лебедева. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ. М., «Просвещение», 1977, 80 стр., 200 000 экз., 15 коп.

Н. В. Лощенкова. КРИТИКА РЕЛИГИОЗНОГО АНТИСОВЕТИЗМА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 9), 1977, 64 стр., 53 150 экз., 11 коп.

«МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО МИРА». Пер. с англ. М., «Наука», 1977, 455 стр., 30 000 экз., 2 руб. 03 коп.

В. М. Ничик. ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ. М., «Мысль», 1977, 192 стр., 60 000 экз., 25 коп.

И. Свистунов и А. Скачков. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. М., Профиздат, 1977, 64 стр., 536 800 экз., 9 коп.

И. Шток. ПЬЕСЫ. М., «Искусство», 1977, 568 стр., 15 000 экз., 1 руб. 63 коп. (В сборник вошла «Божественная комедия»).

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

«Бактрийские древности». Л., 1976. Из содержания: **Б. Я. Ставиский.** Изучение буддийского культового центра Кара-Тепе в Старом Термезе в 1972—1973 гг., стр. 39—43; **В. Н. Пилипко.** Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-Тепе, стр. 59—68.

В. Е. Владыкин. Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов. В кн.: «Вопросы этнографии Удмуртии». Ижевск, 1976, стр. 49—67.

Л. П. Воронкова. Проблема свободы в «теологии кризиса» Р. Нибура. «Вестник Моск. ун-та. Философия». 1976, № 6, стр. 84—91.

В. Ф. Гажос. Особенности научно-атеистического воспитания в женском трудовом коллективе. В кн.: «Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии и социологии». Кишинев, 1976, стр. 199—216.

В. Герасименко. Религия в современной борьбе идей. В кн.: «Непримиримость». Симферополь, 1976, стр. 59—71.

«Герценовские чтения. XXVIII». Л., 1976. Из содержания: **А. К. Козырева.** Понятие веры в религиозной идеологии, стр. 68—73. **В. Ф. Кривушина.** Ф. М. Достоевский об атеистическом мировоззрении, стр. 73—78.

А. И. Демьянов. К вопросу о соотношении бытового и канонического православия в истинно-православном христианстве. «Известия Воронежского пед. ин-та», 1976, т. 179, стр. 50—61.

В. И. Добреньков. Евангелие «христианского атеизма» как выражение кризиса протестантской теологии. «Вестник Моск. ун-та. Философия», 1976, № 6, стр. 64—75.

Ю. А. Ковалев. К проблеме институционального кризиса в современном католицизме. «Вестник Моск. ун-та. Философия», 1976, № 6, стр. 76—83.

Ю. А. Ковалев. О формах модернизации диалога христианских церквей с молодежью. В кн.: «Современная идеологическая борьба и молодежь». Вып. 2. М., 1976, стр. 77—84.

А. С. Колесников. Методологические основы концепции Б. Рассела о соотношении знания и веры. В кн.: «Методология научного познания», 1976, вып. 2, стр. 126—139.

Б. Н. Коновалов. Атеистическое воспитание молодежи: опыт и проблемы. В кн.: «XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи». М., 1976, стр. 237—240.

«Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции». М., 1976. Из содержания: **И. С. Дуйчев.** К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси, стр. 31—34; **Б. А. Рыбаков.** Стригольнические покаянные кресты, стр. 79—86; **А. Л. Гольдберг.** К предыстории идеи «Москва — третий Рим», стр. 111—116.

В. А. Лисник. Идеологическая борьба и клерикализм в Молдавии в начале XX века. В кн.: «Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии и социологии». Кишинев, 1976, стр. 216—233.

В. Д. Печников. Социалистический образ жизни и атеистическое воспитание. В кн.: «Вопросы развития духовной жизни советского общества». Вып. 6. Тула, 1976, стр. 21—36.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ВОЛКОВ Геннадий Никандрович — профессор, доктор педагогических наук, заведующий сектором педагогики Научно-исследовательского института национальных школ Министерства просвещения РСФСР. Автор книг и статей по вопросам народной педагогики, в том числе монографии «Этнопедагогика». Лауреат премии К. Д. Ушинского. В нашем журнале печатается впервые.

ПРОНИН Владислав Александрович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий сектором Научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР. Автор ряда работ, опубликованных в научных сборниках, учебных пособиях, центральных журналах и газетах. Специализируется на изучении актуальных проблем зарубежной культуры. В нашем журнале печатается впервые.

ЧЕРНЫШЕВ Андрей Александрович — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета журналистики МГУ. Автор книг «Путь драматурга. С. А. Найденов» и «Десятая муза» (М. 1977), учебных пособий и статей в научных сборниках. Специализируется на исследовании русской и зарубежной художественной литературы. В нашем журнале печатается впервые.

Адрес редакции: 109004. Москва Ж-4, Ульяновская ул., 43, корпус 4.
Телефоны: 297-02-51, 297-10-89. А-07400
Сдано в набор 19. IX 77 г. Подписано к печати 27. X. 77 г. Тираж 440 000 экз.
Зак. 04407. Формат 84×108¹/₁₆.
Физ. п. л. 6. (10,08 усл. п. л.).
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»,
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

2 *Завершая год*

Духовный мир человека

5 Г. ВОЛКОВ. *Мастерство человечности*
10 К. КОНСТАНТИНОВ. *«Не научив любить, мы ничему не научим...»*

Практика: опыт, проблемы

15 В. ШЕВЕЛЕВ. *Обыкновенная лекция*
18 Г. КОСОВА. *Делать жизнь с кого?*
22 И. ТИНЯКОВА. *Горянка на работе и дома*
24 А. ЧЕРНИЙ. *Молодым — научное мировоззрение*

Праздники, обряды, традиции

27 Н. ЗОРИН. *Рожденный из легенды*
30 В. ДОЛГОВА. *Желаем счастья!*

Читатель сообщает, спрашивает

33 Е. СЕРГИЕНКО. *О вещих снах и всевнающем блюдечке*
38 И. БАЛЛОД. *Жизнь против формул*

Горизонты науки

42 И. АРТОБОЛЕВСКИЙ, А. КОБРИНСКИЙ. *Знакомьтесь — роботы!*
46 И. НЕХАМКИН. *В глубины материи*

Человеку о человеке

50 Т. МЕРИНГ. *Эмоции*

История и современность

54 Ф. НИКИТИНА. *«Возьми барабан, да не бойся!»*

Религия, церковь, верующий

59 З. КОСИДОВСКИЙ. *Сказания евангелистов*
64 И. СВЕНЦИЦКАЯ. *О новой книге Зенона Косидовского*

Литература, искусство

66 О. АНТОНОВА. *И музыка старинная звучит о времени и о себе...*
68 В. СТЕПАНОВ. *В родных местах*
70 К. ВАРВАРИН. *Об инженере Климове, баптистке Лине и их любви*
73 В. МАЗОХИН. *Две реформации*

У наших друзей

75 К. НАУМАНН, Г. ПАЙНЕ. *Симпозиум в Гюстрове*
76 И. МАРАШ. *Борец за атеистическое воспитание*

За рубежом

78 В. ПРОНИН, А. ЧЕРНЫШЕВ. *Конвивиальность Ивана Иллича*
82 Д. АНАРКУЛОВА. *Почему был убит Мохаммед Таги-хан*

Наше обозрение

85 Р. ДАНИЛЬЧЕНКО, К. СИНЮТИНА, К. СТЕПИН. *Разные решения одной задачи*
88 О. ГЕРАСИМОВ. *Полезный справочник*
88 И. ФОРТУНАТОВ. *Торжествующая наука*
89 М. ДАНИЛОВА. *Американское просвещение и революция*
90 Н. ГАВРЮШИН. *Естествознание Древней Руси*
91 *В местных издательствах*
93 *Напечатано в 1977 году*

На наших обложках помещены фото Н. Белецкого, Г. Киселевой, В. Резникова.

Цена 30 коп.
70602